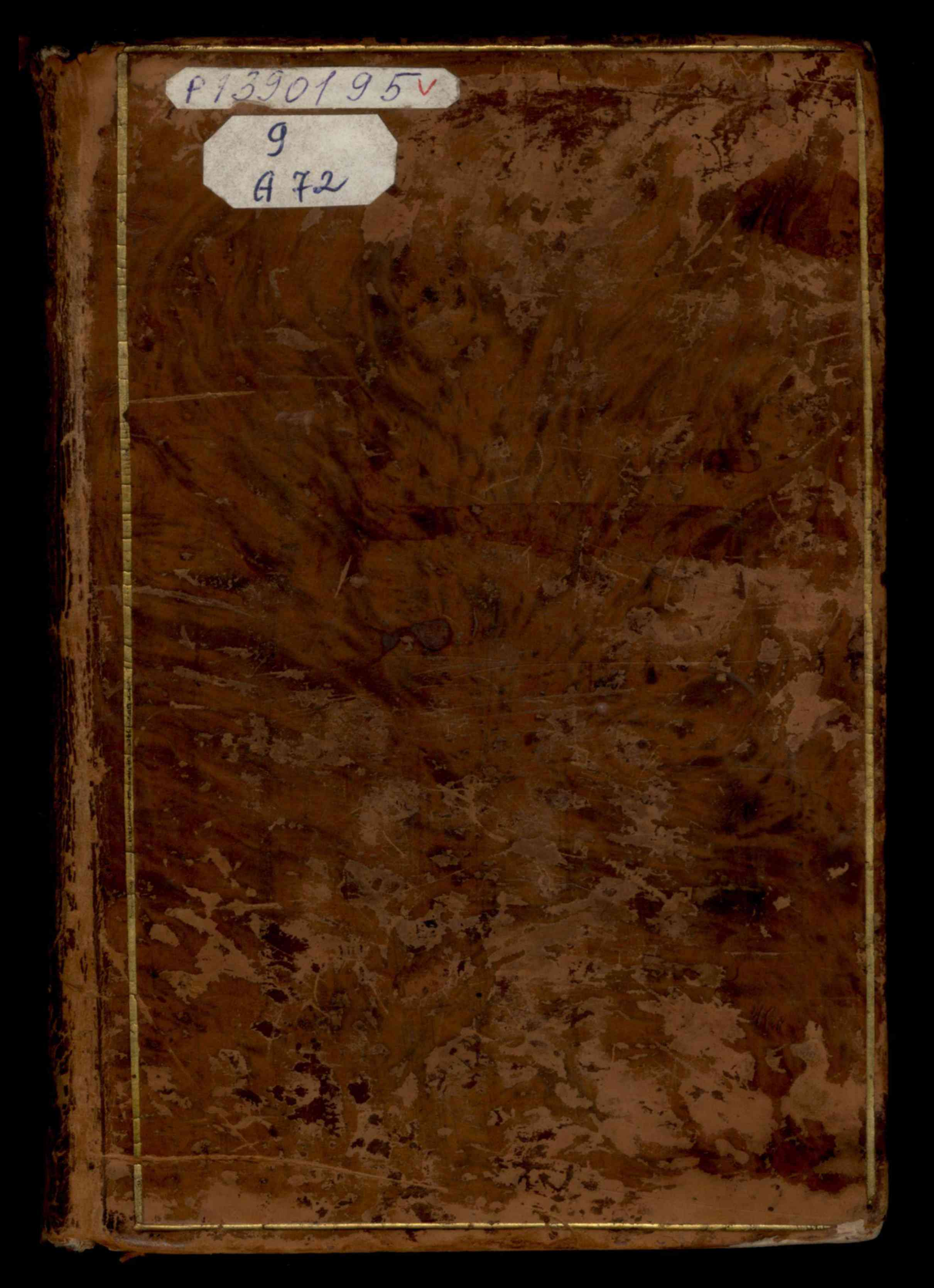
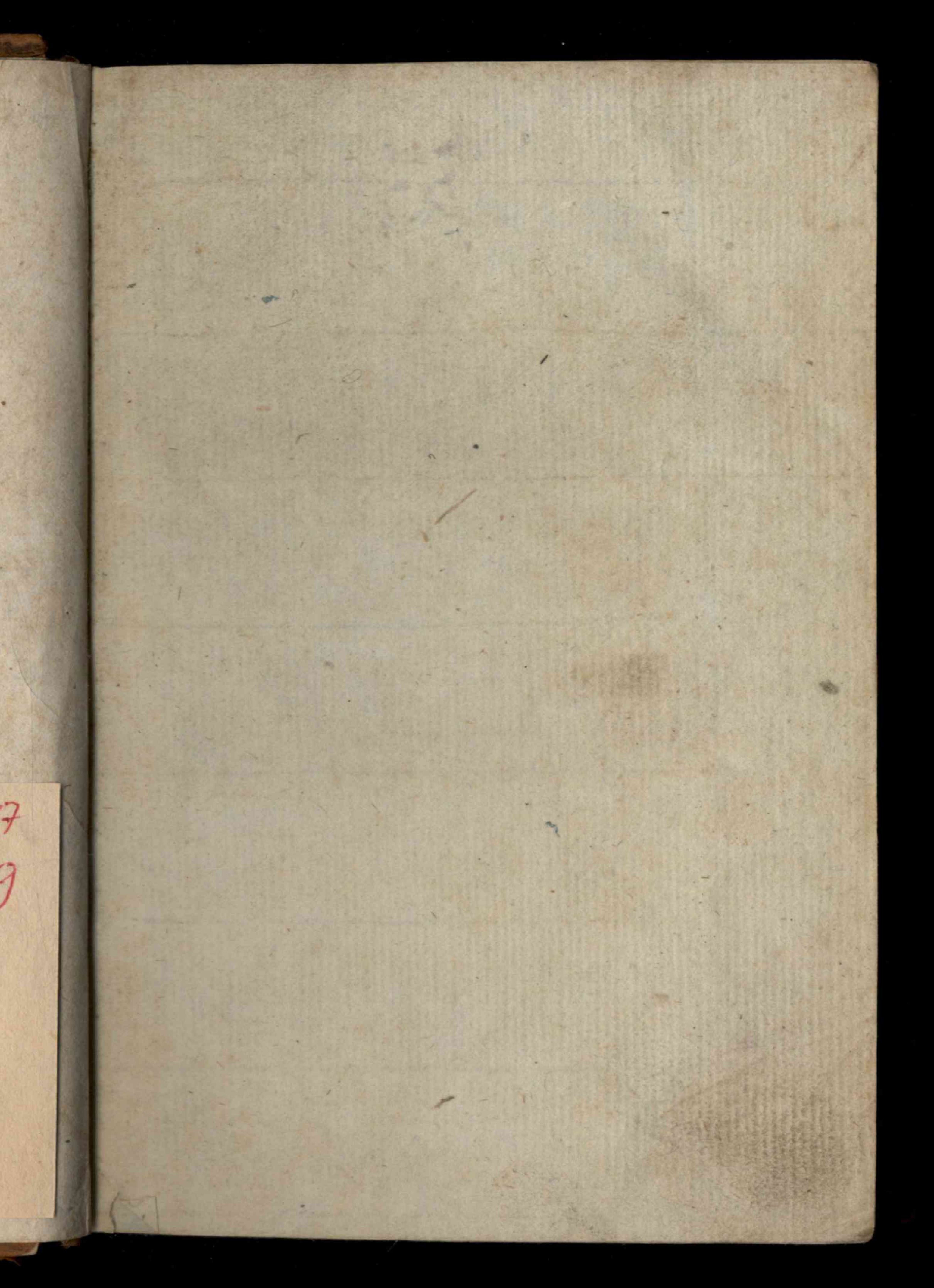

P1390195
9
A 72

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Къ 1. Том.

Кто бы ты ни былъ: тебѣ препоручаю мое погребенiе. Умираю жертвою любви и неблагодарности.

АНТЕНОРОВЫ ПУТЕШЕСТВІЯ по ГРЕЦІИ и АЗІИ

съ

прибавленіемъ разныхъ извѣстій

о

ЕГИПТѢ.

Греческая рукопись, найденная въ Геркуланѣ, и переведенная на Французскій языкъ

Г. ЛАНТЬЕ.

съ картинками.

Переводъ съ послѣдняго Французскаго изданія — исправленнаго и пополненнаго.

Ament meminisse periti! *Virg.*

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе второе.

МОСКВА,
въ Типографіи С. Селивановскаго,
1814.

Первое изданіе печатано въ Москвѣ 1801 года въ Типографіи С. Селивановскаго, съ одобренія Санктпетербургской Цензуры.

ПРЕДИСЛОВІЕ Г. ЛАНТЬЕ.

Я путешествовалъ по Италіи. Пріѣхалъ въ Неаполь, посѣтилъ тотчасъ Везувій. Первое изверженіе сей славной огнедышущей горы послѣдовало, по мнѣнію нѣкоторыхъ Писателей, при Императорѣ Титѣ, въ семдесятъ девятомъ году нашего лѣтосчисленія, и стоило жизни знаменитому Плинію. Потомъ захотѣлось мнѣ посмотрѣть Геркулана — города не задолго передъ тѣмъ вырытаго изъ земли, точно какъ по судейскому приговору вырываютъ мертвое тѣло изъ могилы. При свѣтѣ факеловъ опустился я въ сіе обиталище Гномовъ, котораго глубина простирается почти на восемдесятъ футовъ; но сырость, холодъ и дымъ отъ факеловъ принудили меня положить предѣлы своему любопытству.

Пріѣхалъ я въ Портичи, дворецъ Неапольскаго Короля, разстояніемъ

двѣ мили отъ столицы на самомъ прекрасномъ мѣстѣ, на взморьѣ и у подошвы Везувія — пріѣхалъ, и не могъ налюбоваться. Возхищенное мое воображеніе миловидностью сего прелестнаго жилища поселяло меня туда на житье, и рисовало мнѣ картину райской жизни. Я воскликнулъ:

„Abite hinc urbanae molestae que curae!“

„Заботы градскія отселѣ удалитесь!“

Осматривая Королевской Музеумъ, наполненной всѣмъ, что выкопано въ Геркуланѣ (даже орѣхами, яйцами и хлѣбомъ:) увидѣлъ я людей, которые трудились надъ прочтеніемъ старинныхъ рукописей, извѣтшалыхъ почти въ пыль, и цилиндрическою своею фигурою весьма похожихъ на табачныя свертки. Первые листы особливо трудно было развертывать. Употребляли для сего нѣкоторой родъ небольшаго наклоненнаго шпалернаго станка, на которой сей черной, съѣденной временемъ паргаментъ, будучи

подложенъ масленымъ холстомъ или бумагою, разстилался посредствомъ винтовъ. Какъ скоро оказывалось какое-либо слово, записывали; а то, котораго невозможно было прочесть, отгадывали по смыслу. Не было ни точекъ, ни запятыхъ; но догадка и знанія приставленныхъ къ дѣлу сему замѣняли все.

Между тѣмъ какъ я съ удовольствіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ на сію искусную и замысловатую работу, одинъ изъ со трудниковъ, Аббатъ Спалатини, человѣкъ умной и чрезвычайно учтивой, сказалъ мнѣ, что тѣ свертки взяты изъ развалинъ Геркулана, города, которой семнадцать вѣковъ лежалъ зарытъ подъ лавою Везувія. „Мы надѣялись, прибавилъ онъ, отъискать все, чего недостаетъ къ сочиненіямъ такого множества славныхъ Авторовъ, каковы Полибій, Діонисій Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій, Саллустій, Титъ Ливій; но вмѣсто золота, котораго

ищемъ, не нашли еще по сіе время ничего, кромѣ самой посредственной руды: Греческихъ книгъ о Музыкѣ, Медицинѣ, Морали и Реторикѣ."

Увидя одинъ довольно толстый свертокъ на Греческомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Антеноровы Путешествія по Греціи и Азіи*, спросилъ я Аббата, знаетъ ли онъ эту рукопись. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Когда мнѣ читать столько дряни! это же и Автора неизвѣстнаго." Я попросилъ у него сего свертка на нѣсколько дней, и взявъ къ себѣ, потѣлъ надъ нимъ цѣлыя сутки; но къ сожалѣнію увидѣлъ, что я къ Гомерову языку не столько еще привыченъ, чтобъ могъ съ него переводить. Пошелъ я опять къ Аббату и просилъ его отпустить рукопись со мною въ Парижъ, давая честное слово, что онъ получитъ ее обратно, какъ скоро переводъ будетъ оконченъ. Долго онъ не соглашался, но наконецъ я его уговорилъ.

По пріѣздѣ моемъ въ пресловутую сію Лутецію (*) принялся я тотчасъ за работу, и пригласилъ въ товарищи къ себѣ одного пріятеля, весьма свѣдущаго въ Греческомъ языкѣ, котораго глубокія знанія много мнѣ помогли. Впрочемъ Скептику только, и то самому смѣшному, простительно сомнѣваться, былъ ли подлино Антеноръ: когда осталось его сочиненіе, то конечно онъ былъ — былъ точно также, какъ былъ Аристотель и Платонъ.

Желаю сердечно, чтобъ трудъ мой былъ угоденъ Публикѣ, и чтобъ она простила слабость перевода, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ древности подлинника и отмѣнности онаго отъ всѣхъ другихъ сочиненій.

Щастливымъ себя почту, ежели ученые будутъ читать мою книгу изъ любопытства, а прочіе отъ бездѣлья, и хотя для того, чтобъ легкимъ способомъ пріобрѣсть нѣкоторое понятіе

(*) Старинное Латинское названіе Парижа.

о древнихъ нравахъ и обычаяхъ. Женщины же найдутъ въ любовныхъ приключеніяхъ, которыя здѣсь описаны, лекарство отъ скуки, отъ всѣхъ нервныхъ болѣзней, и сладкую пищу своей чувствительности.

Что касается до стиховъ, то я употребилъ всѣ свои силы выразить мысль и поэзію подлинника; но всякой переводъ великаго Піита есть не иное что, какъ восковая фигура, которая представляетъ одушевленное тѣло.

АНТЕНОРОВО ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда я выдалъ свои путешествія, то считалъ себѣ двадцать семь Олимпіадъ; или, говоря другими словами, солнце, со времени рожденія моего, описало свой годовой кругъ сто восемь разъ. Всѣ оные дни сокрылись, подобно какъ скрываются линіи тѣни, преходящія на солнечныхъ часахъ. Сколько людей при мнѣ родилось и умерло! Рѣка, коей волны одна другую настигаютъ, тѣснятся, спираются, есть живая картина потомства, которое протекло въ моихъ глазахъ. Сколько перемѣнъ, сколько битвъ, о коихъ слава гремѣла во всѣхъ концахъ вселенной, а нынѣ едва слабое осталось воспоминаніе! Герои, благодѣтели человѣчества, боги своихъ современниковъ равно какъ и тѣ увѣнчанные щастіемъ злодѣи, кото-

рыхъ имя внушало единой ужасъ, всѣ теперь лежатъ въ землѣ, всѣ превратились въ прахъ; а я еще живу! Но что нужды, когда пробьетъ часъ смерти, два дни или два вѣка жилъ!

Ежели кто пожелаетъ знать, какимъ средствомъ продлилъ я столько жизнь свою, то скажу въ отвѣтъ, что рецептъ мой находится въ той части Медицины, которая называется Игіеною: много движенія, употребленіе въ большомъ количествѣ воды и меду (*), частое житье въ деревнѣ, трезвость въ пищѣ, умѣренность въ забавахъ, чистота тѣла и спокойствіе духа: вотъ вся моя наука.

Но чтобъ позабавить современниковъ моихъ и потомство, (которое заранѣе вижу предъ собою непримиримымъ судіею) и оказать имъ дѣйствительную услугу, упомяну слегка

(*) Сей медъ варился съ водою, а иногда и съ старымъ виномъ, и почитался весьма полезнымъ для желчныхъ и стариковъ.

о Зоилахъ, напавшихъ на мое сочиненіе, какъ скоро оно вышло, и оставлю критику ихъ безъ возраженія. Такимъ образомъ читатель не принужденъ будетъ мучить своего воображенія, и стрѣлы, которыми захочетъ меня пронзить, найдетъ уже готовыя.

Антеноровы Путешествія, говоритъ одинъ Аѳинской Софистъ, не иное что, какъ бредъ человѣка въ горячкѣ; и ежели бы мнѣ поручено было дать этой книгѣ заглавіе, то я написалъ бы: *Антеноровы шалости.* Въ этомъ Гетероклическомъ твореніи порядокъ Хронологіи совершенно опроверженъ; единая нить, которая можетъ насъ вести сквозь вѣковъ по стезямъ Исторіи, разорвана. Какой философъ изъ Ликія или Портика, въ состояніи читать безъ негодованія такую книгу, въ которой сводятъ на одну сцену людей, разлученныхъ промежуткомъ ста лѣтъ и болѣе!

Одинъ Перипатетикъ, одаренной отмѣнною памятью, которая служитъ

ему вмѣсто творческаго духа, точно какъ лампада замѣняетъ солнечное сіяніе, обличаетъ меня въ кражѣ; утверждаетъ, что я собиралъ остальные колосья на чужой полосѣ. „Ежели бы Антеноръ, говоритъ онъ, не хотѣлъ присвоить себѣ чужаго, или по словамъ Езопа, украситься павлиными перьями, то поступилъ бы онъ по примѣру тѣхъ знаменитыхъ творцевъ, которые подъ каждою страницею указываютъ рудники, откуда извлекаютъ свое золото; отъ чего и сочиненіе бываетъ не только привлекательнѣе, но еще и прибыточнѣе, потому что такое размноженіе именъ и строкъ дѣлаетъ необходимо книгу толще.

Одинъ умница изъ Академіи упрекаетъ меня, что мое намѣреніе было только блеснуть ученостію, и что я нагрузилъ ею свое сочиненіе такъ неискусно, что женщины и вообще всѣ люди любезные получатъ отъ моей книги позевоту; а враги запретятъ

имъ оную, точно какъ запрещаютъ маковой сокъ слабымъ желудкамъ.

Одно дѣтище съ Геликона прощаетъ мнѣ нарушеніе Хронологическаго порядка и кражу; но досадуетъ, что въ слогѣ моемъ нѣтъ ни цвѣту, ни воображенія. Ему пріятнѣе, говоритъ онъ, читать старые свои стихи, нежели вялую мою прозу.

Діалектикъ совѣтуетъ мнѣ учиться методѣ изъ его Логики. Геометръ вызывается доказать математически, что я на каждомъ шагу ошибаюсь въ счетахъ и мѣрахъ. Вакховъ жрецъ говоритъ, что я беззаконникъ и атеистъ. Послѣдователь Эпикура называетъ меня суевѣромъ. И наконецъ одинъ Аѳинской волокита находитъ, что какъ Фаноровы, такъ и мои любовныя интриги медленны, холодны и дурно расположены.

Признаюсь, что уязвленное мое самолюбіе побуждало меня нѣсколько разъ приниматься за оружіе. Въ оправданіяхъ, а особливо въ ругатель-

ствахъ, не имѣлъ бы я недостатка;
но возмутилъ бы свой покой и разгоря-
чилъ бы свою кровь. Пусть лучше кни-
га моя упадетъ тихонько, подобно
какъ легкое тѣло спускается по воз-
духу; а не съ такою скоростію и сту-
комъ, какъ дубъ, сломленный вѣтрами.

Что касается до тѣхъ, которые
для умноженія своей учености любо-
пытны знать эпоху моей смерти, то
я не могу удовольствовать сего ихъ
желанія, пока еще въ живыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

У древнихъ Грековъ была въ употребленіи слѣдующая монета:

Оболъ, Драхма, Мина и Талантъ.

	Рускія деньги.	
	рубли.	копейки.
Оболъ - - - -	- -	отъ 3 до 5
Драхма *серебряная* (или 6 оболовъ) -	- -	отъ 20 до 30
Драхма *золотая* (или 10 драхмъ серебрен.) - - -	3	- -
Мина (или 10 золотыхъ драхмъ)	25 или 30	- -
Талантъ серебряной или меньшей около - - - -	1000	- -
Талантъ золотой или большій - -	1500	и болѣе
Персидская монета:		
Дарикъ - - -	250	или около
Римской ассъ -	- -	2 или 3

Въ разныя времена и въ разныхъ Провинціяхъ цѣна монеты перемѣнялась, какъ то обыкновенно случается.

Мѣра, какую древніе Греки употребляли для измѣренія разстояній мѣста, была слѣдующая:

Локоть содержалъ въ себѣ	6 ладоней.
Футъ - - - -	$\frac{2}{3}$ локтя.
Сажень - - - -	6 футовъ.
Плетра - - - -	100 футовъ.
Стадія *меньшая* или *Олимпійская* -	600 футовъ. или $\frac{1}{5}$ версты.
Стадія *большая* -	1000 ф. или около $\frac{1}{2}$ верст.

Меньшая стадія чаще употреблялась мѣрою, нежели большая. Первая называется Олимпійскою, потому что Олимпійское поприще имѣло въ себѣ оную мѣру.

Имяна мѣсяцовъ:

Греческихъ:	*Рускихъ:*
Гамеліонъ.	Январь.
Елафеволіонъ.	Февраль.
Мунихіонъ.	Мартъ.
Ѳаргеліонъ.	Апрѣль.
Скиррофоріонъ.	Май.
Гекатомвеонъ.	Іюнь.
Метагитіонъ.	Іюль.
Воедроміонъ.	Августъ.
Мемактеріонъ.	Сентябрь.
Піанепсіонъ.	Октябрь.
Анѳестеріонъ.	Ноябрь.
Посидеонъ.	Декабрь.

Ученые не согласны въ томъ, отъ чего каждой мѣсяцъ получилъ свое названіе, равно и въ томъ, какой именно какому соотвѣтствуетъ. Мы заимствовали сію параллель Греческихъ и Рускихъ мѣсяцовъ изъ Nouveau Recueil Historique d'Antiquités Grecques et Romaines, par M. Furgault.

АНТЕНОРОВЫ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО ГРЕЦІИ и АЗІИ.

ГЛАВА I.

Изъ какой Антеноръ земли, и какимъ чуднымъ образомъ родился. Его воспитаніе. Отъѣздъ его въ Аѳины.

Я родился въ Іоніи въ городѣ Эфесѣ, гдѣ былъ великолѣпный Діанинъ храмъ. Мать моя служила при алтаряхъ сей Богини, и на пятнадцатомъ году возраста своего, по великому своему благочестію и цѣломудренной жизни, была удивленіемъ старшихъ жрицъ и примѣромъ для молодыхъ. Красота ея и молодость умножали еще болѣе блескъ нравственныхъ ея качествъ. Словомъ сказать, любезна богамъ, въ почтеніи у людей, она вкушала благоденствіе, котораго, казалось, ничто не могло возмутить; но вдругъ произшествіе непредвидѣнное, чудное,

помрачило на нѣсколько времени златые дни ея.

Эвфросина (такъ называлась любезная мать моя) начала терять свою красоту, увядала какъ осенній цвѣтокъ, и по нѣкоторымъ признакамъ заключили, что она беременна. При семъ извѣстіи, которое злословіе тотчасъ передало изъ устъ въ уста, тревога сдѣлалась общею. Жрицы ожидали каждую минуту, что богиня отмститъ за оскверненіе храма смѣшеніемъ всѣхъ стихій, по крайней мѣрѣ насланіемъ какого великаго нещастія; но небо пребыло ясно, и ни одно чудовище не появлялось устрашить вселенную. Тогда злословіе умолкло, и жрицы склонились на снисхожденіе; а Эвфросина увѣряла со всѣмъ чистосердечіемъ невинности, что мысль ея такъ непорочна, какъ взоръ стыдливости.

Помнила она только, что за нѣсколько времени предъ тѣмъ, заснувъ во внутренней оградѣ храма, увидѣла во снѣ Аполлона, явившагося ей въ образѣ прекраснаго юноши. Распущенные волосы его увѣнчаны были ла-

врами; онъ говорилъ о сладостяхъ брака, о чистомъ душевномъ удовольствіи небесныхъ совокупленій. Изступленіе чувствъ пробудило ее; но видѣніе уже исчезло. Обманъ ли то былъ отъ какого молодаго жреца, или въ самомъ дѣлѣ Обладатель Парнасса благоволилъ удостоить прекрасную Эвфросину ласкѣ своихъ; только добродѣтель ея осталась и послѣ сего такъ бѣла, такъ чиста, какъ лилія, которая лишь только разцвѣла.

Она родила меня за городомъ, и весь народъ сбѣжался смотрѣть Аполлонова сына.

Въ такой цвѣтущей молодости Эвфросина могла надѣяться, что я буду нѣкогда утѣшеніемъ и подпорою старости ея; но острая, скорая болѣзнь прекратила жизнь сей любезной женщины прежде времени. Мнѣ тогда было десять лѣтъ, а разумъ и тѣло мое не показывали еще и столько. Естьли вѣрить Философамъ, которые полагаютъ, что долгота жизни всегда соразмѣрна тому, семь кратъ взятому числу, лѣтъ, когда развернутся всѣ способности: то я

не долженъ удивляться, что пережилъ обыкновенный человѣческой вѣкъ, потому что вышелъ изъ ребятъ весьма поздо.

Эвфросина умирая, препоручила меня одному старому жрецу, своему другу и наставнику. Онъ взялъ меня въ Эфесъ, гдѣ и началось мое воспитаніе. Правила и мораль его заключались единственно въ почтеніи къ служителямъ боговъ и въ вышней добродѣтели, называемой *бережливостью*, или лучше сказать, *скупостью;* потому что онъ былъ самый гнусный скупецъ, какой когда-либо ползалъ по землѣ. Передъ смертью подтвердилъ онъ мнѣ накрѣпко, чтобъ я отнюдь не клалъ ему подъ языкъ болѣе одного обола. Онъ говорилъ, что ежели Харонъ заупрямится перевезти его за эту цѣну; то онъ готовъ дожидаться хотя сто лѣтъ на берегу.

Я былъ въ лучшемъ весеннемъ возрастѣ, когда этотъ скряга разстался съ своими сокровищами и жизнію.

Волнуемъ новыми нуждами, одушевленъ новымъ бытіемъ, не завися ни отъ кого, не имѣя ни состоянія,

ни родственниковъ, ни отечества, вознамѣрился я сдѣлаться космополитомъ. Я отправился въ Аѳины, куда влекло меня сильное желаніе обучаться Философіи, тѣлеснымъ подвигамъ и Краснорѣчію.

ГЛАВА II.

Онъ учится въ Аѳинахъ. Его примѣчанія. Знакомство его съ Аристиппомъ. Портретъ сего Философа.

Прежде всего началъ я прилѣжать къ Аѳинскому діалекту. Аѳиняне красотою плавной и благородной своей рѣчи отличаются отъ всѣхъ прочихъ Грековъ. Въ ихъ словѣ есть какое-то плѣнительное согласіе звуковъ, которое они одни умѣютъ давать своему языку. Чистой выговоръ уважаютъ они до того, что требуютъ его и отъ кормилицъ, которыхъ приставляютъ къ своимъ дѣтямъ.

Во всемъ мірѣ не было тогда мѣста для житья пріятнѣе Аѳинъ. Жители были обходительны и любезны; праздники и зрѣлища никогда не пе-

рерывались. Тамъ любили забавы, славу, вольность. Однакожъ Исократъ уподоблялъ сей городъ модной кокеткѣ, за которою хотя и волочатся, но которой никто бы не захотѣлъ имѣть женою.

Вышняя власть была въ рукахъ у народа. Граждане собирались по утру очень рано на площади, или въ Бахусовомъ амфитеатрѣ. Каждый гражданинъ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, имѣетъ право подавать голосъ и долженъ присутствовать на собраніи, подъ опасеніемъ пени. Однажды увидѣлъ я нѣсколько Чиновниковъ, называемыхъ *Лексіархами*; они шли, держа веревку, протянутую поперегъ улицы и выкрашенную алою краскою; и такимъ образомъ гнали передъ собою народъ въ собраніе. Когда веревка оставляла на какомъ лѣнивцѣ знакъ, то таковой осуждаемъ былъ заплатить пеню. Прочіе всѣ получали за присутствіе по три обола на человѣка.

Я пошелъ за Лексіархами. Собраніе открылось жертвою Церерѣ. Жрецы закололи поросенка, и чиститель-

ною его кровію окропили ограду. Потомъ одинъ изъ Старѣйшихъ произнесъ слѣдующее заклинаніе: *да погибнетъ, проклятъ богами, со всѣмъ его племенемъ, всякъ, кто дерзнетъ дѣйствовать, говорить или мыслить противу Республики!*

Для постановленія новаго закона собраніе должно состоять по крайней мѣрѣ изъ шести тысячь человѣкъ. Сенаторы сдѣлали предложеніе; послѣ чего Ораторы, стоя на катедрѣ, блеснули своимъ краснорѣчіемъ, иные въ подкрѣпленіе, другіе вопреки Сенаторскаго предложенія. Впрочемъ Ораторы подчинены закону клепсидровъ (*), то есть, рѣчи ихъ должны продолжаться не долѣе опредѣленнаго водяными часами времени. Голоса подавались поднятіемъ руки. По долговременномъ спорѣ и великомъ шумѣ предложеніе принято большинствомъ голосовъ. Признаюсь, что непристойный крикъ, сумятица и буйное волненіе сей неистовой толпы, подобное волненію разъяренныхъ водъ Эврипскихъ, оставили во мнѣ навсегда не-

(*) Клепсидры водяные часы.

пріятное впечатлѣніе противу Демократическихъ правленій.

Гимназическія упражненія полюбились мнѣ чрезвычайно. Я пріобрѣлъ довольные успѣхи въ борьбѣ, въ бѣганіи, въ метаніи свинцоваго кружка. Сложеніе мое окрѣпло. Сколько случаевъ послѣ дали мнѣ возчувствовать всю цѣну сего физическаго воспитанія! Отъ какихъ оно спасло меня опасностей! Какъ много содѣйствовало къ моему благополучію!

Въ Гимназіи подружился я съ нѣкоторыми молодыми людьми: одинъ изъ нихъ представилъ меня славному Аристиппу. Сей Философъ, коего гибкая душа умѣла подклоняться подъ всякое состояніе, былъ тогда въ своей осени; но равнодушіе, умѣренность въ забавахъ и владычество надъ страстями, наконецъ невозмутимое спокойствіе во всѣхъ приключеніяхъ жизни, сберегли крѣпость силъ его.

Не было въ Аѳинахъ человѣка ни любезнѣе, ни ученѣе Аристиппа. Свѣденія его простирались даже до поварскаго искусства: повара прихаживали къ нему просить его совѣта.

Онъ любилъ вкусный столъ, и обыкновенно говаривалъ, что ежели бы лакомство было предосудительно, то не давали бы великолѣпныхъ пировъ въ честь богамъ. Въ бесѣдѣ съ прекраснымъ поломъ онъ прикрывалъ свою ученость покровомъ веселости; а когда и обнаруживалъ, то пріятнымъ только образомъ, или забавною шуткою. Любилъ нравиться женщинамъ и находилъ удовольствіе приводить ихъ въ замѣшательство; обладая собою совершенно, разстилалъ онъ свои сѣти такъ искусно, что рѣдкимъ удавалось избѣгнуть ихъ. Домъ его былъ собраніемъ лучшихъ людей: его кроткая, легко-исполнимая Философія, веселость, наполненный остротою и пріятностями разумъ, даръ льстить очень тонко и одолжить каждымъ словомъ, дѣлали бесѣду его прелюбезною. Прозорливость имѣлъ удивительную; поговоря однажды съ человѣкомъ, узнавалъ его свойства; обыкновенное слово его было: *Говори онъ что хочетъ, лишь говори: этого мнѣ довольно.*

Въ дѣлахъ былъ глубокомысленъ и мудръ; на собраніяхъ и пирахъ вѣт-

ренЪ и забавенЪ; выраженія свои умѣлЪ выбирать весьма удачно; шутка его была тонка безЪ ѣдкости: онЪ говорилЪ сЪ одинаковою ловкостью о политикѣ, о любви, о нравахЪ, о религіи, о забавахЪ и смерти.

ГЛАВА III.

ОбѣдЪ у Аристиппа.

Нѣсколько дней послѣ того, какЪ я сЪ нимЪ познакомился, позвалЪ онЪ меня кЪ себѣ обѣдать. Я пришелЪ передЪ захожденіемЪ солнца, и нашелЪ уже множество гостей. Дожидались только хозяина и друга его, Философки Ласѳеніи, сЪ которою я не былЪ еще знакомЪ. Они вошли вмѣстѣ. Одежда на Аристиппѣ была багрянаго цвѣта, и напитана самыми благовонными духами. Ласѳенія была одѣта руками Грацій, просто и прекрасно; темнорусые волосы ея вились по плечамЪ; цвѣты на головѣ и на груди составляли главный ея уборЪ. НасЪ отвели вЪ купальню и напрыскали духами; послѣ чего мы вошли вЪ пир-

ную палату. Тамъ курился ѳиміамъ и разные ароматы. Въ концѣ храмины открытой поставъ ломился подъ тяжестью золота, серебра и всякой столовой утвари, осыпанной драгоцѣнными каменьями. Вошли невольники съ вѣнками изъ цвѣтовъ и сосудами для омовенія рукъ; вѣнки возложили намъ на головы (*). Брошенъ жеребій, кому быть *царемъ* праздника, и жеребій палъ на Ксанта Перипатетика. Онъ роздалъ всѣмъ гостямъ должности, и распорядилъ, когда и за чье здоровье пить.

Мы возлегли на ложахъ вокругъ стола, который прежде смыли нѣсколько разъ. Покрывала ложъ нашихъ были багрянаго цвѣта.

Въ ту самую минуту вошелъ Софистъ Филоксенъ. Изумясь отъ великолѣпія и пышности, нахмурилъ онъ

(*) Древніе очень любили вѣнки. Они были увѣрены, что цвѣты на головѣ, на груди и даже въ сосудахъ, охраняютъ отъ опьянѣлости. Наконецъ вѣнки сдѣлались награжденіемъ за проворство и храбрость.

брови и сказалъ Аристиппу, что Философу, любителю мудрости, такая роскошь, такое чванство не приличны. Аристиппъ, не замѣшавшись ни мало, отвѣчалъ: „Любезный Филоксенъ! одолжи меня, останься съ нами — Ты такъ любезенъ, что нельзя тебѣ отказать ни въ чемъ.“ — Когда Аристиппъ увидѣлъ, что онъ занялъ свое мѣсто, и началъ ѣсть весьма охотно, то сказалъ ему: „въ отвѣтъ на твою критику разскажу тебѣ одинъ случай. Купилъ я при Андронѣ Стоикѣ куропатку, и заплатилъ пятьдесятъ драхмъ; онъ журилъ меня за такое мотовство. Я выслушалъ его спокойно, потомъ сказалъ ему: ежелибы куропатка стоила одинъ оболъ, то и ты бы ее купилъ? — Купилъ бы. — Ну, такъ для меня столько же дороги пятьдесятъ драхмъ, сколько для тебя одинъ оболъ. Вижу, что не пышность и не вкусная пища тебѣ противны, но расходъ.“ — Филоксенъ почувствовалъ, къ чему клонится этотъ намекъ; однакожъ продолжалъ кушать, какъ и прежде.

Первая ноша состояла изъ черепокожныхъ сырыхъ и съ приправою.

Сверхъ того были свѣжія куриныя и павлиныя яица (послѣднія почитаются лучшими), свиныя ноги, ягнячьи головы, телячьи кишки и блюдо кузнечиковъ, до которыхъ Аѳиняне великіе охотники, и которыми рынки ихъ изобилуютъ. Начатки отъ блюдъ мы отложили для Діанина жертвенника.

Во второй ношѣ принесли дичь, домашнихъ кормленыхъ птицъ и рыбъ превосходнаго вкуса.

Странно мнѣ показалось, что многіе изъ гостей сдавали со стола блюда своимъ невольникамъ. Я узналъ послѣ, что таковъ былъ обычай, и что всякой гость могъ съ хозяйскаго стола посылать нѣсколько блюдъ друзьямъ своимъ.

Въ началѣ обѣда Аристиппъ налилъ полную чашу вина, и только прикушавъ, передалъ ее своему сосѣду, а тотъ своему, и чаша обошла вокругъ. Первая чаша есть символъ братства собесѣдниковъ. Послѣ того чаши пошли одна за другою. Въ первой было треть вина и двѣ трети воды; мало по-малу количество воды начали уменьшать, и напослѣдокъ лили одно

чистое вино. Хозяинъ пилъ за наше здоровье, а мы его благодарили.

Ласѳенія взяла цитру, заиграла и воспѣла гимнъ въ честь Вакху. Голосъ былъ у нее препріятный, прескладный и прегибкій; она умѣла настроивать его на всѣ тоны; стихи сочинила сама. Разхвалили ея таланты; но никакія похвалы не могли поравняться съ удовольствіемъ, которое она произвела.

Всѣ, сколько ни было за столомъ, держа лавровыя и миртовыя вѣтьви, пѣли по очереди, вторя себѣ на лирѣ.

Когда очередь дошла до меня, то я покраснѣлъ и признался, что не знаю музыки. Заключили изъ того, что мое воспитаніе было пренебрежено.

Какъ одинъ изъ гостей хвалилъ Аристиппово великолѣпіе, вкусъ, щегольской столъ, и называлъ его преблагополучнымъ человѣкомъ; то Филоксенъ вскричалъ: „Эпикуръ издерживалъ на обѣдъ по одному только асу, и не почиталъ себя нещастнымъ. — А когда онъ страдалъ подагрою, и въ самой жестокой мукѣ вздумалъ сказать: *я благополученъ; это послѣдній день мой*

ж щастливѣйшій всѣхъ дней моей жизни! — (спросила съ улыбкою Ласѳенія)? — Такъ чтожъ? Я увѣренъ, что онъ и тогда былъ благополученъ. — А мнѣ кажется, это не иное что, какъ пустое философское чванство. — Чванство или нѣтъ, сказалъ Аристиппъ, только не льзя не согласиться, что Эпикуръ имѣлъ подлинно великой духъ, потому что онъ выдержалъ свой характеръ до послѣдней минуты. Природа не заключила благополучія ни въ богатствѣ, ни въ бѣдности: бѣдный имѣетъ тѣ же чувства, можетъ вкушать тѣ же сладости, что и богатый: но въ гибкости души и въ благоразумномъ поведеніи. Большая часть людей очень чудны! Когда они покупаютъ землю, домъ, уборы: то берутъ всѣ осторожности, чтобъ не ошибиться; а ежели дѣло идетъ о выборѣ правилъ, какъ себя вести, и какъ вѣрнѣе достигнуть прочнаго щастія, то это какъ будто не до нихъ касается. Сцена вокругъ меня часто перемѣнялась; не разъ бывалъ я принужденъ разставаться съ багряною своею мантіею и облекаться въ самую

грубую ткать; но и посреди бѣдности умѣлъ я выращать розы въ полѣ очень безплодномъ.

Будучи молодъ, богатъ и независимъ, оставилъ я Кирему, свое отечество, и поѣхалъ въ Аѳины веселиться и просвѣщать свой разумъ. Я учился у Сократа. Любилъ науки, любилъ и забавы, и для удовольствія своего не жалѣлъ ничего. Имѣнія моего стало не надолго. Я открылъ глаза уже на краю пропасти; продалъ все, что ни имѣлъ: домовые уборы, лошадей, вещи, платье; окутался въ толстую епанчу, ходилъ босой, накрылъ голову большою изорванною шляпою, и поселился въ Эноѣ, Аттическомъ селѣ, съ намѣреніемъ жить въ неизвѣстности. Тамъ питался овощами и кореньями. Будучи силою характера своего выше того состоянія, въ которое судьба меня привела, создалъ я себѣ новыя удовольствія: прогулка и ученье наполняли всѣ часы свободнаго моего времени. Одинъ богачь пришелъ ко мнѣ спросить, сколько я возьму за воспитаніе сына его. — *Шесть сотъ драхмъ*, отвѣчалъ я. — *Шесть сотъ драхмъ! На*

эту сумму можно купить невольника. — Ты правду говоришь: купи одного, и будешь имѣть двухъ.

Будучи такого мнѣнія, что удовольствіе должно быть пружиною всякаго мыслящаго существа, и помня прекрасное изреченіе одного нашего Философа-Піита: что *Любовь заставила бы воздвигнуть себѣ храмы даже въ землѣ атеистовъ*, не позабылъ и я сжечь нѣсколько ладона въ честь Амаѳонтской богинѣ; но вмѣсто блистательной Аѳинской красавицы выбралъ себѣ простую деревенскую дѣвушку, безхитростную и свѣжую, какъ весна. Роза лишь только начинала распускаться на невинныхъ ея прелестяхъ. Правду сказать, она довольно позагорѣла; но какъ не гдѣ было взять другой, то и эта казалась мнѣ Венерою. Чтобъ ей понравиться, поставилъ я себя въ ровное съ нею состояніе: помогалъ ей черпать воду, доить козу; таскалъ ношу, разводилъ огонь, чистилъ травы, обѣдалъ съ матерью и дочерью на такомъ столѣ, съ которымъ время поступило столько жъ не милосердо, какъ со столомъ добренькой

Баукиды. Блюдо овощей, кусокъ сыра, составляли все наше кушанье. Послѣ, когда я возлежалъ при великолѣпныхъ пирахъ Діонисія Сицилійскаго, то смѣялся игрѣ фортуны. Любезная моя Мильза имѣла все чистосердечіе, всю невинность возраста своего и состоянія. Никогда не позабуду, что въ одну самую рѣшительную минуту она спросила меня очень искренно: обѣщаюсь ли я на ней женишься? — „Бракъ съ тобою, отвѣчалъ я, вознесъ бы меня на верхъ моихъ желаній; но я люблю тебя столько, что не хочу купить своего удовольствія цѣною твоей смерти: Дельфійской Оракулъ объявилъ мнѣ, что первая моя жена умретъ по шести мѣсяцахъ послѣ свадьбы; теперь хочешь ли выпти за меня? — Умереть-то мнѣ не хочется. — Ни я, моя милая, не желаю быть причиною твоей смерти.“ — Что дѣлать? Надлежало отложить обряды, и пользоваться одними удовольствіями. Для меня эта связь была тѣмъ пріятнѣе, что не отвлекала отъ ученья, и что я пилъ изъ чаши забавъ, не опасаясь опьянѣлости.“ — Тогда угрюмый Фи-

локсенъ сказалъ Аристиппу: „Признайся, что теперь не сталъ бы ты обольщать этой бѣдной дѣвки? — Я бы еще и теперь старался ей понравиться, ежели бы имѣлъ на нее желанія. — Какъ, Философъ такой, какъ ты, Сократовъ ученикъ! — Философъ такой, какъ я, умѣетъ оцѣнить предразсудки и софисмы мнимыхъ мудрецовъ. Послушай: ежели бы ученая женщина могла умомъ своимъ и знаніями принести тебѣ пользу, то отрекся ли бы ты отъ удовольствія быть съ нею? — Разумѣется, что нѣтъ. — Ежели бы, томясь жаждою и зноемъ, нашелъ ты прохладный лѣсокъ и прозрачную воду; то напился бы воды и отдохнулъ подъ тѣнью? — Конечно: все это служитъ на пользу, имѣетъ свою цѣль. — Знай же, что какъ вода нужна для утоленія жажды, а ученая женщина для просвѣщенія ума; такъ равно нужна и женщина прекрасная, только на другое употребленіе, столько же не противное нравственности и природѣ, которая одарила насъ чувствами конечно не для того, чтобъ мы старались ихъ умерщвлять." —

Сіе разсужденіе подало матерію говорить о верховномъ благѣ. — „Эпикуръ полагаетъ верховное благо въ забавахъ и въ отчужденіи отъ скорби, сказалъ Аристиппъ. — Это опредѣленіе, отвѣчалъ Филоксенъ, подало поводъ порочить мораль его и нравы. — Не справедливо, потому что хотя на воротахъ сада его и написано было: *Блажени услаждающіе жизнь свою!* однакожъ гостей своихъ подчивалъ онъ хлѣбомъ и водою, и всегда говорилъ, что кто хочетъ жить благополучно, тотъ не долженъ удаляться отъ стези разсудка и справедливости.

Филоксенъ. Зенонъ, основатель Стоической секты, былъ такого мнѣнія, что здоровье, добрая слава, богатство и другія такія преимущества не составляютъ блага; онъ исключалъ изъ числа золъ бѣдность, скорбь и безславіе. „Добродѣтель одна, говорилъ онъ, достаточна къ нашему благополучію. Тотъ, кто умѣетъ владѣть своими страстями, въ какомъ бы состояніи ни находился, всегда щастливъ.“ — *Аристиппъ.* Охотно вѣрю, что такой человѣкъ въ печали, въ

оковахъ, во всѣхъ напастяхъ имѣетъ въ самомъ себѣ утѣшеніе, котораго не достаетъ другому; но одинъ только безумецъ можетъ въ такомъ случаѣ сказать, что онъ щастливъ. Невѣжа, который пьетъ хорошее вино и веселится съ любовницею, конечно щастливѣе, нежели мудрый въ темницѣ, осужденный питаться хлѣбомъ и водою. — *Филоксенъ.* Мудрый, по мнѣнію Зенона, есть существо неимѣющее страстей; душа его не причастна даже жалости, которую Стоики почитаютъ слабостью. — *Аристиллъ.* Это вышедшее изъ натуры существо столько же не похоже на истиннаго мудреца, какъ Гермесовъ истуканъ на одушевленную тварь. Такой человѣкъ не по моему нраву. — И не по нраву нашего пола, вскричала Ласѳенія. — *Аристиллъ.* Перипатетики разсуждаютъ гораздо здравѣе: они говорятъ, что какъ человѣкъ двоякой натуры, то есть, составленъ изъ тѣла и души; то и потребно ему для жизни пріятной, для жизни съ природою согласной, соединеніе благъ физическихъ и моральныхъ. Здоровье,

богатство, уваженіе, почитают они дѣйствительным благом, а скорбь и бѣдность дѣйствительным злом; но добродѣтель, по их мнѣнію, выше всѣх прочих благ, а порок злѣе всѣх других зол. — *Филоксен*. Я никогда не соглашусь признать богатства дѣйствительным благом. — *Аристипп*. Как! ни даже тогда, когда сидишь за хорошим обѣдом?" — Эта шутка очень понравилась. Когда перестали смѣяться, то Аристипп сказал: кончим нашу матерію. Вот мое мнѣніе: „я не полагаю благополучія в однѣх только забавах, но в самом дѣятельном употребленіи наших физических и моральных способностей, в попеченіях и трудах, какіе мы прилагаем к снисканію удовольствій, богатства, или славы.

Но, чтоб доказать почти математически, как величіе и сокровища недостаточны к нашему блаженству, представлю вам в примѣр Діонисія Сиракузскаго, при котором я очень долго жил. Он был человѣк умный и разсуждал весьма хорошо,

но честолюбіе дѣлало его пренещастнымъ. Утопая въ сладостяхъ, имѣя всѣ удовольствія у себя подъ рукою, этотъ самовластный Государь оставлялъ часто свой престолъ и приxаживалъ ко мнѣ искать утѣшенія, въ которомъ я никогда не имѣлъ нужды. Однажды, чтобъ удержать меня при своемъ дворѣ, предложилъ онъ мнѣ весьма знатное мѣсто. „Не отнимай у меня, сказалъ я ему, пріятности жить съ равнымъ себѣ." Будучи безпрестанно терзаемъ подозрѣніями и ужасомъ, построилъ онъ себѣ подземной домъ, окруженный широкимъ рвомъ, куда ни жена, ни дѣти его не могли входить, не скинувъ прежде съ себя всей одежды; онъ боялся сокрытаго оружія. На немъ всегда была кольчуга. Брадобрей его сказалъ шутя, что жизнь Царя у него въ рукахъ. Діонисій приказалъ его умертвить, и послѣ того прижигалъ себѣ бороду самъ. Впрочемъ ежели тиранъ можетъ кого любить, то конечно любилъ онъ меня. Могу похвалиться, что и я былъ ему полезенъ. Онъ осыпалъ меня благодѣяніями; за то я распоряжалъ его пи-

рами, услаждалъ его царскую глотку, сколько могъ, и напивался вмѣстѣ съ нимъ. Я имѣлъ случай дать ему очень философической урокъ. Однажды въ восторгѣ дружества или щедрости, и будучи нѣсколько разгоряченъ виномъ, сказалъ онъ мнѣ, что я могу просить у него, чего хочу, и поклялся напередъ, что исполнитъ мое желаніе. Я попросилъ столько зеренъ хлѣба, сколько найдется ящиковъ у Государственнаго Казначея, полагая на первой одно зерно, на другой два, на третій четыре, на четвертый шестнадцать, и такъ далѣе до послѣдняго. Всѣ смѣялись надо мною, какъ надъ дуракомъ; и Діонисій, забавляясь на мой щетъ вмѣстѣ съ прочими, подтвердилъ свое слово. Когда сдѣлали выкладку, то оказалось, что не достало бы на заплату мнѣ всего Сицилійскаго и Египетскаго годоваго урожая.

Въ другое время, имѣя нужду въ деньгахъ, попросилъ я у него талантъ. А! а! сказалъ онъ съ язвительною усмѣшкою: ты всегда говаривалъ, что Философъ не имѣетъ ни

въ чемъ недостатка. — Я и теперь того же мнѣнія. Прежде прикажи выдать деньги, а потомъ станемъ разсуждать." -- Когда я получилъ желаемое, то сказалъ ему: „видишь ли теперь, что Философъ не имѣетъ недостатка ни въ чемъ?" —

Тутъ вошло нѣсколько молодыхъ людей. Встали изъ-за стола и начали плясать. Аѳиняне великіе охотники до пляски. Потомъ вошли опять въ столовую. Для возбужденія аппетита поставили еще разныя небольшія блюдца, оливки и вино. Напослѣдокъ принесли жертву изліянія богамъ, и пили въ честь Юпитеру.

Я не проронилъ изъ Аристипповыхъ рѣчей ни одного слова: онъ говорилъ такъ хорошо, такъ пріятно! мораль его столько была сообразна слабости и натурѣ сердца человѣческаго, что надлежало по неволѣ внимать ему безмолвно!

ГЛАВА IV.

Антенорѣ влюбляется въ Ласѳенію. Разговоры его съ нею. Они смотрятъ разныя произведенія Художествъ, и потомъ прогуливаются по берегу Илисса.

Между тѣмъ прекрасная Ласѳенія часто привлекала на себя мои взоры. Она мало пускалась въ разговоръ; но когда говорила, то давала столько выраженія своимъ рѣчамъ, произношеніе имѣла такое чистое, голосъ столь трогательный и плѣнительный, что я досадовалъ на ея молчаніе. Пошедъ домой, унесъ я образъ ея внутри своего сердца.

Щастливый случай свелъ меня съ нею на другой день въ Парѳенонѣ (Минервиномъ храмѣ). „Вы пришли, сказала она мнѣ, удивляться рѣдкимъ произведеніямъ Художниковъ? — Сколько можно иностранцу чувствовать красоты такого Художества, въ святилище котораго онъ не введенъ. — Я буду вашимъ Мистагогомъ(*).

(*) Цицеронъ называетъ Мистагогами тѣхъ, кои показывали сокровища и другія рѣдкости въ храмахъ.

Начнемъ съ Минервиной статуи: это Фидіева работа. Высота ея тридцать шесть локтей; она представлена стоя, покрытая своею эгидою и одѣтая въ бѣлый хитонъ; въ одной рукѣ держитъ копье, въ другой Побѣду, высотою въ четыре локтя; на шлемѣ ея Сфинксъ. — Я вижу тутъ множество барельефовъ. — И самой лучшей работы. Видимыя части тѣла сдѣланы изъ слоновой кости, исключая глазъ, которыхъ Ирисъ изображенъ особливымъ камнемъ. На эту статую золота одного пошло почти на три милліона. Разсмотрите ее примѣчательнѣе: какая величественность! какой характеръ! какое положеніе головы! Богиня кажется живою; она внушаетъ почтеніе. Золотая лампада передъ нею горитъ во весь годъ; масло вливается однажды; свѣтильня сдѣлана изъ каменнаго льну, и никогда не сгараетъ. Высота этой Минервы васъ удивляетъ; но вы удивитесь еще гораздо болѣе, когда увидите въ Олимпіи Юпитера, работы того же Художника и изъ того же вещества.“ —

По выходѣ изъ Пареенона, Ласеенія вызвалась вести меня въ Пекилъ, картинную галлерею, такъ названную по причинѣ великаго множества и разновидности картинъ, писанныхъ Микономъ и Полигнотомъ, двумя знаменитѣйшими нашими Живописцами. Они первые начали употреблять четыре цвѣта. Пекилъ открытый Портикъ(*), и можетъ почесться однимъ изъ прекраснѣйшихъ Аеинскихъ монументовъ. Передняя часть его украшена множествомъ статуй. — „Вотъ, сказала мнѣ Ласеенія, статуя Солона, того великаго Законодателя, того мудреца, который говорилъ: *Оставимъ богатство въ удѣлъ прочимъ смертнымъ, а себѣ возьмемъ только добродѣтель.*" — Когда мы вошли во внутренность зданія, то она сказала мнѣ: „Посмотрите на вторую картину съ краю: это *взятье Трои.* Греки держатъ совѣтъ по случаю злодѣйскаго Аяксова покушенія на Кассандру, Пріямову дочь. Вотъ дерзкой Аяксъ. Въ этой группѣ плѣнницъ видна нещастная Кассандра. Что поражаетъ васъ болѣе? — Кассандра. —

(*) Родъ галлереи.

вѣрю. Полигнотъ выбралъ ту самую минуту, когда она обезчещена въ Минервиномъ храмѣ. Часть ея лица завѣшана покрываломъ; но стыдъ, гнѣвъ и всѣ знаки поруганнаго цѣломудрія видны сквозь. Аѳиняне чрезвычайно влюблены въ эту фигуру, и ничему такъ не удивляются, какъ искусству, съ какимъ Художникъ умѣлъ преодолѣть трудности въ изображеніи такого содержанія.“ —

Подлѣ взятья Трои стояло *Мараѳонское сраженіе*, работы того же Живописца. Имена главныхъ воиновъ изображены на сей картинѣ прописными буквами. Я прочелъ ихъ всѣ: не было только одного имени Мильціядова. „Какъ! вскричалъ я съ негодованіемъ: въ заглавіи этого списка нѣтъ Мильціяда? — Слава его тѣмъ не помрачится, она будетъ еще громче; но Полигнотъ пропустилъ его для того, чтобъ не оскорбить самолюбія Аѳинянъ.“ —

Изъ Пекила мы пошли смотрѣть Праксителевой Венеры. „Эта статуя, сказала мнѣ Ласѳенія, портретъ

славной Фрины, одной изъ прекраснѣйшихъ Гречанокъ. Художникъ, примѣчавъ долгое время множество разныхъ положенiй, выбралъ это, какъ самое способное къ означенiю всѣхъ прелестей стана и всѣхъ совершенствъ лица. Какое мастерство! Смотрите: Богиня движется, одушевляется; кажется, она говоритъ. Сходство съ натурою такъ поразительно и обманываетъ до того, что многiе любители художественныхъ произведенiй забывшись, подходятъ цѣловать ее." —

Когда я довольно налюбовался на сiе драгоцѣнное произведенiе человѣческаго искусства; то Ласѳенiя сказала мнѣ, что она по своему обыкновенiю идетъ прогуливаться. Чистый воздухъ, прiятныя алеи, тихое, умѣренное движенiе помогаютъ всѣмъ дѣйствiямъ въ тѣлѣ, даютъ новое распространенiе душѣ, и ежели вѣрить Сократу и Аристиппу, влагаютъ въ нее даже добродѣтели. „Нѣтъ сомнѣнiя, говорятъ они, что въ тѣлѣ благорасположенномъ душа отправляетъ всѣ свои работы лучше и свободнѣе, нежели въ тѣлѣ чахломъ и худосоч-

номъ." — Я просилъ Ласѳенію взять меня съ собою. — Очень охотно. Пойдемъ-те. Я васъ проведу черезъ Керамикъ (*). Вы тамъ поклонитесь праху великаго человѣка, и бросите нѣсколько цвѣтовъ на его гробницу." — Какъ скоро мы туда пришли, то она тотчасъ привела меня къ одному мраморному памятнику, на которомъ были слѣдующія слова: *Земля сія покрываетъ Платоново тѣло: душа его на небесахъ. Человѣкъ, кто бы ты ни былъ, ежели ты честенъ, почти его добродѣтели!*

Отдавъ свой долгъ священнымъ остаткамъ сего знаменитаго Философа, сего краснорѣчиваго просвѣтителя и друга человѣчества, мы пошли подъ гордые, кудрявые чинары, отѣняющіе берега Илисса. Тамъ, не знаю отъ того ли, что ясное небо, благорастворенный воздухъ и безмолвіе, царствующее въ семъ уединеніи, внушали, безъ всякой другой причины, расположеніе къ довѣренности; или щастливое сход-

(*) Публичное мѣсто въ Аѳинахъ, гдѣ погребаемы были воины, убитые на сраженіи, и граждане, оказавшіе отечеству важныя услуги.

ство нашихъ сердецъ влекло ихъ одно къ другому: только какъ скоро мы пришли подъ тѣнь чинаровъ, какъ скоро увидѣли у ногъ своихъ чистыя, прозрачныя струи рѣки; то нѣкое сладостное спокойствіе духа оживило нашъ разговоръ. Предметомъ его былъ божественный Платонъ. „Вотъ философъ, котораго я люблю отмѣнно, сказала мнѣ Ласѳенія. Какое цвѣтущее выраженіе! Какой аттицизмъ (*)! Да и называютъ его пчелою Аттики, или Гомеромъ Философовъ. Онъ безпрестанно выправлялъ свои сочиненія, и когда умеръ, то еще найдены у него заготовленныя вчернѣ поправки. Училище его называлось Академіею. Онъ много путешествовалъ. Разсказываютъ объ немъ одинъ анекдотъ, который весьма хорошо изображаетъ его скромность. На возвратномъ пути изъ Сициліи, ѣхалъ онъ черезъ Олимпію, чтобъ видѣть зрѣлища, и стоялъ въ одномъ домѣ съ нѣкоторыми знатными иностранцами, отъ

(*) Тонкой вкусъ въ мысляхъ и словахъ, свойственный Аѳинянамъ, жителямъ Аттики.

которыхъ скрылъ свое имя. Онъ пріѣхалъ въ Аѳины вмѣстѣ съ ними и принялъ ихъ въ свой домъ. Они просили его сводить ихъ къ Платону. „Вы видите его передъ собою, отвѣчалъ онъ.“ Посудите, какъ иностранцы удивились! Въ другое время проѣзжалъ онъ черезъ Агригентъ, котораго жители были преданы роскоши, а болѣе всего издерживались на столъ и строенія. „Агригентцы, сказалъ онъ, строятъ такъ, какъ будто имъ жить вѣчно; а ѣдятъ, какъ въ послѣдній разъ.“ Нѣкто сказалъ ему: „всѣ тебя злословятъ. — Пусть говорятъ, что хотятъ, отвѣчалъ онъ; я буду вести себя такъ, что они принуждены будутъ говорить иначе.“ — Онъ не хотѣлъ перемѣнить своего жилища, когда въ сосѣдствѣ его свирѣпствовала жестокая повальная болѣзнь, говоря, что для продолженія своей жизни не сдѣлаетъ ни одного шагу. — Нравится ли вамъ эта Философія? — Нѣтъ; слишкомъ удалилась отъ натуры. Онъ разсуждаетъ гораздо здравѣе, когда говоритъ о услажденіи чувствъ, о скорби, о презрѣ-

нiи богатства; когда совѣтуетъ любить ближняго и быть честнымъ человѣкомъ; когда обѣщаетъ награду добрымъ и наказанiе злымъ по смерти." —

Ласѳенiя говорила съ такою плѣнительною прiятностiю, что ея мнѣнiя становились тотчасъ моими. — „Платонъ при всей своей важности, сказалъ я, пристрастенъ былъ къ женщинамъ, хотя и скрывалъ то. Подозрѣваютъ его, что ему случалось иногда приносить жертвы любви. — Клевета такой червь, которой пристаетъ къ лучшимъ плодамъ. Говорятъ, что Аксiотесъ, женщина умная, ходила, переодѣвшись въ мужское платье, слушать его ученiе; другiя женщины послѣдовали ея примѣру, и зависть тотчасъ разсѣяла обидные слухи. Правда, его система о совокупленiи двухъ половъ могла бы дать поводъ къ заключенiю, что онъ въ любовныхъ удовольствiяхъ не находилъ ничего противнаго благонравiю. Онъ пишетъ въ своей *Республикѣ*, что надлежитъ въ одинъ торжественный день собирать всѣхъ воиновъ

и молодыхъ дѣвушекъ. Главные Чиновники правленія должны класть имена ихъ въ два сосуда: въ одинъ мужескія, въ другой женскія. Тѣ, которыхъ имена выдутъ вмѣстѣ, станутъ пользоваться правами супружества нѣсколько дней; а дѣти, которыя отъ нихъ родятся, будутъ тотчасъ взяты и перемѣшаны, такъ что матерямъ достанется воспитывать своего или чужаго робенка, какого случится. Какъ скоро любовники удовлетворятъ желанію отечества, то разстанутся и будутъ свободны до новаго отъ Правительства позыва. Такимъ образомъ женщины могутъ принадлежать многимъ мужьямъ, одному послѣ другаго. Это горячка умнаго человѣка. Сомнѣваюсь, чтобъ такой планъ былъ когда нибудь принятъ.

Страстный Мадригалъ его къ Агаѳидѣ также подаетъ нѣкоторыя на него подозрѣнія. Вотъ онъ:

Когда Агаѳида пламеннымъ поцѣлуемъ награждаетъ меня за всѣ претерпѣнныя мною муки: въ тотъ самый мигъ чувствую, что душа моя при-

летаетъ на мои уста и хочетъ перелетѣть на уста Агаѳиды. —

Тутъ пришелъ къ намъ Аристиппъ. Онъ былъ у Анаксагора въ загородномъ его домѣ, куда ходилъ сообщить ему о смерти сына его. „Когда онъ меня выслушалъ, сказалъ намъ Аристиппъ; то отвѣчалъ холоднокровно: *Я очень зналъ, что сынъ мой родился смертнымъ.* Аристиппъ хвалилъ сей отвѣтъ; онъ въ немъ находилъ много Стоической твердости и великодушія, аЛасѳенія недостатокъ чувствительности. Для окончанія спору, она обратила рѣчь къ прежнему и сообщила Аристиппу разговоръ нашъ о Платонѣ. „Я зналъ его, сказалъ Аристиппъ: онъ былъ высокаго росту и широкъ въ плечахъ; на лбу не было у него ни одного волоска. Осанка смиренная, но важная и благородная, давала ему величественный и пріятный видъ. Его блистательныя дарованія, преобширныя свѣденія, кроткій нравъ и усладительный разговоръ сдѣлали имя его извѣстнымъ по всей Греціи. Общее было мнѣніе, что онъ сынъ Аполлоновъ, и что мать

его Периктіона, жертвуя Музамъ, съ Аристономъ, супругомъ своимъ, на горѣ Гиметѣ, положила младенца Платона въ миртовыхъ кусточкахъ, и когда черезъ нѣсколько времени къ нему подошла, то увидѣла вкругъ его рой пчелъ, изъ которыхъ однѣ летали около его головы, а другія обмазывали губы его медомъ.

Говорятъ еще, будто Сократу снилось, что съ жертвенника Любви слетѣлъ молодой лебедь, сѣлъ на колѣни къ этому младенцу, потомъ взвился на воздухъ, и пріятнымъ пѣніемъ восхитилъ и людей и боговъ. Онъ жилъ восемьдесятъ одинъ годъ, и умеръ въ тотъ самый день, въ который родился. Пригласили его на свадебный обѣдъ. Будучи очень трезвъ, онъ ничего тамъ не ѣлъ, кромѣ оливокъ. Его веселость и замысловатыя шутки восхищали всѣхъ собесѣдниковъ. Никто не могъ предвидѣть печальнаго конца этого пира. Передъ тѣмъ, какъ вставать изъ-за стола, почувствовалъ онъ слабость. Сколько ни старались подать ему помощь, все было тщетно: онъ испустилъ духъ

въ объятіяхъ друзей своихъ. Платонъ имѣлъ также, какъ Сократъ и Эмпедоклъ, расположеніе къ меланхоліи. Естьли древо мудрости и науки приноситъ всегда такіе плоды; то согласимся, что не для чего употреблять столько труда выращать его.

Что касается до нравственности, то Платонъ слѣдовалъ во всемъ Сократу, своему учителю. Я съ ними не согласенъ. Они презираютъ чувственныя сладости, а я почитаю ихъ первымъ благомъ, когда только онѣ приправлены умомъ и тонкимъ чувствомъ. Наставленія Зенона и подобныхъ ему великихъ Профессоровъ мудрости, мнѣ жалки. Въ печаляхъ предписываютъ они чтеніе важныхъ, нравоучительныхъ книгъ; въ утѣшеніе твердятъ о необходимости зла, о неизбѣжной роковой власти, о бѣдствіяхъ, неразлучно съ человѣческою природою сопряженныхъ: они изволятъ надъ нами забавляться! Какъ будто тѣмъ облегчишь судьбу нещастнаго, ежели докажешь ему, что онъ рожденъ къ нещастію! Я зналъ одного человѣка, который въ печали

прибѣгалъ къ пріятнымъ напиткамъ: этотъ разсуждалъ, какъ хорошій Физикъ. Душа, будучи сединена съ тѣломъ, не можетъ быть ни одной минуты свободна отъ его мучительства. Ежели движеніе крови слишкомъ медленно; ежели соки не довольно очищены, или количество ихъ недостаточно: то мы впадаемъ въ унынiе и печаль. Когдажъ, посредствомъ напитковъ, это расположеніе тѣла перемѣнится; то душа получаетъ новыя впечатлѣнія, или такъ сказать, оживаетъ. Важный Платонъ зналъ конечно цѣну веселья, потому что въ день смерти его найдено у него подъ подушкою собраніе забавныхъ бездѣлокъ. Однакожъ прощайте; я иду обѣдать къ Ксенофану, который утверждаетъ, что луна обитаема, и что на землѣ болѣе добра, нежели зла: въ чемъ я не согласенъ. Думаю, что боги въ тотъ день изволили выкушать по лишней чашѣ нектара, когда вздумалось имъ затѣять нашъ бѣдный глиняный шаръ."—

Какъ скоро онъ отъ насъ ушелъ, я сказалъ Ласѳеніи: „Вотъ самый лю-

безный и самый благополучный человѣкъ, какого нѣтъ другаго въ Аѳинахъ.—Любезный, въ этомъ я согласна; когда онъ съ женщинами, то подобнаго ему не знаю. Онъ для нихъ тѣмъ опаснѣе, что порывы страстей никогда не отнимаютъ у него готовности ума. Что жъ касается до его благополучія, то это еще задача. Помните ли вы рѣчь, которая у него вырвалась, когда онъ говорилъ объ одной деревенской дѣвушкѣ: *Я пилъ изъ чаши забавъ, не опасаясь опьянѣлости.* Въ другое время сказалъ онъ, говоря о Лаисѣ: *Она была моя, но я не былъ ея.* И никогда онъ не зналъ любить, или чувствовать иначе: сердце у него въ головѣ. Онъ одумываетъ свои наслажденія даже въ то самое время, когда наслаждается. Можно ли это назвать благополучіемъ? Благополучіе можетъ ли быть безъ сладкихъ мечтаній любви, или дружества? Всегда равнодушенъ любя, онъ не чувствовалъ никогда безпокойствій ревности, которыя столько доказываютъ любовь. Сказали ему, что Лаиса, съ которою онъ тогда жилъ, не любитъ его. „Я

не думаю, отвѣчалъ онъ, чтобъ рыбы меня любили; однакожъ ѣмъ ихъ съ великою пріятностію.“ Нѣкто изъ его друзей остерегалъ его, что она часто дѣлаетъ ему невѣрности. „Я плачу ей за свое удовольствіе, отвѣчалъ онъ, а не за то, чтобъ она не дѣлала удовольствія другимъ.“ Діогенъ упрекалъ его, что онъ живетъ съ публичною дѣвкою. „По чему жъ тебѣ кажется безразсудно, спросилъ его Аристиппъ, жить въ такомъ домѣ, въ которомъ уже было много другихъ постояльцовъ?“ Онъ столько же холоденъ и въ дружбѣ, и почитаетъ ее пустымъ словомъ. „Сумасшедшіе и дураки, говоритъ онъ, ищутъ дружбы изъ корысти; а человѣкъ умный довольствуется самимъ собою, и не заботится о другихъ.“ О любви къ отечеству онъ также легко судитъ: по его мнѣнію, жертвовать своимъ покоемъ и жизнью за толпу невѣждъ и безумныхъ, великая глупость. *Я пришлецъ вездѣ*, говоритъ онъ часто; а Сократъ говаривалъ: *Я гражданинъ міра.*“ — Въ то самое время увидѣли мы еще издалека двухъ человѣкъ, ле-

жащихъ подъ однимъ чинаромъ. Какъ скоро мы подошли на такое разстояніе, что можно стало ихъ узнать, то Ласѳенія вскричала: „пойдемъ назадъ; это Кратесъ и жена его Иппархія.“ — Слава Кратесова имени заставила меня остановиться со многими другими любопытными: супруги располагались такъ свободно, какъ будто никого не было; такая Философическая безпечность очень насъ позабавила. Когда мужъ всталъ, то я увидѣлъ маленькаго человѣка, прегнусной фигуры, горбатаго, замараннаго, покрытаго лохмотьями. Онъ закричалъ на насъ: „Чему вы, дураки, смѣетесь? Развѣ вы не ѣдите при людяхъ? развѣ прячетесь, когда сажаете дерево? О! бѣдные люди! мнѣ бы надлежало смѣяться вашей глупости. Не дѣлайте только зла другимъ; а впрочемъ все хорошо, все благопристойно.“ — Между тѣмъ Иппархія встала, оправила на себѣ платье, сдѣлала намъ поклонъ и пошла съ любезнымъ своимъ супругомъ.

ГЛАВА V.

О Кратесѣ и Иллархіи. Портретъ Ласѳеніинъ.

Я пересказалъ Ласѳеніи Кратесовы слова. „Онъ и Діогенъ, сказала она, извѣстны за самыхъ безстыдныхъ изъ всѣхъ Циниковъ. — Это Циничество не столь меня удивляетъ въ мущинѣ; но жена его... — Она еще болѣе на этомъ помѣшана, нежели онъ. Природа одарила ее талантами и красотою: она имѣетъ познанія; но страсть къ Философіи вскружила ей голову. Она часто хаживала слушать Кратеса, и прельстясь его краснорѣчіемъ и софисмами, предпочитала его самымъ лучшимъ женихамъ въ Аѳинахъ, и приняла намѣреніе выйти за него за мужъ. Ея родственники представили ей, что она такимъ выборомъ дѣлаетъ безчестье какъ себѣ, такъ и всему своему роду; но она отвѣчала, что никогда не найдетъ другаго мужа столько себѣ по сердцу; что этотъ для нее и прекрасенъ, и богатъ; и что ежели не позволятъ ей за него выйти, то она зарѣжется.

Родня въ отчаяніи прибѣгла къ самому Кратесу, который далъ слово употребить всѣ свои усилія, чтобъ перемѣнить мысли Иппархіи и отвратить ее отъ себя. Онъ предсталъ ей нагой. „Смотри, сказалъ онъ, выставя свой горбъ и безобразную свою фигуру, смотри, въ какую обезьяну ты влюблена!“ Потомъ показалъ ей свою палку и суму: „Вотъ все мое богатство. Помни, что ежели ты хочешь быть моею женою, то надобно тебѣ рѣшиться раздѣлять со мною бѣдность, и вести жизнь Цинической секты.“ — Иппархія вмѣсто отвѣта обняла его и назвала своимъ супругомъ. Бракъ совершился и выполненъ публично подъ Портикомъ. Съ тѣхъ поръ Иппархія носитъ лоскутья и предается самому отвратительному Циничеству. Справедливость требуетъ сказать, что въ Кратесѣ много хорошаго, и что онъ имѣетъ всѣ качества Философа. Сказываютъ, что онъ бросилъ всѣ свои деньги въ море для того, чтобъ ничто не отвлекало его отъ ученья, и вскричалъ: *теперь-то я вольной человѣкъ.* Другіе говорятъ,

что онъ положилъ имѣніе свое къ одному банкиру, съ тѣмъ, чтобъ оно было сохранено дѣтямъ его, ежели они окажутся невѣжами или дураками; въ противномъ случаѣ банкиръ обязанъ внести его въ общественную казну: потому, говорилъ Кратесъ, что ежели дѣти мои будутъ Философы, то не будетъ имъ нужды въ богатствѣ. Спросили его, къ чему служитъ Философія? „Къ тому, отвѣчалъ Кратесъ, чтобъ довольствоваться овощами, и жить спокойно и беззаботно.“ Онъ отмѣненъ во всемъ: лѣтомъ одѣвается очень тепло, а зимою легко. Нечистота его отвратительна. Онъ носитъ не выдѣланныя бараньи кожи. Все это, вмѣстѣ съ его безобразіемъ, дѣлаетъ его какимъ-то страшилищемъ.“ —

Я проводилъ Ласѳенію до ея дому. Мнѣ уже трудно было съ нею разставаться. Сколько привлекательный разговоръ ея придавалъ ей прелестей! Мучима новою дѣятельностію, душа моя познала новыя нужды, пріобрѣла новое существованіе. . . . Но я долженъ

познакомить Читателя съ этою любезною Ласѳеніею, и начертать ему портретъ ея; портретъ, котораго не льзя украсить, не испортя!

Ей было двадцать лѣтъ, когда любовь къ Наукамъ и Художествамъ привлекла ее въ Аѳины, гдѣ она прилѣжно посѣщала училища, и подружилась съ Аристиппомъ.

Хотя въ чертахъ ея было нѣсколько неправильности; но прекрасный цвѣтъ, свѣжесть, маленькой лобъ, румяный ротикъ, прекрасные зубы давали ей справедливо первое мѣсто между Аѳинскихъ красавицъ. Ея физіономія была благородна, пристойна и разумна; ростъ величественъ. Глубокой, проницательный разумъ ея воспламенялся только въ важномъ разговорѣ, или когда она писала. Нѣкто сказалъ ей, что она имѣетъ болѣе разсудка, нежели остроты; и это было ей пріятно. Она любила истину и натуру во всѣхъ вещахъ, и рѣдкую имѣла способность почувствовать съ перваго взгляда красоты и недостатки всякаго сочиненія, и различить

пустословіе Софиста отъ здравой Логики Философа.

Демокритовы и Эпикуровы атомы, Пиѳагоровы числа, Зеноновы понятія о Богѣ и мірѣ, который называетъ онъ животнымъ, во всѣхъ частяхъ совершеннымъ, были предметами шутокъ ея. Изъ всѣхъ Философовъ Сократъ и Аристиппъ казались ей благоразумнѣйшими.

Хотя она была весьма учена; однакожъ нравъ имѣла прелюбезный и удаленный отъ всѣхъ досадныхъ странностей ученыхъ людей, которые то надоѣдаютъ многорѣчіемъ, то молчатъ изъ презрѣнія. Ласѳенія говорила мало, слушала много; она твердила часто Зеноновы слова: *Натура дала человѣку два уха и одинъ ротъ, въ наставленіе, что онъ долженъ болѣе слушать, нежели говорить.* Къ тому прибавляла отъ себя: *Молчаніе украшеніе женщинъ.* Она любила говорить ласкательное; и, что въ умныхъ людяхъ бываетъ рѣдко, слушала дураковъ снисходительно. Благодѣтельна была до того, что тотъ день, въ который не случалось ей оказать никакой

услуги, почитала потеряннымъ. „Удовольствіе дѣлать добро, говорила она, несравненно пріятнѣе, сладостнѣе, нежели та радость, съ какою благодѣяніе принимается. Это такая забава, которая никогда не наскучитъ, и для того надобно пользоваться ею чаще. Чѣмъ чаще ее вкушаешь, тѣмъ достойнѣе дѣлаешься вкушать ее. Привыкнешь къ собственному своему благополучію, и оно уже не станетъ утѣшать; но то удовольствіе, что устроилъ благополучіе другаго человѣка, будешь чувствовать всегда.“

Къ стяжанію не имѣла она ни малаго пристрастія. Одинъ богачь, имѣя нужду въ ея покровительствѣ, прислалъ ей въ подарокъ два позолоченные сосуда самой дорогой работы; она отослала ихъ къ нему назадъ, наливъ лучшимъ виномъ, и велѣла сказать, что все ея вино къ его услугамъ.

Склонности ея были также просты, какъ и душа: она любила гулянье, поле и цвѣты; въ нарядѣ предпочитала всему чистоту; въ книгахъ требовала ясности, благород-

ныхъ и глубокихъ мыслей, чистаго слога, и болѣе привлекательнаго содержанія, нежели остроты. Одну книгу бросила она съ досадою, сказавъ: „тутъ нѣтъ ничего, кромѣ умничанья." Она любила Музыку, Живопись, Танцованье, особливо Поэзію, которую называла музыкою души.

Въ ея библіотекѣ подлѣ Эвклида, Демокрита и Платона; стояли Гезіодъ, Анакреонъ, Гомеръ, Эврипидъ. Спросили ее, какимъ образомъ, занимаясь столько ученьемъ, находитъ она время на забавы и на выполненіе всѣхъ обязанностей общежитія? Она отвѣчала: „Три вещи Аѳинскія женщины бросаютъ за окно: время, здоровье и деньги. Я на все это очень бережлива. Особливо что касается до употребленія времени; то я похожа на тѣхъ людей, которые имѣютъ самый малый достатокъ, но отъ заведеннаго въ домѣ порядка и экономіи кажутся наровнѣ съ богачами."

Такова была эта любезная Ласѳенія. Тридцать лѣтъ уже, какъ я ее лишился, но и до сихъ поръ время

не произвело въ моихъ къ ней чувствованіяхъ никакой перемѣны.

ГЛАВА VI.

Доносъ на Философа Клеанѳа и судъ надъ нимъ. Анекдоты объ Аристиллѣ.

Ласѳенія позволила мнѣ къ ней ходить. На другой день спросила она меня, какъ я проводилъ ночь. — Прогуливался по берегу Илисса: не намѣрены ли вы опять туда итти? — Нѣтъ; я пойду въ Ареопагъ. Вы знаете Философа Клеанѳа: Правительство потребовало его къ суду. — Какъ! этого честнаго и ученаго мужа, этого строгаго нравоучителя? Какое сдѣлалъ онъ преступленіе? — Великое: то, что родился бѣденъ. Онъ пришелъ въ здѣшній городъ съ четырьмя драхмами. Аѳиняне такого мнѣнія, что бѣдный, имѣя во всемъ недостатокъ, долженъ по необходимости быть врагомъ всему обществу. И для того законъ обязываетъ каждаго гражданина объявить, какія онъ имѣетъ средства пропитать себя.

Сомнѣваюсь, чтобъ Клеанѳъ могъ оправдаться. Я велѣла предложить ему, что ежели надобно, то охотно попрошу за него друзей своихъ, и наклоню Аристиппа, чтобъ и онъ помогъ ему всѣмъ своимъ кредитомъ; но Клеанѳъ упрямится и не хочетъ никакой прозьбы. Сверхъ того, что я дѣйствительно принимаю много въ немъ участія, побуждаетъ меня также и любопытство: хочется посмотрѣть, какъ-то онъ отдѣлается. Всѣ знаютъ, что у него нѣтъ никакого состоянія, и что онъ всякой день съ утра до вечера въ Зеноновой школѣ."

„Я пошелъ за Ласѳеніею въ Ареопагъ. Какъ скоро отвѣтчикъ появился, то Судьи спросили его суровымъ голосомъ, какимъ ремесломъ или работою онъ кормится. Клеанѳъ представилъ садовника и хлѣбницу старуху, и просилъ ихъ, чтобъ они отвѣчали за него. Садовникъ засвидѣтельствовалъ, что всякую ночь Клеанѳъ носилъ ему воду; а хлѣбница объявила, что отъ садовника приходилъ онъ къ ней мѣсить тѣсто. Такое нечаянное оправданіе привело всѣхъ въ изумленіе, и

всѣ начали смотрѣть на Клеанѳа съ величайшимъ почтеніемъ; а Судьи, пораженные величіемъ души его, предложили ему богатые подарки. Онъ отрекся принять ихъ, сказавъ: „вы видите, что я имѣю сокровище въ грудѣ своемъ." Зрители изъявили свое восхищеніе громкими рукоплесканіями, и проводили его домой въ торжествѣ.

Пришедъ опять къ Ласѳеніи, мы нашли у нее Аристиппа. Онъ пробылъ съ нами не долго, и ушелъ.

Какъ этотъ Философъ, женской угодникъ, былъ тайнымъ предметомъ ревности моей; то отважился я сказать Ласѳеніи: „Это холодное, невоспалимое сердце загорѣлось однакожъ отъ вашихъ прелестей, или Медузина голова превратила его въ камень? — Онъ божится, что не случалось ему любить ни одной женщины столько, какъ меня; и скажу вамъ чистосердечно, что его пріятности, таланты, просвѣщеніе, плѣнили сперва мой разумъ, а потомъ покорили ему и сердце мое. Онъ старался понравиться, и понравился, ослѣпилъ

меня ; но не умѣлъ поддержать первыхъ своихъ успѣховъ, снялъ скоро съ глазъ моихъ завѣсу. Умъ подобенъ фосфору: забавляетъ, но не сообщаетъ теплоты. Любовь безъ восторга душевнаго, и ежели можно такъ сказать, безъ чаду въ головѣ, пренизкая склонность, и не заслуживаетъ ничего, кромѣ презрѣнія. Однакожъ, какъ мнѣ тогда было двадцать лѣтъ, то я прельстилась, можетъ быть, столько жъ пріятностію любви, какъ и Аристипповою любезностію; и слабость моя конечно бы увѣнчала его торжество, ежели бы веселость, шутки и вѣтреность его не охолодили моего сердца. Въ то время, когда онъ говорилъ, я находила его божественнымъ и восхищалась своею побѣдою; какъ же скоро оставлялъ онъ меня одну, то размышленіе ополчало меня противъ него, и утверждало въ намѣреніи противиться. Послѣдній поступокъ его вывелъ меня изъ нерѣшимости. Вы знаете нещастный конецъ почтеннѣйшаго изъ людей, Сократа. Аристиппъ былъ ему другъ;

но какъ скоро узналъ, что онъ осужденъ выпить ядъ, то пересталъ посѣщать его. Это показалось мнѣ очень странно; я спросила Аристиппа о причинѣ такой перемѣны. Онъ отвѣчалъ: „Ежелибъ я могъ освободить его изъ оковъ, то полетѣлъ бы къ нему на помощь; но когда я не могу быть ему полезенъ, то не благоразумно было бы огорчать себя зрѣлищемъ его страданія. На что искать изъ доброй воли, чѣмъ бы себя помучить? Случилось мнѣ однажды назначить у себя большой обѣдъ. Въ тотъ самый день сказали мнѣ, что одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей умираетъ. Я послалъ тотчасъ отказать гостямъ и побѣжалъ къ больному, но не могъ остановить смерти его ни на одну минуту; онъ умеръ за часъ до захожденія солнца. Тогда я пригласилъ гостей своихъ опять, и такимъ образомъ издержки мои не пропали. — Ваша Философія очень снисходительнаго нраву; вы можете знать всѣ сладости, кромѣ сладости слезъ.“

Этотъ разговоръ меня просвѣтилъ. Съ тѣхъ поръ я приняла твердое намѣреніе преодолѣть себя. По долговременной, мучительной борбѣ, послала я звать къ себѣ Аристиппа. Онъ подступилъ ко мнѣ съ обыкновенною своею развязанностью и пріятностію; шутилъ, смѣялся, судилъ обо всемъ легко, наговорилъ мнѣ множество ласкательствъ: словомъ сказать, былъ чрезвычайно любезенъ. Хотя мнѣ трудно было сдержать себѣ свое слово, однако же сдержала. „Аристиппъ, сказала я ему, нѣсколько смутясь, твоя дружба мнѣ драгоцѣнна; милая твоя Философія и забавный, украшенный всѣми пріятностями разумъ твой, останутся навсегда услажденіемъ жизни моей; ты созданъ просвѣщать и быть украшеніемъ свѣта: но признайся, что любовь не твое дѣло? — Какъ! по чему? За что такъ жестоко выгонять меня изъ ея храма? — За то, что ты не имѣешь дара любить; за то, что ты располагаешься въ любви по системѣ, по приличностямъ, а не по чувствованіямъ. — Развѣ въ любви не надобно правилъ?

Этотъ божокъ еще дитя; съ нимъ должно играть, а не важничать. Безпокойныя, сильныя страсти утомляютъ душу, погружаютъ ее въ уныніе. Цвѣты распускаетъ Зефиръ; отъ Борея они вянутъ и умираютъ. — Ты самъ подписалъ свой приговоръ: спокойствіемъ и твердостью буду я теперь обязана тебѣ. Ты очистилъ мой разумъ отъ множества предразсудковъ; ты наставилъ меня на путь благоразумія: позволь же, чтобъ и я въ свою очередь дала тебѣ наставленіе. Любовь у тебя не иное что, какъ прихоть, движеніе самолюбія; ты хочешь казаться любезнымъ, не любя и не стараясь быть любиму. Такъ лучше ограничься дружбою: это чувствованіе спокойнѣе и свойству души твоей приличнѣе. — Какъ! вы хотите заключить меня въ тѣсный кругъ дружества? — Да, ежели ты почитаешь меня дружества твоего достойною. — Вы такъ любезны, такъ милы, что не льзя не принять названія столько лестнаго; но къ нещастію такъ и прекрасны, что не знаю, буду ли я въ состояніи потушить страсть, которую вы во

мнѣ воспламенили. — Посовѣтуй съ собою хорошенько. Съ твоимъ умомъ ты найдешь сто любовницъ; но истинный другъ гораздо рѣже. — Не смѣю противъ этого спорить. Извольте, я согласенъ: отрицаюсь отъ любви и отворяю дверь дружеству."

Съ тѣхъ поръ наша связь достойна зависти: ни ревность, ни ссоры никогда не возмущаютъ насъ. Когда онъ впадаетъ въ обыкновенный свой порокъ и начинаетъ играть со мною роль обожателя; то я отвѣчаю смѣючись: ты сбился съ пути; вспомни, что мы на дорогѣ дружбы.

ГЛАВА VII.

Ласѳенiино мнѣнiе о любви. Антеноръ, чтобъ ей понравиться, сочиняетъ Трагедiю.

Я видался съ этою прелестною Ласѳенiею почти всякой день, и Эротова стрѣла вонзилась въ мою душу. Цѣлые вѣки жизни промѣнялъ бы я на нѣсколько мѣсяцовъ ея любви. Говоря мнѣ однажды, что многiя женщины безчестятъ себя выборомъ лю-

дей, которымъ отдаютъ свое сердце, она сказала: „Ежели я влюблюсь, то конечно въ человѣка умнаго, чувствительнаго и просвѣщеннаго, къ которому склонность не дѣлала бы мнѣ стыда. Слабость простительна въ такомъ только случаѣ, когда таланты и достоинства любимаго предмета показываютъ, что наша привязанность очищена вкусомъ и нѣжностью. Любить дурака, невѣжу, это поравняться съ нимъ; это выставить на показъ, что имѣешь чувства, а не душу; это отнять у Венеры поясъ ея."

Сей разговоръ воспламенилъ меня къ славѣ и ученію. Вздумалось мнѣ написать Трагедію. Я трудился тихонько со всею неутомимостію молодаго человѣка. Планъ расположенъ въ недѣлю, а стихи окончаны въ два мѣсяца. Правда, я посвящалъ сему труду и ночи. Время понуждало: наступала весна, и съ нею приближалось торжествованіе большихъ Вакховыхъ праздниковъ.

Содержаніемъ Трагедіи была смерть Ахилла, убитаго Парисомъ въ то са-

мое время, когда онъ вступалъ въ бракъ съ Поликсеною.

Когда драма была кончана, я прочелъ ее пятерымъ изъ пріятелей своихъ, молодымъ воспитанникамъ Парнасса, изъ которыхъ каждый выдавалъ себя за великаго знатока Словесности. Похвала и критика ихъ равно были несогласны: чѣмъ восхищался одинъ, то не нравилось другому; гдѣ одинъ хотѣлъ болѣе краткости, тамъ другой требовалъ распространенія: словомъ сказать, проведя цѣлое утро въ безполезномъ спорѣ, любезные мои пріятели разошлись и оставили меня еще въ большей нерѣшимости, нежели прежде.

Я отнесся еще къ одному своему знакомцу, человѣку, который никогда не чванился ученостью и упражнялся въ Словесности только для собственнаго своего удовольствія. „Я разскажу тебѣ, отвѣчалъ онъ, анекдотъ о Поликлетѣ Сиціонскомъ, славномъ Ваятелѣ. Онъ дѣлалъ двѣ одинакія статуи въ одно время: одну открыто, принимая совѣты отъ всякаго, и поправляя, прибавляя, убавляя по же-

ланію критиковъ; другую скрытно, и слѣдуя только вдохновенію собственнаго своего таланта. Когда статуи окончаны, онъ выставилъ обѣ одну подлѣ другой. Первая разругана, осмѣяна; другая, о которой онъ никого не спрашивался, привела въ восторгъ, удивила, плѣнила всѣхъ. — „Аѳиняне, сказалъ тогда Поликлетъ, статуя, которая вамъ не нравится, ваша работа; а та, которую вы столько хвалите, моя.“ — И такъ совѣтую тебѣ, мой другъ, положиться на свои силы и слѣдовать своей Минервѣ.“ — „Я бы охотно спросился Ласѳеніи, коей вкусъ и здравая критика были мнѣ извѣстны; но я хотѣлъ удивить и обрадовать ее неожидаемо.

Между тѣмъ, выправя, вычистя свою драму, и давъ ей послѣдній цвѣтъ, встрѣтился я съ Эвполисомъ, драматическимъ Стихотворцемъ, котораго видалъ нѣсколько разъ у Ласѳеніи. Онъ позвалъ меня на Комедію своего сочиненія, которую положено было представить въ продолженіе Вакховыхъ праздниковъ. Сей случай показался мнѣ благопріятнымъ со-

общить ему, что и я всползъ на Геликонъ; при чемъ просилъ его, чтобъ онъ меня ссудилъ умомъ своимъ, и сказалъ ему, что ожидаю отъ дружества его самой строгой истины. Онъ увѣрилъ меня, что тѣмъ охотнѣе на то соглашается, что и самъ требовалъ всегда искренности отъ своихъ друзей. На другой день я позвалъ его къ себѣ обѣдать, угостилъ великолѣпно, и прочелъ ему свою Трагедію. Онъ слушалъ со вниманіемъ, остановилъ меня на нѣкоторыхъ мѣстахъ, сдѣлалъ нѣсколько весьма ученыхъ и справедливыхъ возраженій; но вообще былъ первымъ моимъ опытомъ чрезвычайно доволенъ, и ручался мнѣ за успѣхъ самый блистательный. Я разстался съ нимъ восхищенъ отъ радости, и не поставляя цѣны ни ему, ни своей Трагедіи.

Тотчасъ подалъ я ее первому Архонту и временнымъ Судьямъ, которые опредѣляются къ разсмотрѣнію вмѣстѣ съ нимъ лицедѣйственныхъ сочиненій. Архонтъ принялъ меня очень благосклонно. Я записанъ и ожи-

далъ представленія со всею авторскою нетерпѣливостію.

Назначенный день насталъ. Какъ скоро Царь свѣтилъ съ огненной своей колесницы бросилъ первый лучь на землю, я побѣжалъ въ театръ и нашелъ его уже отворенным. Въ большіе Вакховы праздники, даютъ отъ двенадцати до пятнадцати представленій въ день, и зрѣлище оканчивается не прежде, какъ съ наступленіемъ ночи. Сцена украшена съ одной стороны декораціями мастерской работы; съ другой возвышается пространный и высокой амфитеатръ, уставленный съ низу до верху подмостками.

Народъ валилъ толпами, восходилъ, нисходилъ, смѣялся, хохоталъ, кричалъ, шумѣлъ, тѣснился. Посреди сей шумной свалки вошли девять Архонтовъ или Градоправителей, Судьи, Пятисотный Сенатъ, главные воинскіе Чиновники, Священнослужители, которые всѣ занимаютъ нижнія подмостки. Именитыя женщины помѣстились подальше отъ мущинъ и отъ прочихъ.

За богатыми Аѳинянами несли ковры и пурпуровыя подушки. Иные посылали за виномъ, плодами и пирогами. Число зрителей простиралось до тридцати тысячь. Какое собраніе для Автора!

Чтобъ зрѣлище было поразительнѣе, поднялъ я дѣйствователей на превысокіе котурны, далъ имъ новыя личины и одѣлъ ихъ въ ризы длинныя, великолѣпныя. Чего не придумалъ я! Тѣни должны были выходить изъ гробницъ; Фуріи, блѣдныя, страшныя Фуріи, обвитыя змѣями, потрясающія пламенниками, страшилища ужасающія ревомъ. Все было собрано, все должно было содѣйствовать успѣху. Подкрѣпленъ такими средствами, ожидалъ я съ неробкимъ духомъ начала представленія. Я выбралъ себѣ мѣсто сколько могъ ближе къ Ласѳеніи, чтобъ втайнѣ насладиться ея рукоплесканіями и слезами. Сцена открылась. Идетъ хоръ въ числѣ пятнадцати человѣкъ. Велъ ихъ и учреждалъ шествіе флейщикъ. Хористы составлены были изъ стариковъ и обоего пола молодыхъ людей, кои всѣ

представляли жрецовъ и воиновъ. Ужасъ меня объялъ; біенія пульса моего слѣдовали одно за другимъ съ чрезвычайною скоростію. Сначала царствовало глубокое молчаніе; не видно было никакого знака удовольствія, или негодованія; но сія тишина не долго продолжалась; мало по-малу ропотъ возстаетъ; и какъ легкій вѣтръ, предтеча бурь, растетъ, возносится, и на подобіе страшнаго грома, разсыпается свистомъ и неумѣреннымъ смѣхомъ. Чудовища мои пужаютъ только женщинъ и младенцевъ. Какое паденіе! и еще въ присутствіи, передъ взорами обожаемаго предмета! Кровь застыла въ моихъ жилахъ, смертный хладъ простерся по всему моему тѣлу. Оставалась мнѣ надежда на послѣднее дѣйствіе, въ которомъ я соединилъ, какъ въ фокусѣ выпуклаго стекла, все, что было привлекательнаго. Умирающій Ахиллъ долженъ былъ, казалось мнѣ, представить самую трогательную картину. Вдругъ нашла туча, полился дождь: прощай театръ, прощай актеры, прощай Авторъ! Всѣ бѣгутъ,

бѣгу и я; бѣгу въ стыдѣ, въ отчаяніи, въ совершенной увѣренности, что это могло случиться только со мною, и проклинаю Тесписа, изобрѣтателя Трагедіи (*).

Не столько несносна мнѣ была несправедливость Публики, сколько стыдъ, незагладимый стыдъ, который запятналъ меня передъ Ласѳеніею. Увы! для нее одной отважился я летѣть въ храмъ славы.

Во всѣ долгіе часы ночи горячка не отпускала меня ни на одну минуту, а въ слѣдующій день одумывалъ я самыя отчаянныя намѣренія. Я хотѣлъ удалиться отъ Ласѳеніи, отъ свѣта, погребсти себя въ пустынѣ, прекратить постылую жизнь свою. Въ семъ жестокомъ волненіи провелъ я два дни, одинъ, почти безъ ума, и не вкуся ни пищи, ни покоя.

На третій день поутру получилъ я отъ Ласѳеніи записку; она просила меня убѣдительно притти къ ней. Глупое мое самолюбіе колебалось; но

(*) Театръ былъ безъ крыши.

любовь напослѣдокъ одержала верхъ. Я пошелъ. У дверей дому ея послѣдняя моя твердость меня оставила; мысль, что она можетъ быть извѣстна о моемъ нещастіи, бросила меня въ дрожь. Ласѳенія вышла ко мнѣ на встрѣчу, и взявъ меня за руку, съ веселымъ и ласковымъ видомъ сказала: „И такъ, бѣдный Авторъ, Трагедія твоя упала, а я не составляю для тебя никакого утѣшенія! Признаюсь, я лучшаго была мнѣнія и о тебѣ, и о себѣ самой." Сіи слова и покойная ясность лица ея нѣсколько меня ободрили. „Такъ вамъ извѣстно, что я тотъ нещастный...." Я не могъ договорить; языкъ мой оцѣпенѣлъ. — Вчера только Эвполисъ сказалъ мнѣ о неудачѣ этой Трагедіи, и что ты ее сочинилъ. — Какъ! Эвполисъ? Я ему читалъ ее; онъ расхвалилъ и ручался мнѣ за успѣхъ! — Ручался, какъ Авторъ. Мой другъ, ты еще молодой Адептъ. Ввѣриться своему сопернику! Развѣ ты не видишь, что твоя неудача возвышаетъ его славу? Да скажи пожалуй, что тебя заставило писать? Какая была твоя цѣль? Не при-

снилось ли тебѣ чего, какъ Эсхилу? Этому, когда онъ караулилъ виноградъ и заснулъ на полѣ, явился Вакхъ и приказалъ сочинить Трагедію. Или ты хотѣлъ прославить свое имя, пріобрѣсти безсмертіе? — Клянусь вамъ, что я ни мало не думалъ ни о славѣ, ни о безсмертіи; не того я желалъ, не Публикѣ хотѣлъ понравиться. Вы сказали мнѣ, что никогда не будете любить человѣка безъ дарованій, безъ просвѣщенія: съ тѣхъ поръ я посвятилъ себя ученію, и сочинилъ эту нещастную Трагедію, чтобъ привлечь на себя хотя одинъ изъ вашихъ взглядовъ.—Такъ ты моего только одобренія желаешь?—Только. И за ваше одобреніе отдалъ бы всю славу Софокла и Эврипида. Теперь судите о моемъ страданіи: вмѣсто того, чтобъ возвысить, я уронилъ себя во мнѣніи вашемъ.—Не опасайся; твоя Трагедія сдѣлала тебѣ много пользы; она открыла мнѣ твое сердце и способности ума твоего. Ежели судить объ ней, какъ о театральной піесѣ, то конечно она слаба и дурно расположена; но со всѣмъ тѣмъ пока-

зываетъ Автора умнаго человѣка.— Вы сдѣлаете, что я буду неудачѣ своей радоваться.—По крайней мѣрѣ не долженъ сокрушаться; ты ничего не потеряешь." Я бросился къ ея ногамъ, клялся въ любви самой нѣжной, въ любви самой пламенной; просилъ, молилъ ее, чтобъ она открыла мнѣ свое сердце, подала хотя слабый лучь надежды.—Тебѣ хочется моей любви! Знаешь ли, что мнѣ тридцать лѣтъ, и что ты передо мною ребенокъ?—Вы хотите сказать, что превосходите меня во всемъ; но любовь будетъ моимъ учителемъ, развернетъ мой разумъ, возвыситъ мою душу и сдѣлаетъ меня достойнымъ вашего сердца." Наконецъ Ласѳенія сквозь завѣсы застѣнчивости дала мнѣ провидѣть, что я любимъ.

Дуракъ торжествуетъ, одержавъ побѣду надъ женщиною, которая бываетъ обыкновенно не лучше его; или которая, не имѣя ни вкуса, ни разборчивости, предпочла его по причинамъ ни мало не лестнымъ: но Ласѳенія дѣлала честь тому, кого она отличала. Величайшіе Философы, люди

самые любезные, знатнѣйшіе изъ Аѳинянъ, были всѣ у ногъ ея ; и никогда она не посрамила ни любви, ни сердца своего такою связью, которой можно бы стыдиться. Она любила одного только Аристиппа ; но сія самая склонность и твердость, съ какою она себя преодолѣла, доказываютъ и вкусъ ея, и власть надъ своими страстями. Такимъ образомъ Эвполисъ, имѣвъ намѣреніе повредить мнѣ, сдѣлался виновникомъ всего моего благополучія. Судьба его хотѣла, чтобъ я же пролилъ по немъ нѣсколько слезъ.

Будучи страстно влюбленъ въ молодую Гликерію, соединился онъ съ нею священными узами Гименея. Сей день ознаменованъ пирами, пышностями и забавами. Наступила ночь и разкинула свой покровъ на сладчайшія утѣхи. Но какая ночь! По утру найдены супруги на брачномъ ихъ ложѣ лежащіе обнявшись, и отдыхающіе вѣчнымъ сномъ.

Со времени представленія моей Трагедіи (эпоха милая моему сердцу, эпоха, которой никогда не позабуду!),

день самый пріятный, день самый свѣтлый украсилъ жизнь мою. Принадлежа весь любви и Ласѳеніи, провождалъ я всѣ свои часы, жилъ и наслаждался подлѣ ее. Мы всякой день ходили гулять по веселымъ берегамъ Цефизы или Илисса. Иногда, убѣгая общихъ гульбищъ, взбирались на высокіе пригорки, покрытые оливами, лаврами и виноградными лозами. Тамъ простерши взоръ въ обширный горизонтъ, смотря на восхожденіе или захожденіе солнца, Ласѳенія въ энтузіястическомъ своемъ восторгѣ восклицала: „Какая великолѣпная картина! О натура! какъ сравнять произведенія твои съ произведеніями рукъ человѣческихъ! Твои всѣ ознаменованы печатью величія, наши всѣ мѣлки и бѣдны. . .“ Она всегда говорила, что въ городахъ не льзя дышать свободно.

Однажды я имѣлъ случай видѣть самое трогательное доказательство ея добросердечія. Мы гуляли по полю и нашли одну бѣдную крестьянку въ слезахъ, въ отчаяніи. Ласѳенія подходитъ къ ней и спрашиваетъ о причинѣ ея горести. У нещастной пала

корова, которая составляла все богатство, всю ея надежду, и отъ которой она съ двоими своими дѣтьми имѣла пропитаніе. „Милосердые боги, кричала она! бѣдные мои ребятишки помрутъ съ голоду!“ Ласѳенія утѣшаетъ ее, обѣщаетъ ей другую корову, бѣжитъ въ городъ исполнить свое обѣщаніе, возвращается, отираетъ слезы нещастной, и говоритъ мнѣ: „Я довольна своимъ днемъ: надобно отказывать себѣ въ излишкѣ, ежели этотъ излишекъ можетъ облегчить судьбу людей, которые не имѣютъ нужнаго.“

По нещастію всякое положеніе, когда нѣсколько продолжится, влечетъ за собою привычку, а привычка портитъ все. Удовольствіе должно быть всякой день перемѣнное; безъ чего оно перестаетъ быть удовольствіемъ. Сначала я желалъ только сердца Ласѳеніина; быть ею любиму, казалось мнѣ вышнею степенью блаженства. Скоро послѣ другія желанія порывистѣе, неукротимѣе, воспалили во мнѣ и кровь, и воображеніе. Вмѣсто того, чтобъ наслаждаться подлѣ ея

спокойнымъ благополучіемъ, тихими невинными забавами, сокрытый огонь снѣдалъ всю мою внутренность. Я не потаилъ своего страданія; просилъ, молилъ ее склониться на мои желанія, прекратить мою муку: но я молилъ неумолимую, она и слышать о томъ не хотѣла. Любовь, говорила она, несравненно пылче, прелестнѣе, пока еще волшебная завѣса воображенія не разодрана; пока еще остается чего желать, что отгадывать. — Ахъ, жестокая, несправедливая Лаѳенія! Положимъ, что наслажденіе чувствъ рано или поздо сокрушаетъ кумиръ, воздвигнутый воображеніемъ; но до тѣхъ поръ съ чѣмъ можно сравнять сладости, которыми оно напитаетъ? Ни съ амвросіею боговъ! Лѣта, а можетъ быть и самая привычка, сколько она ни пріятна, притупятъ любовь; но ежели никогда не позволять себѣ сладчайшихъ утѣхъ ея, то послѣ что останется? Сожалѣніе, что потеряны лучшіе дни. — Ты очень далекъ отъ нѣжности молодаго Ѳрасонида. Онъ, говоря словами одного Софиста, былъ столь влюбленъ въ свою

любовь, что не хотѣлъ пользоваться отъ своей любовницы тѣмъ, что ты называешь *сладчайшими утѣхами*, опасаясь, чтобъ наслажденіе не охолодило желанія, и не истребило всѣхъ пріятностей, которыя находилъ онъ въ своей страсти. Діонисій Сиракузской представилъ сластолюбивому Аристиппу трехъ прекрасныхъ женщинъ и позволилъ ему выбрать изъ нихъ одну. Аристиппъ взялъ было всѣхъ трехъ, ссылаясь на то, что и Парисъ пострадалъ за выборъ; но разсудя, какое похвальное дѣло преодолѣть себя, отослалъ ихъ назадъ и возвратился домой чрезвычайно доволенъ, что показалъ столько твердости. — Оба ваши примѣра не имѣютъ никакого отношенія къ моему положенію. Аристиппъ не былъ влюбленъ; а что касается до Ѳрасонида, то ненадобно хвалить такихъ добродѣтелей, которыхъ источникъ не извѣстенъ.“ Въ ту самую минуту вошелъ Аристиппъ и сказалъ Ласѳеніи: „Я пришелъ за тобою, звать тебя въ Ареопагъ; станутъ судить нещастную Евдоксію. — Ты меня испужалъ,

вскричала Ласѳенія. Какъ она жалка! Правду сказать, и преступленіе велико: отравить любовника своего! какое звѣрство! — Наружности свидѣтельствуютъ противъ ея; но Евдоксія не виновата. Публика, будучи всегда легкомысленна, всегда опрометчива въ своихъ сужденіяхъ, съ великимъ воплемъ требуетъ ея казни: это варварство. Вотъ что я слышалъ.

ГЛАВА VIII.

Повѣсть о Ификратѣ и Евдоксіи.

Ификратъ былъ смертельно влюбленъ въ Евдоксію, и наконецъ удалось ему распалить и ее такою же сильною страстью. Евдоксія прекрасна, молода и чувствительна; душу имѣетъ преискреннюю, нравъ претихой и препріятный; но не достаетъ ей воображенія. Она умѣетъ только любить; но какъ вымышлять новыя любовныя сцены, украшать ихъ, и оковывать сердце прелестями ума, того совсѣмъ не знаетъ, (а между-

дѣйствія въ любви продолжительны!). Ификратъ напротивъ того былъ человѣкъ самый дѣятельный; душа его требовала движенія безпрестаннаго. Онъ равно былъ страстенъ и къ забавамъ, и къ ученью. Не было склонности, которой бы онъ не испыталъ; не было художества, которое бы ему не нравилось: онъ былъ охотникъ до всего, и не зналъ инаго употребленія времени, какъ трудиться или наслаждаться. Онъ говаривалъ, что безъ волненія душа мертва. Прельстясь Евдоксіиною красотою и кроткимъ нравомъ, Ификратъ не искалъ въ ней пріятностей ума, или лучше сказать, завѣса любви скрыла отъ него сей недостатокъ; но когда желанія насытились, то разговоръ ея началъ ему скучать. Онъ пожелалъ родить въ ней склонность къ ученію; читалъ ей лучшія сочиненія, толковалъ ихъ красоты; все было тщетно: онъ трудился надъ безплоднымъ грунтомъ. Евдоксія слушала изъ угожденія, не понимала ничего и только зѣвала. Ификратъ, видя, что всѣ его старанія безполезны, пересталъ за-

нимать ее чтеніемъ. Между тѣмъ его посѣщенія становились отъ часу рѣже и короче; онъ всегда находилъ, чѣмъ отговориться. Глазъ любовницы примѣтитъ скоро самую малую перемѣну. Пошли жалобы, выговоры, упреки, иногда нѣжные, а иногда оскорбительные; но жалобы, досада и самыя прозьбы внушаютъ только притворство, а не возвращаютъ любви. Евдоксія въ отчаяніи, видя всѣ свои старанія безполезными, рѣшилась испытать послѣднее, и по ея мнѣнію, самое вѣрное средство. Невѣжество суевѣрно и поддается обману весьма легко. Она слыхала объ одной женщинѣ, которая почиталась великою мастерицею дѣлать разные воспаляющіе любовь составы. Евдоксія побѣжала тотчасъ къ ней, получила желаемый напитокъ и дожидалась, пока Ификратъ, который былъ подверженъ боли въ желудкѣ, станетъ на обыкновенный свой припадокъ жаловаться. Отравительница увѣрила ее, что одинъ молодой человѣкъ, наѣвшись приготовленнаго ею плода, чувствовалъ всякой день и всегда въ одно время

шестьдесятъ минутъ сряду жестокой припадокъ любви.

Наконецъ Ификратова роковая минута настала: Евдоксія подала ему свой эликсиръ, какъ самое надежное специфическое лекарство отъ его болѣзни. Ификратъ нѣсколько разъ отталкивалъ руку своей любовницы; онъ не хотѣлъ вѣрить цѣлительному свойству эликсира; напослѣдокъ, чтобъ отвязаться отъ ея докукъ, согласился и выпилъ. Вѣроятно, что непотребная Мегера примѣшала въ составъ ядовитыя зелья, которыхъ, можетъ быть, она сама не знала свойства. Ификратъ почувствовалъ скоро дѣйствіе яда; жестокія конвульсіи обезобразили его лице; нестерпимый огонь палилъ всю внутренность его. „Ахъ, Евдоксія! вскричалъ онъ, что ты сдѣлала? Смерть во мнѣ; я отравленъ!“ Евдоксія блѣднѣетъ, ужасается, но не теряетъ еще надежды, и приписываетъ страданіе своего любезнаго временному и необходимому дѣйствію элексира. Между тѣмъ боль усиливается, ядъ кипитъ и терзаетъ нещастнаго Ифи-

крата. „Умираю, кричалъ онъ. Какое ужасное мученіе! Ты, Евдоксія, ты меня умертвила.“ Слыша этотъ вопль, видя своего любезнаго покрытаго мракомъ смерти, Евдоксія въ страхѣ, въ изступленіи, бѣгаетъ, суетится, требуетъ помощи. Врачь приходитъ, смотритъ, видитъ, что нѣтъ спасенія, и объявляетъ Ификрату смерть. Уже на лицѣ его оказываются видимые знаки разрушенія; ротъ искривился, глаза впали, смерть пожелтила цвѣтъ его. „Докончай меня изъ жалости, кричалъ онъ; для имени боговъ сократи мою жизнь: я терплю мученіе Прометея. Что сдѣлалъ я тебѣ, Евдоксія? что сдѣлалъ я тебѣ, что ты мнѣ дала такой жестокой ядъ? Евдоксія безъ памяти, безъ ума, внѣ себя, бросается на него, сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ, и въ семъ положеніи пребываетъ нѣсколько времени неподвижна и мертва. Потомъ пришедъ въ себя, кричитъ: „Ификратъ, любезный мой Ификратъ! я твой убійца, я твой палачь, я, которая обожала тебя. Дай мнѣ надышаться твоимъ ядомъ; дай умереть съ тобою; злодѣйка

меня обманула! Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты меня любилъ; я дала тебѣ этотъ составъ для возбужденія въ тебѣ страсти, не знавъ о смертоносномъ его свойствѣ. Удостой меня одного взгляда! Прости мнѣ мое преступленіе!" Вздохи и рыданія помѣшали ей говорить. Ификратъ, видя неумышленность ея, и сколько она страдаетъ сама, обращаетъ на нее томные свои глаза, протягиваетъ къ ней руку и говоритъ изнемогающимъ голосомъ: „Любезная Евдоксія! прощаю тебя, прощаю отъ всего сердца. Будь благополучна..." Душа его разстается съ тѣломъ. Нещастная любовница внѣ себя, хочетъ заколоться и упадаетъ замертво. Подняли, положили ее на постелю. Она пролежала трое сутокъ въ изступленіи, твердя безпрестанно слова: *ядъ*, *смерть*, *Ификратъ*. Пришедъ въ память, плакала, рвалась, терзалась, призывала смерть, просила смерти изъ человѣколюбія.

Молва объ отравленіи разнеслась тотчасъ по всему городу. Любовница самая нѣжная прослыла извергомъ, Фуріею. Подробности этого нещаст-

наго произшествія извѣстны мнѣ отъ одного Ареопагита. Ты знаешь, что второй Архонтъ сдѣлалъ доносъ, и что уже недѣля, какъ имя преступницы съ показаніемъ преступленія выставлено по закону для общенароднаго свѣденія. Весь городъ стекается въ Ареопагъ. Многіе члены судилища увѣрены, что Евдоксія не имѣла злаго умысла; ноИфикратъ отравленъ, дѣло очевидно, а оправдать не чѣмъ. Судьи принуждены произнести приговоръ. Пойдемъ: это достойно любопытства."

Тотчасъ невольники зажгли факелы, потому что Ареопагъ сбирается всегда въ ночное время. Мы торопились на холмъ. Судьи въ числѣ трехъ сотъ были уже на своихъ мѣстахъ. У ногъ ихъ протекала кровь заколотыхъ и еще трепещущихъ жертвъ; на столѣ видны были обѣ страшныя урны, изъ которыхъ одна называется урною *милосердія*, а другая урною *смерти*. Первая сдѣлана изъ дерева, послѣдняя изъ мѣди.

Внезапный шумъ привлекъ наше вниманіе. Всѣ встаютъ и обращаютъ

взоры къ тому мѣсту, гдѣ слышно движеніе. Идетъ нещастная Евдоксія посреди Скиѳской стражи. Ея блѣдность, медленная, томная выступка, глубокая печаль, распущенные волосы, безпорядокъ одежды и красота тронули всѣ сердца. Я видѣлъ слезы, я слышалъ рыданія. Когда она подошла къ жертвамъ, то Архонтъ Царь (*) предложилъ свой доносъ, и объявилъ ее отравительницею. Тогда одинъ изъ Ареопагитовъ приказалъ ей произнести обыкновенную клятву. Евдоксія подходитъ тихимъ, но безстрашнымъ шагомъ, становится посреди кровавыхъ жертвъ, кидаетъ на всѣ стороны мрачные взгляды, и потомъ громкимъ голосомъ говоритъ: „Аѳиняне! клянусь богами, Эвменидами, подлѣ храма которыхъ стою, что я любила, обожала, и отравила Ификрата, и что я достойна смерти!" Замолчала и упала безъ памяти.

Ареопагиты безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія встаютъ поочередно; берутъ тремя пальцами, боль-

(*) Такъ назывался второй Архонтъ.

шимъ, указательнымъ и среднимъ, по два камешка, по одному бѣлому и одному черному; идутъ къ урнамъ, и въ каждую изъ нихъ бросаютъ по камешку. Въ продолженіе сего печальнаго и торжественнаго обряда всѣ сердца содрогаются, всѣ съ ужасомъ ожидаютъ приговора.

Какъ скоро Судьи сѣли опять на свои мѣста, то открыли урны и сочли камни. Бѣлыхъ вышло болѣе. Тогда Градоправители провели ногтемъ на дощечкѣ, покрытой воскомъ, короткую черту, что было знакомъ *освобожденія.* Длинная черта значила *осужденіе.* Выставили дощечку передъ народъ, и громкіе плески изъявили общую радость. Сіе почтенное судилище почувствовало движенія жалости къ нещастной, которую чрезмѣрная любовь вывела изъ разсудка и подвигла на преступленіе.

Когда Евдоксія нѣсколько опамятовалась, то объявили ей свободу. „Ахъ, какая свобода! вскричала она: смерть одна была бы милость мнѣ!"

Такимъ образомъ окончился сей достопамятный судъ. Евдоксія не долго

послѣ того жила: покой удалился отъ нещастной, сладкой сонъ не смыкалъ рѣсницъ ея ; и днемъ и ночью мечтались ей ужасныя привидѣнія. Она умерла, произнося Ификратово имя.

Сія трогательная сцена оставила надолго въ Ласѳеніиной душѣ унылое впечатлѣніе. Она разсказала мнѣ еще одинъ такой судъ, который доказываетъ человѣколюбіе и правосудіе Ареопага.

Телекида, женщина богатая, родомъ изъ Сиціоны, вступила во второй бракъ съ Писодоромъ. Отъ перваго ложа она имѣла сына, по имени Ликія, юношу, подававшаго великую о себѣ надежду. Отъ втораго супружества родила она еще сына. Сей послѣдній, какъ скоро взросъ, то отворилъ душу свою ненависти и ревности. Онъ не могъ терпѣть своего брата ; а отецъ не только не истреблялъ сихъ сѣмянъ ненависти, но еще питалъ и укоренялъ ихъ. Сіи два изверга заманили Ликія въ отдаленное, глухое мѣсто, и тамъ безжалостно его зарѣзали. Телекида долго плакала по немъ при

его убійцахъ, ввѣряла имъ свою горесть и слезы. Напослѣдокъ правосудіе боговъ освѣтило злодѣяніе: все открылось. Тогда Телекида сама воспылала духомъ ярости и мщенія. Жестокой, скорый ядъ влилъ смерть въ сердца обоихъ злодѣевъ. Преступница взята подъ стражу и долго таскана по разнымъ судамъ, изъ которыхъ ни одинъ не отважился произнести приговора. Когда дѣло дошло до Ареопага, то онъ, по долговременномъ и зрѣломъ разсмотрѣніи, приказалъ: *участвующимъ явиться черезъ сто лѣтъ.*

Между тѣмъ я уже не смѣлъ упрашивать Ласѳеніи, чтобъ она согласилась на мое благополучіе. Нечаянный случай наклонилъ ее въ мою пользу, и сдѣлалъ меня щастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

ГЛАВА IX.

Антеноръ сражается съ быкомъ. Пріятная надежда.

Мы гуляли за городомъ и взошли на одно высокое мѣсто, которое называется лошадиный холмъ, гдѣ, говорятъ, Эдипъ оплакивалъ свои нещастія. Вдругъ Ласѳенія закричала пронзительнымъ голосомъ; я оглянулся, и вижу превеликаго быка, который въ ужасной ярости бѣжалъ прямо на нее. Спасайтесь, закричалъ я ей, бросился на звѣря, и ударилъ его длинною своею палкою: другаго оружія со мною не было. Разъяренный быкъ остервенѣвъ, хотѣлъ поднять меня на рога, но я увернулся и побѣжалъ изо всѣхъ ногъ; а онъ за мною. Къ щастію пастухи, увидя меня въ опасности, прибѣжали съ рогатинами, я схватилъ одну изъ нихъ и остановился, ожидая своего непріятеля. Въ самое то время, какъ онъ готовъ былъ кинуться на меня, я вонзилъ ему желѣзо въ голову. Быкъ заревѣлъ и упалъ. Пастухи закричали побѣду,

и увѣнчали меня, какъ Олимпійскаго побѣдителя, оливковымъ вѣнкомъ; но я безпокоился, не видя Ласѳеніи. Наконецъ, послѣ многихъ поисковъ, увидѣлъ ее на холмѣ, съ котораго она была зрительницею сраженія моего и побѣды. Я бросился къ ней, и повергъ себя и вѣнокъ свой къ ея ногамъ. ,,Обнимаю новаго Тезея, сказала она мнѣ, побѣдителя Мараѳонскаго вола. Я не забуду, что обязана тебѣ жизнію. Вотъ покамѣстъ поцѣлуй въ награду." О какъ первый этотъ поцѣлуй любви пріятенъ, сладокъ былъ моему сердцу!

Продолжая путь, пришли мы къ одному глухому мѣсту, окруженному со всѣхъ сторонъ утесистыми и обнаженными скалами. На поверхности оныхъ нѣсколько сосенъ и оливковыхъ деревьевъ простирали кой-гдѣ свои печальныя вѣтьви. Мы сѣли у подошвы одной изъ сихъ каменныхъ громадъ. Видъ сего темнаго и дикаго уединенія, глубокая, унывная тишина, перерываемая изрѣдка крикомъ хищныхъ птицъ, и шумъ водопада, журчащаго надъ нами и низвергающагося къ нашимъ ногамъ, погрузили насъ въ

сладкую меланхолію. Мы не говорили; но какой разговорЪ могЪ бы сравняться сЪ краснорѣчіемЪ сего молчанія! Какія слова могли бы изобразить то, что мы чувствовали тогда вЪ душахЪ своихЪ! Огнь сладострастія протекалЪ вЪ моихЪ жилахЪ и палилЪ всю кровь мою. Я сжалЪ Ласѳелію вЪ своихЪ объятіяхЪ, похитилЪ нѣсколько поцѣлуевЪ, дышалЪ пріятнымЪ ея дыханіемЪ. Внѣ себя отЪ любви и желаній, стремился я кЪ совершенному блаженству. „Постой, любезный АнтенорЪ, вскричала она: постой, отсрочь свое торжество; отсрочь только на время; даю тебѣ слово, что не стану болѣе противиться. Завтра мы проведемЪ день вЪ моемЪ загородномЪ домѣ; пусть этотЪ день будетЪ вЪ жизни твоей самымЪ прекраснымЪ и самымЪ щастливымЪ.“ Она вырвалась изЪ моихЪ объятій; я не смѣлЪ удерживать ее. Начинало темнѣть; мы возвратились вЪ городЪ, и я пошелЪ домой ожидать вЪ мучительной нетерпѣливости пробужденія природы.

О какъ долго медлила ночь свернуть свою завѣсу! Солнце, казалось мнѣ, приковано подъ горизонтомъ. Наконецъ лучь дня бросился въ пространство; царь свѣтилъ явился и наводнилъ оное свѣтомъ. Я упалъ на колѣна, и въ восторгѣ воскликнулъ: „Душа вселенной, отецъ природы! помедли нынѣ своимъ теченіемъ, какъ нѣкогда медлилъ для Зевеса и Алкмены. Я не громодержецъ, но Ласѳенія стоитъ всѣхъ божествъ Олимпа!"

ГЛАВА X.

Огорчительная записка отъ Ласѳеніи. Разговоръ Антенора съ Философомъ Ксенократомъ.

Я не успѣлъ еще опомниться отъ своего восторга и лишь только хотѣлъ итти къ Ласѳеніи, какъ получилъ отъ нее записку. Развернулъ, читаю.... „Не подосадуй, любезный Антеноръ, что я на нѣсколько времени принуждена отложить загородное наше гулянье: долгъ самый священный отзываетъ меня въ другое

мѣсто; сей часъ туда отправляюсь. Какъ скоро возвращусь, пришлю тебѣ сказать. Между тѣмъ прощай, будь здоровъ и благополученъ.“

Эта записка меня сразила. Представилось мнѣ, что я обманутъ, осмѣянъ, одураченъ; я проклиналъ любовь, звѣзду свою и Ласѳенію. Въ отчаяніи побѣжалъ къ ней; разспрашивалъ, допытывался объ ея отъѣздѣ: никто ничего не зналъ. Такая тайность наполнила меня страхомъ и подозрѣніями. Я скитался по улицамъ, по площадямъ, ходилъ изъ Пникса въ Керамикъ, изъ Керамика въ улицу Треножниковъ, безъ намѣренія, безъ предмета, не зная самъ куда иду, чего ищу, въ мучительномъ безпокойствѣ, въ глубокой задумчивости, не видя ничего, разговаривая съ самимъ собою, и произнося иногда громко слова: неблагодарная, вѣроломная! Внизу лѣстницы, по которой ходятъ въ цитадель, толкнулъ я одного человѣка очень неосторожно: онъ назвалъ меня по имени; я оборотился и увидѣлъ Философа Ксенократа, съ которымъ былъ нѣсколько

знакомЪ. „АнтенорЪ! что сЪ тобою сдѣлалось? Ты внѣ себя! ЗдоровЪ ли ты? — А кромѣ здоровья развѣ ничего не надобно? — Понимаю, ты боленЪ душею. — Я пренещастный человѣкЪ. — Это быть можетЪ; однакожЪ пойдемЪ со мною.“ ОнЪ взялЪ меня за руку; и мы пошли вЪ цитадель. „Взгляни, сказалЪ онЪ мнѣ, на эти пропилеи или предхраміе цитадели: великолѣпный памятникЪ, воздвигнутый ПерикломЪ! Стѣны обложены бѣлымЪ мраморомЪ; входятЪ пятью большими дверями. ВотЪ на лѣвой рукѣ храмЪ Побѣды. Теперь мы вЪ цитадели: разсмотри всѣ эти статуи, одушевленныя вояломЪ Мирона, Фидія и другихЪ знаменитѣйшихЪ ХудожниковЪ. ВотЪ Меркурій и три Граціи, которыхЪ приписываютЪ Сократу. Поклонись изображеніямЪ Перикла, Форміона, Тимоѳея. Видишь ли два жертвенника? одинЪ посвященЪ Стыдливости, а другой Дружбѣ, божеству благородныхЪ и чувствительныхЪ душЪ... Но ты ничего не слышишь, ничего не видишь. Стыдись такой слабости! Взгляни на городскія кровли. — Вижу. —

Представь же себѣ, сколько печалей, заботъ и бѣдствій обитало нѣкогда подъ сими кровлями, сколько обитаетъ еще и теперь, и сколько въ продолженіе вѣковъ обитать будетъ! Перестань сокрушаться, какъ будто ты одинъ страдаешь на землѣ, или какъ будто тебѣ одному должно быть свободну отъ нещастій, сродныхъ натурѣ человѣческой. Пойдемъ въ Академической садъ; это лучшее мое гулянье. Тѣнь яворовъ, здоровый воздухъ, прохладительныя воды успокоятъ нѣсколько волненіе твоего духа. Надобно заняться. Существо, одаренное разсудкомъ, не должно унывать отъ нещастія. Въ самой злой бѣдѣ содержатся иногда сѣмена будущаго благополучія.“ Мы пришли въ садъ; тамъ еще никого не было. „Сядемъ на эту лавку, сказалъ Ксенократъ, и станемъ разговаривать. Философъ долженъ быть врачемъ душъ; открой мнѣ свою; я пролью въ нее сладкія наставленія мудрости. Не честолюбіе ли твое встрѣтило какія преграды, или оскорбляетъ тебя важный убытокъ, можетъ быть утра-

та всего имѣнія? — Нѣтъ; все это не столько было бы мнѣ чувствительно. Скорбь моя вотъ тутъ, внутри сердца. — Думаю, что отгадываю; ты боленъ любовью. Въ твои лѣта всякая мѣлочь въ любви почитается за великую важность. Несклонность любовницы, ея суровости, невѣрность, одинъ взглядъ не довольно нѣжный, смущаютъ разсудокъ молодаго человѣка, разстроиваютъ въ глазахъ его весь порядокъ естества. Онъ мучится, убиваетъ себя изъ любви къ предмету, разрумяненному красками его воображенія, и на который, нѣсколько дней спустя, не захочется можетъ быть и посмотрѣть. — Вы уже въ осенней своей порѣ; въ это время жизни человѣкъ смѣется страстямъ, которыя дѣлаютъ и блаженство, и мученіе молодости. — Я былъ молодъ, сдѣлалъ много проступковъ, но умѣлъ обуздывать свои чувства и презирать владычество красоты и любви. Многія Діянины жрицы не столько непорочны, какъ я. Весь городъ это зналъ. Я былъ въ самой лучшей порѣ для лю-

бовныхъ утѣхъ, когда славная Лаиса, услышавъ о моей воздержности, осмѣлилась держать закладъ, что она восторжествуетъ надъ моими правилами и соблазнитъ меня. Она попросила меня къ себѣ. — Я часто слыхалъ объ этой женщинѣ; однакожъ она мало мнѣ извѣстна. — И такъ прежде всего надобно дать тебѣ нѣкоторое объ ней понятіе.

Лаиса родомъ изъ Сициліи. Одинъ Аѳинской Военачальникъ привезъ ее въ Грецію. Съ тѣхъ поръ она расположилась жить въ Коринѳѣ, посвятила себя служенію Венеры, и пустила прелести свои въ торгъ. Она была одарена рѣдкою красотою и великимъ умомъ. Живописцы хаживали къ ней для снятія образца съ ея грудей. Апеллесъ похитилъ ея дѣвство. Онъ увидѣлъ ее, какъ она шла съ рѣки; ея молодость и красота привлекли его вниманіе. Онъ подошелъ къ ней, обласкалъ ее и взялъ съ собою на обѣдъ къ одному изъ своихъ пріятелей. Шутили надъ нимъ, что вмѣсто нашколенной Нимфы привелъ

онъ молодую невинную дѣвчонку. „Не смѣйтесь, отвѣчалъ Апеллесъ, я сдѣлаю, что прежде трехъ лѣтъ будетъ она въ ремеслѣ своемъ очень искусна.“ Онъ сдержалъ слово: Лаиса вошла въ славу. Вся Греція перебывала у ногъ ея. Демосѳенъ ѣздилъ въ Коринѳъ нарочно для того, чтобъ купить у нее позволеніе провести съ нею одну ночь; но когда услышалъ о цѣнѣ, то испужавшись, отмѣнилъ свое намѣреніе. „Я не люблю, сказалъ онъ, платить такъ дорого за раскаяніе.“ Скульпторъ Миронъ, старикъ, также добивался ея благосклонности; но ему отказано. Приписывая свою неудачу сѣдымъ своимъ волосамъ, спряталъ онъ ихъ подъ парикомъ и пришелъ опять къ Лаисѣ. „Не глупъ ли ты, сказала она ему, что просишь у меня того, въ чемъ я отказала твоему отцу?“ Она часто смѣивалась цѣломудрію Философовъ. „Не знаю, говорила она, строже ли они другихъ людей себя ведутъ; но то мнѣ извѣстно, что они также часто приходятъ стучаться у дверей моихъ.“ Какъ бы то ни было, только эта

гордая красавица, которая столь высоко цѣнила свои прелести, удостоивала замараннаго Діогена ласкѣ своихъ безденежно. Она подражала тѣмъ сострадательнымъ врачамъ, которые лечатъ бѣдныхъ изъ любви къ ближнему.

Такова была прекрасная Лаиса. Я пошелъ къ ней и засталъ ее за туалетомъ. Великій Зевсъ! какая роскошь! сколько безполезностей!

Она была окружена умывальницами, кувшинами и тазами изъ чистаго серебра, большими и малыми зеркалами, спичками для распутыванія волосъ, припекальными щипцами, разными тесьмами, сѣтками, желтою пудрою. Сколько на этомъ Венериномъ олтарѣ стояло коробочекъ съ румянами, съ бѣлилами для украшенія кожи, съ черною мазью для сурменія бровей, съ опіатомъ для зубовъ! Не говорю уже о множествѣ эссенцій, о растѣніи Парѳенонѣ, которымъ наши дамы напитываютъ бѣлье, и душистыхъ подушечкахъ, которыя онѣ носятъ въ карманахъ. Удивительно показалось мнѣ, что она натирала вѣки по-

рошкомъ стягивающаго свойства; и еще стало удивительнѣе, когда я услышалъ отъ нее, что это для того, чтобъ съузить вѣки, тѣмъ придать величины глазамъ и открыть ихъ лучше; и что всѣ хорошенькія женщины употребляютъ это средство.

Но я не могъ уже воздержаться, чтобъ не улыбнуться, увидя посреди этого трофея роскоши и кокетства маленькую библіотечку, въ которой было собраніе театральныхъ сочиненій Менандра, Аристофана, Эврипида и Софокла. За тѣмъ слѣдовали Эротическіе Стихотворцы: Демофилъ, Мосхъ, Анакреонъ, и всѣ періодическія изданія. Вотъ что составляетъ обыкновенное чтеніе нашихъ женщинъ хорошаго тона. Онѣ читаютъ не для того, чтобъ исправить свой разсудокъ; но только чтобъ набраться ученыхъ словъ и говорить краснѣе.

Лаиса приняла меня съ удовольствіемъ на лицѣ, съ улыбкою на устахъ и сказала, не помню, какой, только самый пустой предлогъ, для чего меня пригласила. Лесть и похвала лились съ языка ея нектарною струею. По

ея словамъ не бывало еще подобнаго мнѣ Философа на землѣ, а по взглядамъ можно бы подумать, что она дѣйствительно въ томъ увѣрена. Она спросила меня, что такое Философъ? — Человѣкъ, который дѣлаетъ изъ доброй воли и по разсудку то самое, что прочіе дѣлаютъ изъ опасенія законовъ и наказаній. — А что надобно дѣлать, чтобъ быть благополучнымъ? — Противное тому, что вы дѣлаете. — Вы слишкомъ чистосердечны. Между тѣмъ туалетъ ея продолжался. Она сыпала въ волосы желтую свою пудру, чесала брови, разстилала съ великимъ искусствомъ румяна и бѣлила на свѣжихъ своихъ щекахъ и на груди; потомъ напрыскала волосы эссенціями, убрала ихъ дорогими каменьями и подвѣсила къ ушамъ богатыя серьги. „Сколько труда, чтобъ обезобразить дары природы! сказалъ я ей. — Вы, можетъ быть, правы; но что дѣлать? Надобно повиноваться модѣ: это божество имѣетъ свои уставы. — И много усердныхъ обожательницъ, которыя добровольно терзаютъ себя на жерт-

венникахъ ея. — Однакожъ Философія самая строгая согласится, что можно поправить, украсить натуру, и что волшебный обманъ искусства по крайней мѣрѣ полезенъ тѣмъ, что прикрываетъ ея недостатки.“

Между тѣмъ двѣ молодыя невольницы надѣли на Лаису хитонъ блистательной бѣлизны. Она стянула его подъ грудями широкимъ поясомъ. Хитонъ простирался волнистыми сгибами до самыхъ пятъ, а подолъ подобранъ и перевязанъ былъ разноцвѣтными тесьмами. Сверху надѣла одежду короче; потомъ накинула на себя епанчу, такъ искусно снаровленную, что она обрисовала всѣ выпуклости этого прелестнаго и сластолюбіе внушающаго тѣла; нагрузила шею перлами и другими драгоцѣнными каменьями, и положила въ карманы благоуханныя подушки. Въ продолженіе такого длиннаго церемоніала, не льзя было не выказать нѣкоторыхъ прелестей. Я видѣлъ пару такихъ грудей, которымъ позавидовала бы сама Венера; руку по плечо, бѣлую какъ алебастръ, гладкую, нѣжную,

оточенную Граціями; ножку маленькую, складную, икру безподобную... Далѣе не знаю; но вѣроятно по всему, что подъ щасливымъ хитономъ крылись прелести, достойныя жителей Олимпа. Наконецъ когда все кончано, отослала она своихъ невольницъ, сѣла на великолѣпномъ ложѣ, и посадила меня подлѣ себя; но видя, что я, не смотря на близость такихъ прелестей, продолжаю сидѣть нахмурившись, приняла рѣшительное намѣреніе. Она сказала мнѣ, что видѣвъ у ногъ своихъ всѣхъ любезнѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей, кромѣ одного меня, почла бы за великое щастіе увѣнчать свои побѣды пріобрѣтеніемъ въ число обожателей своихъ мудреца, который дѣлаетъ честь и украшеніе Философіи. Говоря такимъ образомъ, держала она мою руку; то клала ее къ себѣ на колѣни, то прижимала къ своему сердцу. Я отвѣчалъ, что она должна ограничиться великими людьми, которыхъ уже имѣла, и что покореніе такого сердца, какъ мое, не прибавитъ ничего къ ея славѣ. Примѣтя, что одна ея нога вы-

ставилась до самаго колѣна, я остерегъ ее хладнокровно. — Нравится ли вамъ эта нога? спросила она меня. — Прекрасна, только не надобно бы ея показывать. Такое Философское равнодушіе привело ее въ смятеніе; она позамѣшалась, но поправясь, опять взяла мою руку и начала говорить: „Любовь душа вселенной; она дала бытіе міру, оживила природу; любовь тотъ огонь, который Прометей похитилъ съ неба: этотъ священный огонь течетъ въ водѣ, въ воздухѣ, производитъ каждую минуту милліоны существъ, воспламеняетъ и людей, и боговъ. Посмотри на меня: я вся горю; пощупай, какъ грудь моя поднимается, какъ сердце бьется!" Между тѣмъ успѣла она пораздвинуть грудныя свои завѣсы и безъ церемоніи вложила туда мою руку. „Ваша кровь подлинно въ превеликомъ волненіи, сказалъ я; конечно у васъ горячка? — Горячка, которую ты воспалилъ. — Когда присутствіе мое столько для васъ вредно, то я пойду. — Останься; я такъ хочу. — Чего требуете вы отъ меня? — Чтобъ ты

меня любилъ, отвѣчала она, схватя меня насильно въ свои объятія и тиснувъ на губахъ моихъ самый жаркой поцѣлуй. — Вы теряете по пустому и время, и поцѣлуи, сказалъ я, вставши съ мѣста своего. Охотно вѣрю, что вы очень опасная Цирцея; но вѣрьте же и вы, что во мнѣ найдете втораго Улисса. А чтобъ не пристыдить васъ еще больше, прощайте!" Я ушелъ и оставилъ ее въ презлой досадѣ; она сдѣлалась подлинно огненнаго цвѣту, только не отъ любви, а отъ того, что ея самолюбіе не привыкло глотать такихъ пилюль. — Ваша Стоическая твердость, сказалъ я Ксенократу, неподражаема. И такъ Лаиса проиграла свой закладъ? — Нѣтъ; она отговорилась тѣмъ, что взялась соблазнить человѣка, а не статую."

Тутъ подошли къ намъ нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ. Мы узнали отъ нихъ, что Ѳеофрастъ при послѣднемъ концѣ своемъ. Зашелъ разговоръ о его лѣтахъ, и всѣ согласились, что онъ умираетъ весьма уже старъ и дряхлъ. Ему было девяносто

девять лѣтъ, когда онъ сочинилъ славную свою книгу о *Характерахъ*, которую можно бы почесть твореніемъ молодаго человѣка, очень умнаго, пылкаго и забавнаго.

Я воспользовался случаемъ и ушелъ. Для меня нужно было уединеніе; я хотѣлъ найти Ласѳенію, но потерялъ труды свои и время: я былъ въ отчаяніи.

ГЛАВА XI.

Безъименная записка утѣшительнѣе прежней. Слѣдствія этой записки. Смерть Ѳеофрастова.

Насталъ шестой день послѣ моего нещастія. Какой-то невольникъ стучится у дверей моихъ и вручаетъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: *Поди, куда податель сего тебя поведетъ. Не бойся, ты не будешь раскаяваться.* Не могши узнать руки, разспрашивалъ я посланнаго; но онъ отвѣчалъ, что ему велѣно только показать мнѣ дорогу, а болѣе ничего не знаетъ. — „Хорошо, пойдемъ."

Путешествіе наше продолжалось около часа. Мы пришли къ одной не-

большой калиткѣ; провожатый отворилъ ее, и повелъ меня по тополевой алеѣ. Въ концѣ виденъ былъ прекрасный домикъ. Мы вошли въ залу осьміугольной фигуры, убранную просто, но со вкусомъ. Тутъ невольникъ покинулъ меня одного. Передъ домомъ находилась терраса, украшенная парными колоннами Дорическаго ордена; видъ простирался на пространный садъ. Я вышелъ на террасу: какая великолѣпная картина представилась моимъ глазамъ! Море, котораго поверхность сребрило солнце; поле въ зеленой, миловидной одеждѣ, богатое плодами и цвѣтами, усѣянное прекрасными домиками и холмами; въ концѣ сада протекала Цефиза. Около четверти часа былъ я въ восхищеніи: мнѣ казалось, что я перенесенъ въ Елисейскія поля. Но скоро вспомнилъ, что я одинъ; спрашивалъ себя, за чѣмъ пришелъ, и кто обитаетъ въ семъ волшебномъ жилищѣ? Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ изъ глубины моего сердца.

Въ намѣреніи что нибудь развѣдать, сошелъ я съ террасы и прежде

всего избѣгалъ цвѣтникъ, усаженный розами и другими самыми прекрасными весенними цвѣтами. По срединѣ находился бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, въ которой двѣ Наяды лили изъ урнъ своихъ обильныя воды.

Я столько былъ занятъ, что не могъ ничего разсматривать; глаза мои блуждали и на всякомъ мѣстѣ искали божества сего маленькаго рая. Яворовая алея привела меня къ лугу, испещренному цвѣтами. Тамъ небольшой ручеекъ протекалъ по камешкамъ и дѣлалъ многія излучины. Лугъ примыкалъ къ маленькой рощицѣ; а въ концѣ рощи было, по обѣимъ сторонамъ, по одной бесѣдкѣ. Я вошелъ въ ту, которая была на лѣвой рукѣ, и увидѣлъ двѣ статуи изъ Паросскаго мрамора: одна представляла Купидона, другая молодую Нимфу. Купидонъ съ лукавою улыбкою накладывалъ стрѣлу и прицѣливался въ Нимфу; а Нимфа стояла на колѣняхъ, простирала руки къ божку и просила помилованія. Обѣ сіи статуи были Алкаменовой работы.

Не находя нигдѣ спокойствія, подстрекаемъ какою-то нетерпѣливостію, пошелъ я посмотрѣть другую бесѣдку. По срединѣ, на пьедесталѣ, стояли три Граціи, работы славнаго Фидія: твореніе достойное сего великаго Художника! Одна изъ Грацій держала въ рукѣ миртовую вѣтьвь; другая розу, эмблему весны; а третья косточку, символъ младенческихъ игръ: у ногъ ихъ лежалъ Купидонъ, улыбался и смотрѣлъ на нихъ милыми взглядами. Разсматривая примѣчательнѣе среднюю статую, у которой была роза, нашелъ я, что она чрезвычайно похожа на Ласѳенію; сердце мое затрепетало; я вскричалъ: „Любезная, неблагодарная Ласѳенія! за что убѣгаешь меня? гдѣ ты?“ Листья пошевелились. Я вышелъ, вышелъ, и увидѣлъ. . . кого жъ? Ласѳенію! не привидѣніе, не образъ ея, но подлинную, живую Ласѳенію! Я обмеръ отъ радости и удивленія. „Ласѳенія! любезная Ласѳенія! божество, посланное съ неба для моего утѣшенія! такъ-то вы меня покинули? И вамъ не совѣстно? — Ты

меня осудилъ, не выслушавъ. Но чему дивиться? Всѣ мущины, особливо любовники, несправедливы. Сядемъ. Прежде послушай, потомъ суди. Ночью, послѣ того дня, въ которой спасла меня твоя неустрашимость, прислали ко мнѣ сказать, что Ѳеофрастъ умираетъ и хочетъ меня видѣть. Я привязана была къ этому человѣку узами благодарности и дружества: онъ образовалъ мою душу и разумъ. Изъ двухъ тысячь учениковъ, которые были у него въ Лицеѣ, онъ отличилъ меня и посвятилъ мнѣ предпочтительно свои старанія: словомъ сказать, ежели есть во мнѣ хотя нѣсколько Философскаго разсудка, то ему я тѣмъ обязана; онъ-то научилъ меня не тратить времени по пустому; его всегдашняя поговорка была: „Самая важная потеря есть потеря времени.“

Нѣсколько уже лѣтъ, какъ онъ уединился за городъ, и тамъ еще въ праздные часы занимался ученіемъ. Какъ скоро я узнала, что онъ въ опасности, то побѣжала тотчасъ къ нему. Попеченія, которыхъ требуетъ

страждущая дружба, должны быть предпочтены обѣщанію, данному щастливой любви. Увы! я нашла друга своего на одрѣ смерти; присутствіе мое какъ будто оживило его. — „Ахъ, другъ мой! вскричалъ этотъ почтенный старецъ, какъ жизнь наша скоротечна! За что боги дали ворону и оленю такую долговѣчность (*)? О натура! твари безгласныя, неодушевленныя, живутъ множество вѣковъ, будутъ жить еще и во время преображенія міра; а человѣкъ, существо разумное, котораго мысль объемлетъ тебя и постигаетъ, какъ скоро приходитъ въ свѣтъ, то и долженъ приготовляться уступить мѣсто свое другому. Первая минута жизни его касается минутѣ его смерти. Звѣзды, которыя освѣщаютъ его сего дня, завтра будутъ блистать надъ его могилою! Я сказала ему, что онъ напрасно безпокоился, и что конецъ его не столько еще близокъ. „Смерть не

(*) Долго думали, что жизнь вороновъ и оленей продолжается отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ лѣтъ.

огорчаетъ меня ни мало, отвѣчалъ онъ. Наша жизнь не иное что, какъ путешествіе отъ ночлега къ ночлегу. Я прибылъ къ воротамъ ничтожества, надобно войти.“ Потомъ спокойно сообщилъ онъ мнѣ послѣднія свои расположенія; разговаривалъ долго о сочиненіяхъ своихъ, изъ которыхъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ *Характеры*. Передъ послѣднимъ своимъ вздохомъ взялъ онъ мою руку, прижалъ ее къ своему сердцу и сказалъ: „Вотъ жизнь человѣческая!“ Я плакала по немъ два дни въ этомъ уединеніи; мнѣ разсудилось, что нѣтъ никакой необходимости посвятить забавамъ первый день послѣ кончины друга. Ну, теперь скажи, виновата ли я? еще ли ты на меня досадуешь? — Нѣтъ; любезная Ласѳенія, слѣдуя движеніямъ сердца своего, не можетъ проступиться. Я обнялъ и поцѣловалъ ее. — Пойдемъ отсюда, сказала она съ улыбкою; чувствую, что это мѣсто для меня опасно. — Не забудьте своего обѣщанія; вспомните, сколько я страдалъ. — Помню, помню; но любовь не дала еще сигнала. Пойдемъ; ты

не все видѣлъ; я тебѣ покажу свой птичникъ.“

Проволока переплетена была гранатовыми и лавровыми вѣтьвями. По серединѣ, подъ тѣнью одного мирта, протекалъ ручей; птичникъ населенъ былъ самыми рѣдкими и пріятными птицами. — „Вотъ гдѣ, сказала мнѣ Ласѳенія, указывая на дерновую лавочку, провожу я иногда цѣлые часы, слушая пріятную мелодію маленькихъ моихъ музыкантовъ; я люблю разсматривать милую простоту ихъ нравовъ, которые такъ не похожи на наше лукавое обхожденіе, и сравнивать щастливую безмятежность ихъ съ тѣми страстями, которыя снѣдаютъ сердце человѣка.

Пойдемъ къ этой площадкѣ, обсаженной вязами и кипарисами. — Какое печальное мѣсто (*)! — Оно должно быть печально; трауръ и меланхолія будутъ здѣсь обитать. Вотъ урна, которая приметъ мой прахъ, когда

(*) Кипарисъ и вязъ посвящены мертвымъ, потому что они не даютъ никакого плода.

пребывающій во мнѣ животворный лучь Вышняго Существа соединится съ душею вселенной. Часто я прихожу сюда пріучать свое воображеніе къ смерти. Ты моложе меня; можетъ быть придешь когда нибудь на это мѣсто разсыпать нѣсколько цвѣтовъ и поплакать по твоей Ласѳеніи. — Оставьте такія печальныя мысли. — Почему, мой другъ, *печальныя*? Ежели душа не погибнетъ съ тѣломъ, то сіе продолженіе бытія будетъ конечно къ нашему щастію; въ противномъ случаѣ пыль, которую топчешь, можетъ ли чувствовать страданіе? Не станемъ огорчать жизни своей беспокойствомъ о будущемъ, и представимъ себѣ, что смерть не иное что, какъ спокойный сонъ послѣ тягостнаго дня. Пойдемъ смотрѣть комнатъ. Этотъ домикъ Аристипповъ подарокъ; я приняла его только съ тѣмъ, чтобъ онъ по смерти моей возвращенъ былъ или ему, или наслѣдникамъ его. — Щастливъ былъ бы тотъ, кому бы вы позволили провести здѣсь при васъ всю свою жизнь. — Я бы не хотѣла запереться

здѣсь ни съ какимъ любовникомъ, какъ бы онъ ни былъ страстенъ; скоро всѣ розы превратились бы въ макъ. Не забудь, что цвѣтокъ забавы растетъ на иглистомъ стебелькѣ."

Мы стояли тогда на террасѣ. Ласѳенія, давъ мнѣ налюбоваться на красоту мѣстоположенія, на картину моря, на рѣку и поле, ввела меня въ галлерею. „Этотъ боковой кабинетъ, сказала она мнѣ, который полѣвую руку, посвященъ Музамъ; въ немъ найдешь лучшія книги, портреты Гомера, Гезіода, Анакреона и Платона: хочешь ли видѣть ихъ? — Нѣтъ; сдѣлайте милость, поведите меня лучше въ храмъ Любви. — Входъ въ него очень пріятенъ; но путь, по которому возвращаться должно, бываетъ иногда усыпанъ терніемъ. Я покажу тебѣ покамѣстъ храмъ Флоры; ты увидишь прекрасные цвѣты. — Я очень худо вижу: мысль моя, душа моя обитаетъ въ горней области. — Чувствую, что вывожу тебя изъ терпѣнія; но ты долженъ имѣть нѣсколько снисхожденія къ самолюбію

хозяйки, которой хочется почваниться своимъ вкусомъ."

Флорина зала была овальной фигуры, и обложена бѣлымъ мраморомъ, съ пиластрами изъ порфира. Окружность убрана была вязами и ящиками изъ драгоцѣннаго дерева, въ которыхъ самые прекраснѣйшіе цвѣты блистали одинъ передъ другимъ. — Какъ тебѣ кажется этотъ храмикъ? — Достоинъ своей Богини. Но я не вижу ни постели, ни лавокъ. — Тотчасъ будетъ все, потяни за этотъ снурокъ." — Въ одинъ мигъ двѣ кулисы раздвинулись, и открыли покойное ложе, богатою тканью одѣтое. Въ серединѣ находился маленькой нишъ, въ которомъ стояла статуя бога *Сигаліона*. Греки представляютъ его обыкновенно съ пальцомъ на губахъ въ знакъ молчанія (*). „Это Божество, сказала мнѣ Ласѳенія, напоминаетъ

(*) Греки называли его сыномъ Изиды и Озирида. Изображали его въ видѣ полуобнаженнаго юноши, въ мантіи, усѣянной глазами и ушами, и съ Египетскою митрою на головѣ.

тебѣ, что все происходящее здѣсь должно быть погребено въ тайнѣ."— Возсіяла заря благополучія моего. Я схватилъ Ласѳенію. Ея сопротивленіе было смѣшеніе любви, сладострастія и стыдливости. Боги! не завидую вашему блаженству: вы никогда не вкушали такихъ сладостей, какими я упитался въ объятіяхъ сей пламенной любовницы. Гдѣ найти словъ описать наши восторги, наши порывы; тѣ огненные, страстные поцѣлуи, то сладкое замираніе чувствъ, когда человѣкъ не помнитъ самъ себя, но наслаждается выше всякаго выраженія; и наконецъ то удовольствіе души, тѣ спокойныя, но можетъ быть еще лучше чувствуемыя ласки, которыя слѣдуютъ послѣ! Мы умирали, оживали, и опять умирали. Часы пролетѣли въ семъ восхищеніи быстрѣе минутъ.

Потомъ сладкой сонъ оковалъ насъ въ объятіяхъ другъ друга. Когда мы проснулись, воздухъ былъ уже прохладнѣе. Прекрасный вечеръ манилъ наслаждаться полемъ и всѣми пріятностями натуры. Мы гуляли подъ

чинарами и на лугу. Между тѣмъ невольники разставили столъ на террасѣ. Мы пошли въ купальню, и послѣ ужинали. Вкусная пища, вечерняя благорастворенность воздуха, видъ заходящаго солнца, изливающаго обильно пурпуръ, золото и самые блестящіе цвѣты; сладкое упоеніе чувствъ и впечатлѣніе, оставшееся въ насъ отъ забавъ нашихъ: все исполняло душу восторгомъ блаженства. Восхитительное сновидѣніе, ты исчезло! Гдѣ теперь та, которой смертные покланялись, какъ божеству? Не уже ли и она не иное что, какъ прахъ? Душа ея въ нѣдрахъ ли боговъ покоится, или развѣяна по пространству? О, любезная моя Ласѳенія! слышишь ли теперь мои сожалѣнія, мои вздохи? Видишь ли слезы, которыя текутъ изъ глазъ моихъ послѣ тридцатилѣтней разлуки?

Отпуская меня, она сказала мнѣ: „Антеноръ, я сдѣлала твое щастіе и сама его раздѣляла. Помни, что ты долженъ мнѣ благодарностію; и когда страсть твоя угаснетъ, то дружеская привязанность должна засту-

пить ея мѣсто. Вѣрь мнѣ: когда женщина чувствительная и нѣжная отдается своему любовнику; то она не столько своими собственными желаніями бываетъ къ тому приведена, сколько удовольствіемъ несравненно пріятнѣйшимъ, насладиться его восторгами и блаженствомъ.“ — Съ тѣхъ поръ я не сталъ думать ни о чемъ, кромѣ Ласѳеніи, гдѣ бы я ни былъ, душа моя находилась неотлучно при ней. Я отсталъ отъ Гимназіи, отъ Академіи, отъ Лицея; однакожъ, какъ она любила дарованія ума, то чтобъ подняться на высоту ея, посвящалъ я ученію всѣ тѣ часы, въ которые не могъ ее видѣть. Я искалъ просвѣщенія въ Полемическихъ книгахъ; выписывалъ, погружался въ бездны Метафизики, разыскивалъ существо души. Каждый Философъ или Секта лишь далѣе завлекала меня въ лабиринтъ сомнѣній. Сколько Системъ! Сколько неизвѣстности! Сколько мрака! Вышло изъ моего чтенія: что душа тонкой огонь, лучь солнца, частичка Эфира, божества, чистѣйшій духъ, существо нераздѣльное, слож-

ное, имѣющее пребываніе въ мозгу, въ сердцѣ, въ діафрагмѣ, въ крови, во всемъ тѣлѣ; она гибнетъ, она безсмертна.... Кому вѣрить? Однажды, вышедъ изъ терпѣнія, сообщилъ я о своемъ недоумѣніи Ласѳеніи. Она сказала мнѣ: „Приведи въ порядокъ движенія души своей; наслаждайся ея удовольствіями, равно какъ наслаждаешься теплотою солнца, или благодѣяніями природы, и не ищи приподнять завѣсу, которой ни одинъ смертный никогда не проникъ." Я послѣдовалъ этому совѣту, бросилъ всю эту чепуху отвлеченнаго умничанья, и принялся за Піитовъ, за Ораторовъ. Всесильная любовь! зиждительное божество! сколько талантовъ, сколько добродѣтелей расцвѣло бы подъ твоимъ владычествомъ, ежелибъ всѣ красавицы употребляли власть твою на пользу человѣчества!

Ласѳенія не одобрила моего уединенія. „Не вздумай, говорила она мнѣ, подражать насмѣшнику Демокриту, который затворялся учиться въ могилы. Жизнь въ безпрестанныхъ размышленіяхъ не прилична твоимъ лѣ-

тамЪ. Самое полезное упражненіе для молодаго человѣка есть учиться знать свѣтЪ: вотЪ книга, которую должно чаще всего читать. Когда ты призванЪ жить между людьми, то надобно тебѣ знать нравы и обычаи своихЪ современниковЪ, странности и различія характеровЪ. Нигдѣ не льзя видѣть людей такЪ хорошо, какЪ посреди мірскихЪ сценЪ, вЪ ихЪ сферѣ дѣятельности. Ты не книгою долженЪ быть, а человѣкомЪ. Навычка вЪ свѣтѣ при посредственномЪ умѣ можетЪ замѣнить учебныя знанія; напротивЪ того наука и умозрѣніе, безЪ практики, даютЪ вЪ обществѣ принужденный видЪ и дѣлаютЪ неловкимЪ и ни кЪ чему неспособнымЪ. Естьли и позволено удалиться отЪ людей; то однакожь не прежде, какЪ подЪ конецЪ жизни, когда все видѣлЪ, все испыталЪ, и заплатилЪ свой долгЪ отечеству.

ГЛАВА XII.

Антеноръ переѣзжаетъ къ Полифрону. Поведеніе Полифроновой жены. Ея повиновеніе Солоновымъ законамъ.

Случилась нужда мнѣ перемѣнить квартиру. Ласѳенія помѣстила меня у одного пріятеля своего, Полифрона. Я легко подружился какъ съ нимъ, такъ и съ Эвхарисою, женою его. Эвхариса была женщина молодая и прекрасная. Когда мужъ привелъ меня къ ней въ первый разъ, то я нашелъ при ея туалетѣ Филона, Аѳинянина, юношу самаго благообразнаго и сановитаго. Эвхариса пудрилась желтою пудрою и бѣлилась. Я пробылъ у нее не долго и вышелъ вмѣстѣ съ Полифрономъ. Онъ спросилъ у жены своей, какъ располагается она провести день: Эвхариса отвѣчала, что пойдемъ съ Филономъ въ Одеумъ (*). Удивясь такой тѣсной связи съ холостымъ мущиною и философическому равнодушію супруга, спросилъ я

(*) Аѳинской театръ, гдѣ представляли довольно неблагопристойныя сцены.

сего послѣдняго, не братъ ли Филонъ женѣ его? — „Онъ двоюродный братъ мнѣ. Я очень люблю этого молодаго человѣка, и даже имѣю къ нему почтеніе.“ Цѣломудріе женское тлѣнная вещь, подумалъ я! Полифронъ можетъ быть и самъ не знаетъ, какъ близокъ ему любезный его свойственникъ.

Послѣ того видѣлъ я Филона въ этомъ домѣ всякой день; онъ былъ съ Эвхарисою почти неразлученъ и могъ входить въ ея спальню во всякое время; а я хотя жилъ у нихъ, однакожь не имѣлъ такого дозволенія. Сіе различіе заставило меня заключить навѣрное, что есть между ними интрига; но чтобъ не нарушить законовъ страннопріимства, не говорилъ я о томъ никому, ни даже Ласѳеніи.

Впрочемъ Эвхариса была поведенія весьма благопристойнаго. Кроткое благонравіе написано было у нее на лицѣ и въ каждомъ взглядѣ; почитали ее пренабожною. До замужства своего она была Канефора. Симъ именемъ, которое значитъ *носильщица*

корзинъ, называются двѣ дѣвственницы, живущія въ одномъ домѣ близъ храма Минервы Поліады (*), которой онѣ посвящаются на нѣкоторое только время. Въ день праздника богини ходятъ онѣ ночью въ храмъ, принимаютъ отъ жрицы корзины и уносятъ ихъ на головахъ. Никому не извѣстно, ни даже жрицамъ, что такое лежитъ въ корзинахъ. Въ городѣ, близъ садовой Венеры, есть ограда, изъ которой находится спускъ въ пещеру; тамъ Канефоры оставляютъ свои корзины, берутъ оттуда другія, и относятъ ихъ во храмъ также таинственно. Послѣ сего обряда отпускаютъ ихъ и выбираютъ на ихъ мѣста другихъ.

Будучи съ однимъ пріятелемъ на Элевзинскихъ праздникахъ, увидѣлъ я Эвхарису на лавкѣ со множествомъ богомолокъ. — Бѣдняшки, сказалъ товарищь мой! онѣ изъ набожности въ состояніи просидѣть здѣсь 12 часовъ безъ пищи. — Какую книгу читаютъ

(*) Поліада значитъ на Греческомъ богиня покровительница города.

онѣ съ такимъ вниманіемъ? — Эта книга писана на Египетскомъ языкѣ іероглифами. — И онѣ понимаютъ? Я не полагалъ ихъ столько учеными. — Какая нужда имъ, понимаютъ ли онѣ, или нѣтъ! Жрецы одни имѣютъ ключь этого темнаго писанія, но не открываютъ его никому, будучи такого мнѣнія, что законъ тѣмъ священнѣе, чѣмъ непонятнѣе языкъ, на которомъ совершаются молитвы.

Наружная набожность Эвхарисы ни сколько меня не переувѣрила. Я зналъ всегда, что не рѣдко женщины мѣшаютъ обряды закона съ таинствами любви. Одинъ случай напужалъ меня смертельно; я думалъ, что дѣло дошло до печальной развязки. Я долженъ былъ ужинать у Полифрона. Онъ пришелъ со мною домой передъ самымъ ужиномъ и повелъ меня прямо къ женѣ своей. Дверь въ комнату ея была затворена, и одинъ изъ невольниковъ сказалъ намъ, что у нее Филонъ. Я затрепеталъ при семъ имени; представилось мнѣ, что дверь въ одинъ мигъ разсыпается вся въ куски; но Полифронъ съ равнодуші-

емъ, достойнымъ Зенона, сказалъ: „Не станемъ мѣшать Филону; пойдемъ въ столовую.“ Я оцѣпенѣлъ и не смѣлъ уже произносить имени сего опаснаго родственника; но къ великому удивленію моему, Полифронъ спросилъ меня, знаю ли я Филона хорошенько? — Очень мало; я видаю его только здѣсь. — Онъ живетъ весьма уединенно и никуда не ходитъ, кромѣ моего дому. Какой предостойный человѣкъ! Храбръ какъ Ѳемистоклъ; онъ уже сдѣлалъ шесть кампаній, то на сухомъ пути, то на морѣ; раненъ на славномъ сраженіи, на которомъ предводитель нашъ Хабрій, будучи покинутъ союзниками, удержался съ одною горстью своего войска противу всѣхъ усилій непріятеля. Этотъ молодой человѣкъ будетъ когда нибудь предводительствовать арміями Республики. Я хотя и свойственникъ ему; однакожъ всегда позволено отдать справедливость. Филонъ не похожъ на свою братью молодыхъ людей ни поступками, ни смѣшными модами, ни чванствомъ; онъ не любитъ дурачиться, врать пустое, или кри-

вляться; не старается показать, что у него много служителей; за нимъ не носятъ креселъ на гулянье или на площадь; онъ не имѣетъ вышитыхъ одеждъ, какъ женщина; не румянится, не бѣлится, не завиваетъ волосъ, не прыскается благовонными водами, не накладываетъ мушекъ, не носитъ зеркала въ карманѣ, и нѣтъ у него туалета.“ Въ то самое время Филонъ и Эвхариса вошли вмѣстѣ, и поставлено кушанье. Полифронъ былъ за ужиномъ очень любезенъ; съ женою обходился, какъ нѣжный другъ и пріятный женской услужникъ, а свойственника осыпалъ ласками и уваженіями всякаго рода. Всѣ казались очень довольными; одинъ я сидѣлъ, какъ статуя, и удивлялся тѣмъ болѣе, что Полифронъ слылъ у всѣхъ человѣкомъ преблагонравнымъ и самыхъ лучшихъ правилъ. Спокойствіе, хотя бы оно было и притворное, съ какимъ онъ смотрѣлъ на любовную связь жены своей, казалось мнѣ загадкою неразрѣшимою. По щастію Филонъ ушелъ тотъ часъ послѣ ужина, мужа вызвали за какимъ-то дѣломъ,

а я остался съ Эвхарисою одинъ. Сей случай показался мнѣ благопріятнымъ попытаться проникнуть въ такую чудную тайну.

Я завелъ рѣчь о Полифронѣ, хвалилъ его тихой нравъ, просвѣщеніе, хорошія правила и привязанность къ ней. Эвхариса хвалила его еще болѣе, говорила о своей къ нему любви, и увѣряла, что его доброе сердце и угожденія созидаютъ все благополучіе жизни ея. — Притомъ еще онъ и неревнивъ. — Душа его такъ благородна, что онъ не удобенъ имѣть столь низкаго порока. — Скажу вамъ признательно, что судя объ немъ по другимъ, я дрожалъ объ васъ передъ ужиномъ, когда онъ пришелъ со мною къ вамъ, а дверь была заперта, и сказали, что вы однѣ съ Филономъ. Конечно никто не усумнится въ добродѣтели вашей, но всякой другой мужъ не принялъ бы этого такъ спокойно: простите мнѣ мое чистосердечіе. Эвхариса вмѣсто того, чтобъ закраснѣться, слушала меня равнодушно и улыбалась. — „И такъ холоднокровіе мужа моего васъ удивляетъ?—

Признаюсь. — Вы удивитесь еще более, когда узнаете, что я съ родственникомъ его на такой же ногѣ, какъ и съ нимъ, и что Филонъ имѣетъ тѣ же самыя права, тѣ же преимущества. — Не скрою отъ васъ, что это подлинно умножаетъ мое удивленіе; однакожь, какъ бы то ни было, довѣренность ваша чрезвычайно для меня лестна: вы можете положиться на мою скромность.... — Не принуждайте себя; вы можете говорить, что хотите. Я вамъ благодарна за доброе ваше намѣреніе; но вся Публика знаетъ мою тайну, и самъ Полифронъ. Какъ вамъ это кажется? — Непонятно, а особливо снисхожденіе вашего мужа. Развѣ Аѳинскія женщины имѣютъ особливую привилегію пользоваться двумя мужьями? — Не всѣ; думаю, что это право принадлежитъ мнѣ одной. — Поздравляю васъ отъ всего моего сердца, и очень хвалю, что вы правомъ своимъ пользуетесь. — Вы, можетъ быть не знаете Солонова закона, которымъ этотъ двойной бракъ мнѣ позволенъ? — Право не зналъ, но нахожу его пре-

краснымъ, разумѣется для женщинъ. Сдѣлайте милость, просвѣтите мое незнаніе, откройте мнѣ этотъ превосходный законъ, который такъ благодѣтеленъ къ вамъ одной. Можетъ быть оказали вы Государству важную услугу? — Нѣтъ, я не имѣла этого щастія. Вотъ изъясненіе задачи: когда я вышла за Полифрона, то знала его только со стороны общаго къ нему уваженія и самаго лучшаго объ немъ мнѣнія Публики; физическія и моральныя его качества были отъ меня закрыты. — Развѣ онъ подалъ вамъ причину жаловаться на его нравъ, жестокость, или скупость? — Напротивъ того не льзя пожелать человѣка благонравнѣе и любезнѣе; онъ угождаетъ мнѣ во всемъ и упреждаетъ всѣ мои желанія, а щедрость его только что не выходитъ изъ предѣловъ его состоянія и похвальнаго благоразумія. Но съ самыми лучшими нравственными достоинствами можно быть весьма посредственнымъ мужемъ. Цѣлый годъ испытанія и снисхожденія съ моей стороны лишь только увеличили вины его. Начинаю

понимать: Полифронъ, не взирая на блескъ вашей красоты, малую платитъ дань вашимъ прелестямъ. — Честной женщинѣ больше бы и не надобно; но и малая дань не въ его власти. — А! онъ имѣетъ только названіе мужа? — Полифронъ, увѣрясь въ томъ совершенно, предложилъ мнѣ поступить по Солонову закону, который позволяетъ женѣ, естьли она наслѣдница, принять въ свое ложе ближайшаго мужняго родственника. Сначала я не хотѣла согласиться: но онъ упрашивалъ меня очень убѣдительно, и предложилъ мнѣ Филона, о которомъ я знала, что онъ человѣкъ достойный и хорошаго поведенія. Короче вамъ сказать: я исполнила волю мужа своего. Съ тѣхъ поръ мы всѣ трое живемъ въ самомъ тѣсномъ и пріятномъ союзѣ." — Я поздравилъ Эвхарису съ такимъ благополучіемъ, но не скрылъ отъ нея, что нахожу сей договоръ очень чуднымъ.

ГЛАВА XIII.

Другая усердная почитательница Солоновыхъ законовъ.

Разговоръ мой съ сею женою двухъ мужей познакомилъ меня съ нею короче; у прекраснаго пола одна довѣренность ведетъ за собою другую. Однажды нашелъ я ее очень въ жаркомъ разговорѣ съ одною высокою, худощавою и сухою женщиною, у которой были длинныя руки, длинная шея и недовольная рожа, и которая была уже самой осеннiй цвѣтокъ. Я хотѣлъ удалиться; но она тотчасъ оставила Эвхарису, сказавъ ей съ видомъ сердитымъ и голосомъ богатырскимъ: „Посовѣтуй ему, чтобъ онъ исполнялъ свою должность; или увѣрь его отъ меня, что онъ будетъ отвѣчать передъ Архонтами.“

Когда она ушла, то я спросилъ Эвхарису, на кого эта Фурiя изволитъ гнѣваться? — Она въ превеликой досадѣ на своего мужа, и хочетъ позвать его въ судъ, развестися съ нимъ, или принудить его,

чтобъ онъ имѣлъ болѣе къ ней уваженія.— Развѣ мужъ ея человѣкъ грубый, ревнивый? — Нѣтъ; онъ человѣкъ благовоспитанный и очень любезный.— А! разумѣю; онъ, можетъ быть, также, какъ и Полифронъ, лишенъ священнаго Прометеева огня, а она требуетъ помощника?— Нѣтъ; ея положеніе не таково, какъ мое; а притомъ она и не наслѣдница, и принесла въ замужство только обыкновенное приданое Аѳинянки: три одежды и нѣсколько домашней посуды. Сверхъ того у ней отъ мужа трое дѣтей, которыми она одолжена покровительству Юноны.— Какъ это?— Въ первые годы замужства своего бывъ безплодною, ходила она въ Юнонинъ храмъ принять отъ Луперкальнаго жреца даръ плодородія, и вотъ какимъ образомъ это сообщается. Женщина раздѣвается до нага, ложится на полъ, и жрецъ бичуетъ ее по спинѣ ремнями изъ козлиной кожи.— И всегда это средство вѣрно?— Жрецы такъ увѣряютъ; по крайней мѣрѣ пріятельница моя послѣ того имѣла трое родовъ; слѣдственно

вы видите, что средство вѣрно, и что мужъ ея въ другомъ положеніи, нежели Полифронъ. Но надобно вамъ знать, что есть еще Солоновъ же законъ, по которому мужья обязаны приносить дань свою на жертвенники Гименея по крайней мѣрѣ по три раза въ мѣсяцъ. Вотъ, чего мужъ этой женщины не выполняетъ, уклоняясь подъ разными предлогами. Она жаловалась мнѣ теперь на его пустыя отговорки, которыми онъ старается прикрыть свою холодность и пренебреженіе къ ней.—Видно, что она, какъ Сократъ, имѣетъ глубокое почтеніе къ законамъ; и хотя она не такъ-то уже молода и не очень прекрасна: однакожъ не льзя спорить, чтобъ гнѣвъ ея не былъ основанъ на справедливой причинѣ. Признаться должно, что вашъ Солонъ былъ другъ женщинъ, и что онъ не позабылъ объ нихъ въ своихъ законахъ.— Я надѣюсь помирить ихъ; поговорю этому нерадивому супругу и обращу его къ должности.

Я очень смѣялся съ Ласѳеніею важному преступленію, въ которомъ

сія женщина обвиняла своего мужа.— Таковъ, сказала она мнѣ, характеръ Аѳинянокъ: подвержены вліянію сухаго и распаленнаго климата, наши дѣвственницы страдаютъ почти въ Азіатической неволѣ; жены жъ напротивъ того пользуются величайшею свободою. Аѳинскіе мужья столько любятъ порядокъ и тишину въ хозяйствѣ, что обходятся съ женами своими весьма почтительно, и снисходятъ имъ во многомъ; они прощаютъ первую слабость, и забываютъ вторую."

ГЛАВА XIV.

Судъ надъ Фокіономъ. Прекрасный Ласѳеніинъ поступокъ.

Около сей-то эпохи народъ Аѳинской ознаменовалъ свое непостоянство и буйность такимъ судомъ, коего позднѣйшее потомство гнушаться станетъ. Таковъ былъ народъ вездѣ и во всѣ времена: непросвѣщенъ, жестокъ и малодушенъ, легкомысленъ и яростенъ, слѣпъ и

нагль. Эпикурь говориль: ,,Я никогда не искаль нравиться толпѣ: того, что народь знаеть, я не одобряю; а что народь одобряеть, того я не знаю.“

Исторія вырѣзала на мѣди превосходныя качества и дарованія Фокіоновы. Онь быль Философь строгаго характера; никто не видаль его смѣющагося или проливающаго слезы; онь соединяль любомудріе и велерѣчіе сь доблестью и талантами воина; презираль забавы; трапеза его была училищемь трезвости; и вь городѣ, и вь полѣ, и предводительствуя войсками, ходиль всегда босикомь и безь епанчи, развѣ только холодь быль чрезмѣрень; и тогда воины говорили: ,,Фокіонь вь епанчѣ; зима жестока.“ Называли его вь отличіе оть другихь: *правдивымь человѣкомь.* Сего-то великаго мужа Аѳиняне дерзнули обвинить вь согласіи сь непріятелями Республики. Отнято у него начальство надь войсками. Онь предсталь передь народь вь восемдесять лѣть оть рожденія своего, какь преступникь, принужденный оправ-

даться. Стеченіе на площади было чрезвычайное. Я видѣлъ пришествіе сего почтеннаго старца, украшеннаго сѣдинами и являющаго на лицѣ своемъ спокойствіе и безмятежность невинности. Онъ взошелъ на каѳедру твердымъ шагомъ; три раза отворялъ уста на оправданіе, и три раза шумъ и вопль буйной черни прерывалъ рѣчь его. Начали подавать голоса, не выслушавъ его, и онъ осужденъ на смерть единодушно. Стража тотчасъ отвела его въ темницу. Всѣ благомыслящіе граждане дрожали отъ негодованія; но весьма немногіе осмѣлились проститься съ нимъ. Что касается до Фокіона, то онъ шелъ съ тѣмъ же лицемъ и тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ ходилъ на сраженія. Одинъ изъ его искреннихъ друзей, утопая въ слезахъ, сказалъ ему: „О! любезный Фокіонъ, какой неправедный судъ!— Я ожидалъ этой участи, отвѣчалъ онъ: ни одинъ изъ знаменитыхъ Аѳинскихъ гражданъ не избѣгъ ея.“ Я пошелъ за нимъ въ толпѣ народа, который имѣлъ подлость обременять его ругательствами

и поношеніемъ. Одинъ человѣкъ, дурно одѣтый, коего самый видъ показывалъ подлеца, плюнулъ ему въ лице; Фокіонъ сказалъ спокойно: „Развѣ не льзя запретить этому человѣку такія непристойности?“ Я вошелъ въ темницу съ нѣкоторыми изъ его друзей. Когда палачь принесъ ему отраву, то нѣкто спросилъ его: не имѣетъ ли онъ чего приказать къ сыну своему?—„Скажите ему только, чтобъ онъ забылъ несправедливость Аѳинянъ.“ Послѣ сего принялъ онъ чашу, возвелъ глаза къ небу, посмотрѣлъ на насъ, улыбнулся и выпилъ; потомъ легъ на деревянный одръ, не произнеся ни одной жалобы, не показавъ ни малой перемѣны духа, и умеръ, какъ Сократъ, коего онъ имѣлъ всѣ добродѣтели.

Смерть его послѣдовала 19 Ѳаргеліона (Маія), въ день Юпитерова праздника, называемаго *Діазія*. Рыцари дѣлали процессію въ честь Юпитеру: проходя мимо темницы, нѣкоторые сняли вѣнки съ головъ своихъ, другіе пролили потоки слезъ.

Сiе горестное зрѣлище растерзало мнѣ сердце. Я побѣжалъ къ Ласѳенiи, которая отъ сего произшествiя слегла въ постелю; она была очень привязана къ Фокiону; лютое неправосудiе Аѳинянъ сокрушало душу ея. Подходя къ ней, выронилъ я нѣсколько слезъ; она меня поняла, и слезы ея потекли ручьями. Увѣдомились мы, что вышло опредѣленiе, запрещавшее воздать послѣднiй долгъ тому, кто достоинъ былъ алтарей. Ласѳенiя, будучи всегда неустрашима, когда надлежало сдѣлать доброе дѣло, предложила мнѣ презрѣть злобу народа, и во тмѣ ночной итти за драгоцѣнными остатками сего великаго мужа.

Мы пошли, взявъ съ собою одного только невольника. Тѣло намъ продано, и Ласѳенiя отправила его въ загородный свой домъ. Всю ночь копали мы въ саду могилу, и покрыли ее большимъ камнемъ съ такою надписью: „*Любезная, священная гробница! прими остатки праведнаго человѣка; сохрани ихъ вѣрно; и когда Аѳиняне будутъ умнѣе, то возврати ихъ гробницѣ предковъ его.*“

ГЛАВА XV.

Гулянье. Встрѣча съ Діогеномъ. Завтракъ на травѣ.

Между тѣмъ Ласѳенія продолжала украшать мои дни; ничто не возмущало ихъ ясности; казалось, что любовь позабыла подлѣ насъ свои причуды и непостоянство; послѣ сладкихъ утѣхъ ея мы находили отдохновеніе и новыя пріятности въ чтеніи; разговоръ нашъ никогда не истощался; лучшіе часы дня провождали мы на берегахъ Илисса, или прогуливаясь по полю. „Любовь дитя натуры, говорила мнѣ Ласѳенія; она утѣшается зелеными лужайками, тѣнью кусточковъ и пѣніемъ птицъ. Философія сама находитъ удовольствіе обитать подъ лиственными сводами, между холмами, близъ хижинъ сельскихъ. Путь, ведущій къ мудрости, долженъ представлять зрѣнію веселые виды; Эпикуровы сады усажены чинарами; наши Портики, наши Лицеи окружены большими аллеями изъ прекрасныхъ деревъ."

Однимъ днемъ, въ самое пріятное утро, пошли мы на всходѣ зари завтракать въ поле; два невольника несли за нами пищу; а мнѣ поручена была пища душевная, Ѳеофрастова книга о Характерахъ. Правила сего Философа и портреты его были часто содержаніемъ нашего разговора и споровъ нашихъ. Мы шли очень прохладно, питаясь утреннимъ свѣжимъ воздухомъ, когда одно жалкое зрѣлище поразило наши взоры.

Мы увидѣли еще издали множество людей, которые толпились вокругъ одного дерева. Когда мы подошли ближе, то самый отвратительный предметъ представился нашему взору: на деревѣ висѣла старуха, которая лишь только передъ нами повѣсилась. Народъ разсуждалъ о причинѣ такого отчаянія, сожалѣлъ о ея нещастіи: въ то самое время подходитъ къ трупу человѣкъ въ изорванной и покрытой заплатами епанчѣ, съ палкою въ рукѣ, съ сумою на плечахъ, безъ обуви, безъ хитона, съ длинною бородою,

и кричитъ: „Какое было бы щастіе, ежелибъ всѣ деревья произращали такіе плоды!“ Сколько ни было при томъ людей, всѣ приняли сію непристойную рѣчь съ негодованіемъ, и я лишь только хотѣлъ закричать на этого негодяя, какъ Ласѳенія сказала мнѣ: „Развѣ ты не знаешь Циника Діогена? пойдемъ отсюда; я не могу терпѣть этого человѣка. Знаю, что въ умѣ его есть нѣсколько тонкости и пріятности; что отвѣты его скоры и удачны, а душа въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно благородна; но его язвительность, нечистота и многія правила нестерпимы. Кто желаетъ быть благополучнымъ, говоритъ онъ, тому должно жить въ независимости отъ Фортуны и всякаго предразсудка, и быть нечувствительнымъ ко всему, и къ суровости погодъ, и къ прелестямъ забавъ, и къ нуждамъ бѣдности. Чины, богатство, почести, слава, должности общежитія: все это въ глазахъ его не иное что, какъ заблужденіе, обманъ. Онъ жилъ въ бочкѣ, которая стояла въ храмѣ

Матери Боговъ. Одинъ молодой человѣкъ разбилъ ее; Аѳиняне наказали его примѣрнымъ образомъ, и дали Цинику другую бочку. Не надобно смотрѣть на него, когда онъ въ своемъ берлогѣ: увѣряютъ, что тамъ, отложа весь стыдъ, изволитъ онъ забавляться собственными своими прелестями, и говоритъ, что очень бы желалъ быть въ состоянiи удовлетворять столь же легко нуждамъ своего желудка. Лѣтомъ катается онъ по горячему песку, зимою ходитъ босикомъ по снѣгу. Смотри, онъ идетъ къ рѣкѣ. Подойдемъ поближе; сколько подъ этими лоскутьями гордости и хвастовства! Видишь ли ребенка, который пьетъ изъ рѣки? Что-то онъ станетъ съ нимъ говорить? Послушаемъ.—„Мальчикъ, что ты дѣлаешь?—Пью.— Безъ чаши?— А на что? развѣ у меня нѣтъ ладони?—Клянусь Юпитеромъ! я не зналъ, что у меня есть лишнее."— Посмотри, онъ бросилъ свою чашу, какъ ненужную дрянь. Прошедшаго дня Судьи вели преступника на казнь за маловажную

кражу изъ общенародной казны. ,,Большіе воры ведутъ маленькаго, сказалъ онъ." Пойдемъ отсюда; я боюсь, чтобъ онъ не подошелъ ко мнѣ. Какая разница между его Философіею и Аристипповою! между пріятностями, нравами и тонкимъ вкусомъ одного, и отвратительнымъ Циничествомъ другаго! Одинъ подклоняется подо всякое состояніе, умѣетъ пользоваться дарами Фортуны, сноситъ ея жестокости: другой, подобно нечистому звѣрю, умѣетъ жить только въ грязи. Однажды пришло ему въ мысль сказать Аристиппу: ,,Естьлибъ ты умѣлъ довольствоваться овощами, то не дошелъ бы до униженія искать милости у Государей.— Естьлибъ Діогенъ умѣлъ снискивать милости Государей, то не былъ бы онъ принужденъ довольствоваться овощами." Пойдемъ; этотъ скверновецъ и такъ задержалъ наши удовольствія. Сядемъ здѣсь въ тѣни, на скатѣ этого пригорка, и станемъ завтракать. Трапеза наша была самая не роскошная, но вкусная; у насъ были финики и

хлѣбъ изъ лучшей пшеницы, на молокѣ съ масломъ и солью. Положеніе мѣста было отмѣнно пріятное; обширный и прекрасный горизонтъ открывался передъ нами. Солнце у вратъ востока сіяло множествомъ огней. „Какое великолѣпіе, вскричала Ласѳенія въ восхищеніи отъ сей картины! какое неизмѣримое хранилище огня! Солнце, кѣмъ ты создано? Гдѣ этотъ создатель? Какой океанъ пламени питаетъ свѣтъ твой?“ Сіи размышленія довели рѣчь до многобожія. Ласѳенія презирала многобожіе, оракулы, суевѣрныя таинства и превращенные въ бойни храмы. Она составила для себя свою религію, или лучше сказать, правила ея были чистый ѳеизмъ. Она, по примѣру Сократа, признавала единаго Бога, мстителя преступникамъ и воздаятеля за добродѣтель. Добродѣтель, говорила она, не заключается ни въ молитвахъ, ни въ обрядахъ, ни въ отреченіи отъ временныхъ благъ; она вся состоитъ въ дѣйствіи, во взаимной цѣпи, которою мы связаны, въ добрѣ, которое человѣкъ долженъ дѣлать чело-

вѣку. Такова религія людей просвѣщенныхъ; такова религія, угодная вышнему Существу; религія, внушающая любовь, благодарность, а не ужасъ. Естьли въ произведеніяхъ сего перваго Творца мы находимъ иногда такое, что разсудку нашему кажется странно, или одно другому противно, и чего наше понятіе не можетъ постигнуть: то это происходитъ единственно отъ нашего маловѣдѣнія и неизмѣримаго съ нимъ неравенства. О великій Зевсъ! кто бы ты ни былъ, какимъ бы именемъ ни назывался, безконечность храмъ твой; а земля, море и небеса твои жертвенники! Я увѣрена, что такія же безумныя суевѣрія, какъ наши, осрамятъ еще разсудокъ и потомковъ нашихъ; но рано или поздо люди, испытавши всѣ богослуженія, поклонявшись кошкамъ, ибисамъ, крокодиламъ, богамъ Аписамъ, полубогамъ, примутъ напослѣдокъ съ неба ѳеизмъ, отъ всѣхъ суевѣрій очищенный. Это такая истина, которую не время еще выпустить изъ коробки: она была бы принята также,

какъ Трояне принимали Кассандрины оракулы. Жрецы, будучи привязаны къ закону корыстью, мстятъ до послѣдней капли крови дерзновенному, который только осмѣлится поднять уголокъ завѣсы, прикрывающей ихъ лицемѣріе. Они умертвили Сократа, осудили на казнь Анаксагора; они умертвятъ еще многихъ другихъ.“

Увы! сіи-то правила, которыя сдѣлались моими, разлучили меня надолго съ любезною моею просвѣтительницею.

ГЛАВА XVI.

Вакховъ праздникъ. Антенорово несчастіе. Побѣгъ его изъ Аѳинъ.

Весна наступала, природа начинала обновляться, городъ наполнялся иностранцами, которые стекались отовсюду на большіе Діонизіаки, или Вакховы праздники. Я былъ зрителемъ весьма прилѣжнымъ. Праздники начались съ наступленіемъ ночи. Полифронъ водилъ меня. Мы бѣгали по улицамъ; весь городъ былъ въ ра-

достномъ восторгѣ. Я видѣлъ шествіе Вакхантовъ и Вакханток, укропомъ и тополомъ увѣнчанныхъ. Они бѣсновались, плясали, выли, призывали Вакха громкимъ воплемъ, терзали сырыя жертвы ногтями и зубами. Одинъ изъ Полифроновыхъ пріятелей подошелъ къ намъ: мы разговаривали о семъ позорищѣ, о тѣлодвиженіяхъ и корчахъ Вакхантовъ, и я сказалъ, что Вакховы оргіи достойная потѣха пьяницъ.

Потомъ видѣли мы ходъ, который представлялъ торжество сего бога по возвращеніи его изъ Индіи. Нѣсколько человѣкъ одѣты были Сатирами, богами Панами; другіе вели козловъ на жертву; иные, сидя на ослахъ, съ красными рожами, подражали Силенамъ, и ѣхали качая головою; другіе, нарядясь въ женское платье, пѣли непристойныя пѣсни и несли на концѣ длиннаго шеста фаллусъ, передъ которымъ всѣ богомолки преклонялись. Такая набожность показалась мнѣ очень забавною: я не могъ удержаться и сказалъ Полифрону: ,,Жрецы вели-

кіе плуты!" Испужавшись такихъ дерзкихъ словъ, Полифронъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я былъ осторожнѣе; онъ замѣтилъ, что пріятель его очень наморщился.

Но другое зрѣлище пріятнѣе, привлекательнѣе, остановило мои насмѣшки. Явилась толпа молодыхъ дѣвицъ, отличныхъ какъ породою, такъ и красотою. Онѣ шли по двѣ въ рядъ, съ потупленными глазами, въ одеждѣ простой, но зрѣніе омрачающей бѣлизны. На головахъ у нихъ были ивовыя корзины, покрытыя багряною тканью и наполненныя первенцами плодовъ, опресноками, зернами, солью и плющевыми листьями. За ними слѣдовали служанки, неся въ одной рукѣ зонтики, а въ другой складныя кресла для отдохновенія ихъ госпожъ.

Я смотрѣлъ на нихъ съ восхищеніемъ. Невинныя сіи созданія были прелестны, или по крайней мѣрѣ такими казались: блескъ и свѣжесть ихъ возраста, смиренная одежда, цѣломудріе и глубокое молчаніе, привлекали взоры и сердца, и внушали благочестіе. За ними шла другая толпа отроковъ, одѣ-

тыхъ въ одну простую тунику. Всѣ кровли, сдѣланныя террасами, усыпаны были зрителями; и женщины освѣщали сей блистательный ходъ плошками и факелами.

Процессія употребила часть ночи на обойденіе улицъ и остановилась на большой площади. Дѣвицы и отроки составили кругъ. Жрецы стали по серединѣ и закололи двухъ телицъ и двухъ козловъ; потомъ троекратно лили вокругъ издыхающихъ жертвъ воду и медъ въ честь Вакху.

Я пришелъ домой очень доволенъ, и не смотря на отвращеніе свое отъ сценическихъ игръ, которое осталоль еще во мнѣ со времени неудачи моей Трагедіи, располагался итти по утру рано въ театръ, гдѣ въ тотъ день надлежало быть пренію въ музыкѣ и пляскѣ, и пробѣ новыхъ театральныхъ сочиненій.

Я спалъ глубокимъ сномъ; вдругъ разбудилъ меня Ласѳеніинъ невольникъ и сказалъ, что госпожа его велѣла звать меня къ себѣ немедленно. Я тотчасъ побѣжалъ и нашелъ ее въ ужасѣ, въ слезахъ. „Мой милой другъ,

сказала она мнѣ, цѣлуя меня, надобно намъ разстаться, надобно тебѣ какъ можно скорѣе отсюда ѣхать! — Ѣхать! оставить васъ! вскричалъ я, поблѣднѣвъ отъ ужаса. — Ты оскорбилъ Вакховыхъ жрецовъ: эти служители мира тщеславны и мстительны. На тебя донесли второму Архонту, а онъ отнесся къ трибуналу Геліастовъ. Ты будешь конечно осужденъ; я и теперь уже трепещу о тебѣ. Бѣги скорѣе, спасайся и не забывай нѣжнѣйшаго своего друга." Я стоялъ безгласенъ, окаменѣвъ, какъ Ніова. Ласѳенія, испужавшись моей неподвижности, сжала меня въ своихъ объятіяхъ, оросила меня слезами, старалась возвратить мнѣ разсудокъ и прежнюю мою твердость. Наконецъ, послѣ долгаго и мрачнаго молчанія, горесть моя открыла себѣ истокъ: я зарыдалъ и голосомъ отчаянія воскликнулъ: „Нѣтъ, не поѣду, лучше умру." Въ ту самую минуту вошли Полифронъ и Аристиппъ; они хотѣли увѣдомить меня объ опасности. „Другъ мой, сказалъ мнѣ Аристиппъ, надобно поскорѣе убираться. Ты самъ виноватъ. Смѣяться надъ нашими жре-

цами, шутить на щетъ кощунства ихъ: это выдать себя за маленькаго Титана, это объявить войну богамъ. Берегись, чтобъ не досталось тебѣ сыграть роли Сократа, и не подай Анитамъ и Мелитамъ удовольствія поднести тебѣ чашечку цикуты. Послушайся, не мѣшкай, поѣзжай. Во время твоего отсутствія мы постараемся умилостивить Церберовъ.“

Я согласился и пошелъ домой разпорядить свои дѣла. Между тѣмъ, какъ я на скорую руку укладывался, вошелъ Полифронъ съ испужаннымъ лицемъ и безмолвенъ. „Что такое, спросилъ я его? Говори смѣло: мнѣ уже нечего бояться. — Что мнѣ тебѣ сказать, мой другъ? Я принесъ худую вѣсть. Вооружись твердостію: идутъ взять тебя подъ стражу.“ Въ то самое время одинъ Чиновникъ Ареопага, въ провожаніи Приставовъ, появился и приказалъ мнѣ слѣдовать за собою. Я обнялъ Полифрона, не выроня ни одной слезы, и пошелъ въ темницу.

Какая перемѣна! Изъ объятій забавъ, нѣги и любовныхъ сладостей, впасть такимъ образомъ въ оковы, въ

жилище преступленія! Но окружавшая меня тьма и самая смерть не столько были мнѣ ужасны, какъ разлука съ Ласѳеніею. Я провелъ весь день въ мрачной горести, сидя на камнѣ. Настала ночь: какая тишина! какое уединеніе! Душа моя, такъ сказать, вся сжалась, отчаяніе уничтожило ее; время стояло неподвижно, какъ до рожденія міровъ. Между тѣмъ ночь текла, тоска моя усилилась. Вдругъ слышу стукъ запоровъ, трепещу, смотрю, вижу слабое освѣщеніе. Одинъ невольникъ зоветъ меня по имени, голосъ его поражаетъ слухъ мой и трогаетъ мое сердце. „Что тебѣ надобно, спросилъ я его? Кто ты? — Твой другъ. Я пришла спасти тебя: узнай меня. — О небо! о Ласѳенія! Какой богъ послалъ тебя ко мнѣ? — Человѣколюбіе, жалость и любовь.... Однакожъ не трать времени, ступай за мною. Я содрогаюсь: въ этомъ ужасномъ жилищѣ все мнѣ страшно.“ Она взяла меня за руку; мы вышли, побѣжали не оглядываясь, и очутились за городомъ. Тамъ нашелъ я Аристиппа и Полифрона, съ однимъ невольникомъ и двумя

лошадьми. Аристиппъ сказалъ мнѣ: „Поѣзжай. Съ великимъ трудомъ выпросили мы тебѣ позволеніе убѣжать: душа верховнаго Вакхова жреца отверзлась жалости; Ласѳенія и человѣколюбіе тронули его сердце." Я бросился къ Ласѳеніинымъ ногамъ, цѣловалъ ея колѣна, и, не въ состояніи будучи говорить, твердилъ только слова: *благодарность, отчаяніе, вѣчная привязанность.*

Аристиппъ велѣлъ подвести лошадь, и сказалъ мнѣ: „Мы всѣ четверо въ опасности; ты конечно не захочешь погибели нашей." Потомъ оба друга мои обняли меня. Изъ объятій Ласѳеніи надлежало меня вырвать. Уговорили ее, чтобъ она удалилась, посадили меня на лошадь; невольникъ хлопнулъ бичемъ и поѣхалъ передо мною, а я за нимъ. Мы ѣхали всю ночь и часть слѣдующаго дня, и прибыли передъ захожденіемъ солнца къ городу Оропу, лежащему на границахъ Беотіи и Аттики, двѣсти сорокъ стадій отъ Аѳинъ.

ГЛАВА XVII.

Діоклесъ приглашаетъ Антенора въ домъ свой. Письмо. Встрѣча подъ Орономъ. Записка къ Ласвеніи. Отвѣтъ.

Приближаясь къ городу, шелъ я пѣшкомъ, потупя глаза и съ видомъ человѣка, крайнею скорбью уязвленнаго. Я прошелъ мимо одного человѣка пожилыхъ лѣтъ, одѣтаго просто, который, сидя на травѣ, наслаждался прохладнымъ воздухомъ. Онъ поклонился мнѣ и посмотрѣлъ на меня быстро: мой печальный видъ и молодость моя подвигли его на соучастіе. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, есть ли у меня въ Оропѣ родня или пріятель, у кого пристать. — Нѣтъ, я не имѣю здѣсь ни одного знакомаго. — Въ этомъ случаѣ ты будешь моимъ гостемъ, а я твоимъ другомъ; пойдемъ со мною. Кажется, ты нещастливъ: домъ мой долженъ быть твоимъ пристанищемъ.

Убѣжденъ будучи ласковымъ тономъ и привлекательною физіономіею сего человѣка, согласился я на его приглашеніе. „Я живу за городомъ, сказалъ

онъ; отсюда не далеко.“ Пришедъ со мною въ домъ свой, примолвилъ: „У меня не найдешь ни пышности, ни излишества богатыхъ людей; за то будешь покоенъ и свободенъ.“ Онъ подвелъ ко мнѣ дѣтей своихъ, сына и дочь: послѣдняя лишь только начинала расцвѣтать, а брату протекало четвертое пятилѣтіе (люстръ). Домъ Діоклеса (такъ назывался хозяинъ мой) былъ пріятенъ безъ великолѣпія. Четыре густыя шелковицы отѣняли его своими вѣтьвми. Не далеко отъ дому протекалъ ручей, коего свѣжая и прозрачная вода орошала садикъ и небольшой лужокъ въ концѣ онаго. Уборъ комнатъ и вся домашняя утварь соотвѣтствовали простымъ нравамъ хозяина.

Ласѳенія, желая имѣть обо мнѣ скорѣйшее извѣстіе, дала мнѣ двухъ голубей. Въ Греціи былъ обычай употреблять такихъ вѣстниковъ. Голуби, будучи хорошо прикормлены и желая нетерпѣливо увидѣть своихъ птенцовъ, возвращались однимъ перелетомъ на свои жилища. Я привязалъ письмо подъ шею одного изъ нихъ, и далъ ему свободу.

Между тѣмъ, во ожиданіи отвѣта неприступенъ никакому утѣшенію, ходилъ, скитался по полю, взлѣзалъ на холмы, на скалы, и вездѣ вырѣзывалъ *Ласѳенія*; когдажъ находилъ эхо, то заставлялъ его повторять сіе любезное для меня имя, и тѣмъ облегчалъ нѣсколько свое сердце; а въ вечеру возвращался домой, изнуренъ усталостью, снѣдаемъ горестью. Въ первый день я отвергалъ всякую пищу; но за другимъ столомъ хозяинъ мой, видя мое упорство, сказалъ мнѣ: „Разсмотри себя хорошенько. Ежели ты рѣшился умереть голодомъ, то хорошо дѣлаешь, что ничего не ѣшь; но ежели ты долженъ когда нибудь ѣсть, то вѣрь мнѣ, лучше не мучь себя напрасно." Я последовалъ сему совѣту, и нашелъ его очень полезнымъ.

Наконецъ получилъ я отъ Ласѳеніи отвѣтъ. Она увѣдомляла меня, что Геліа-Вакховы жрецы, по повелѣнію Геліастовъ, прокляли меня торжественно. „Они оборотились лицемъ къ западу, писала она ко мнѣ, и отрясая багряныя свои ризы, обрекли тебя и все твое потомство адскимъ богамъ. Нещаст-

ные увѣрены и увѣряютъ другихъ, что Фуріи овладѣютъ твоимъ сердцемъ, и что злоба ихъ не прежде укротится, какъ по истребленіи всего твоего рода. Но наши Фуріи, любезный Антеноръ, не иное что, какъ наши страсти, когда онѣ прервутъ узду разсудка. Увы! твой отъѣздъ убилъ меня: мрачная меланхолія снѣдаетъ мое здоровье. Аристипповы только совѣты, дружество его и нѣсколько философіи поддерживаютъ покаместь мои силы и напоминаютъ мнѣ необходимость страданій. Я учусь въ школѣ опытности и нещастія: вижу, что страсти, подобно бурямъ, распространяютъ въ полѣ жизни опустошеніе и сумятицу. Прости, мой милой другъ! Всякой день, всякой часъ я тебя ищу, требую отъ мѣстъ, въ которыхъ мы видѣлись: онѣ глухи и нѣмы. Тогда я плачу, и теперь слезы мои орошаютъ эту бумагу. Собери ихъ, примѣшай къ нимъ свои, и не забывай никогда твоей нещастной и пламенно тебя любящей Ласѳеніи: Будь здоровъ и благополученъ."

Это письмо растравило мою рану, помутило мой разсудокъ, сокрушило послѣднія мои силы. Сколько разъ, плутая по высокимъ, утесистымъ скаламъ, готовъ я былъ низвергнуться во мрачныя пропасти! Не знаю, богъ ли какой, или остатокъ сроднаго человѣку живолюбія, оковывали меня на краю бездны.

Мудрый Діоклесъ, угожденіями своими, правилами и совѣтами, которые говорило сердце, старался подкрѣпить мою душу и влить въ нее нѣсколько утѣшенія. Хризилла, дочь его, прекрасная, свѣжая, какъ Гева, прелестно-простосердечная, напрягала также всѣ свои силы, чтобъ поразвеселить меня. Она рвала для меня цвѣты, подносила мнѣ плоды, пѣла или играла на лирѣ, упрашивала меня пріятнымъ и нѣжнымъ голосомъ, чтобъ я не грустилъ. „Печаль ваша, говорила она мнѣ, печалитъ и меня: я не могу видѣть даже птички страдающей.“ Милыя ласки сего невиннаго созданія прекращали на нѣсколько времени тоску мою; но какъ скоро я оставался одинъ, то она съ пущею силою возобновлялась.

ГЛАВА XVIII.

Діоклесъ, въ утѣшеніе Антенору, разсказываетъ свою исторію.

Діоклесъ, нашедъ меня однажды лежащаго на скалѣ растянувшись, и увидя на лицѣ всѣ признаки послѣдняго отчаянія и мрачную неподвижность мутныхъ глазъ моихъ, сдѣлалъ мнѣ строгой выговоръ. „Нещастіе, сказалъ онъ, разитъ всѣхъ людей: ты молодъ: учись терпѣть. Знаешь ли анекдотъ о Демокритѣ? Онъ находился при Даріѣ, когда этотъ Государь лишился любезнѣйшей изъ женъ своихъ, и былъ неутѣшимъ. Демокритъ обѣщался воскресить ее, но съ тѣмъ, чтобъ нашли ему трехъ человѣкъ, которые бы никогда не испытали никакого нещастія. Такихъ не нашлось, и Дарій напослѣдокъ пересталъ терзаться. И я былъ подверженъ общей всѣмъ смертнымъ участи, примолвилъ Діоклесъ; я часто платилъ дань свою горести; я испыталъ нещастіе, научился терпѣть и видѣлъ свѣтлые дни въ слѣдъ за бурными. Завтра поутру поди за мною, и ты увидишь изъ по-

вѣствованія моего, что путь жизни нашей усыпанъ терніемъ и острыми иглами.“

На разсвѣтѣ Діоклесъ вошелъ въ мою комнату съ сосудомъ меду. „Поди, сказалъ онъ мнѣ, и учись.“ Мы прошли черезъ садъ и взошли на холмъ. Онъ остановился на половинѣ ската передъ урною, которую отѣняли кипарисы: подлѣ стоялъ столбикъ съ сею надписью: *Священные остатки Эвфеміи. Душа ея съ богами.*

Въ недальнемъ оттуда разстояніи, изъ разсѣлинъ каменныхъ горъ истекалъ чистый ключь. Діоклесъ дополнилъ водою сосудъ, смѣшалъ воду съ медомъ, пошелъ къ урнѣ, окинулъ ее руками, поцѣловалъ три раза, сдѣлалъ вокругъ изліяніе, и потомъ призывалъ троекратно тѣнь Эвфеміину(*).

(*) Греки различали четыре части, составляющія человѣка: *тѣло*, разсыпающееся въ прахъ; *душу*, отходящую въ тартаръ, или Елисейскія поля, смотря по заслугамъ; *призракъ*, пребывающій въ преддверіи ада, и *тѣнь*, скитающуюся вокругъ могилы. Также подъ названіемъ *Боговъ-тѣней* обожаемы были Геніи хранители умершихъ.

Я внималъ ему въ молчаніи. Онъ подошелъ ко мнѣ съ глазами, полными слезъ, отеръ ихъ и сказалъ: въ этой урнѣ хранятся печальные остатки женщины, которой любезнѣе не было ничего на землѣ; женщины, которую я обожалъ; супруги, которая составляла утѣшеніе, славу и блаженство моей жизни. Теперь разскажу тебѣ свою исторію: пусть хотя мои нещастія послужатъ тебѣ доказательствомъ, что странствуя на этомъ земномъ шарѣ, надлежитъ, такъ сказать, омочить душу свою въ Стиговыхъ струяхъ, дабы укрѣпить ее противъ превратностей, сносить напасти безъ роптанія, и вѣрить, что нѣсколько ясности проглядываетъ иногда сквозь облаковъ жизни.

Я родился въ Ѳивахъ, и будучи еще молодъ, научился въ школѣ нещастія. Мнѣ было осьмнадцать лѣтъ, когда сей городъ захваченъ Спартанцами, которые во время Цереріныхъ праздниковъ измѣною овладѣли Кадмеею, нашею цитаделью.

Двѣ было партіи: одна благопріятствовала Лакедемонянамъ, другая нена-

видѣла ихъ и усердствовала отечеству; я принадлежалъ къ послѣдней. Будучи привязанъ къ славному Пелопиду узами родства и дружбы, имѣлъ я щастіе убѣжать съ нимъ и сообщниками нашими въ Аѳины, гдѣ народъ, главные чиновники и знатнѣйшіе граждане облегчили нашу участь великодушнымъ своимъ пріемомъ.

Въ Ѳивахъ выдано опредѣленіе, которымъ объявлены мы изгнанниками. Шесть мѣсяцовъ спустя, Пелопидъ собралъ насъ и сталъ намъ говорить такимъ образомъ: „Наше отечество, наши братья и друзья стенаютъ въ оковахъ, а мы отягощаемъ здѣсь Аѳинянъ и живемъ ихъ благодѣяніями! Послѣдуемъ примѣру ироя ихъ Тразибулла, который съ пятью стами воиновъ овладѣлъ Пиреемъ и опровергъ тираннію; сокрушимъ оковы своего отечества, призовемъ мщеніе! Опасность велика, успѣхъ труденъ, но безсмертная слава насъ ожидаетъ. Естьли мы въ этомъ подвигѣ падемъ, то Ѳивы, Греки и потомство воздвигнутъ жертвенники на мраморѣ гробницъ нашихъ.“ Эта короткая рѣчь

пробудила нашъ гнѣвъ и воспламенила мужество: мы клялись надъ своими мечами искоренить тиранновъ. Прежде всего отправлены были тайно вѣстники въ Ѳивы для предваренія друзей нашихъ. Харонъ, одинъ изъ главныхъ въ городѣ, обѣщался укрыть насъ въ своемъ домѣ. Эпаминондъ поджигалъ втайнѣ храбрость молодыхъ людей. Когда планъ расположенъ и время назначено, то Ференикъ съ нѣкоторыми заговорщиками засѣлъ скрытно въ селѣ Ѳріазіи; а мы, въ числѣ двенадцати, отправились изъ Аѳинъ, всѣ соединены тѣснымъ дружествомъ, всѣ совмѣстники въ славѣ и чести. Въ Ѳріазію прибыли мы въ полночь. Гонецъ отправленъ тотчасъ съ этою вѣстью къ Харону. На разсвѣтѣ, обнявъ товарищей своихъ, которые остались въ Ѳріазіи, и поклявшись другъ другу въ храбрости, мщеніи и вѣрности, отправились мы въ Ѳивы. Мы одѣты были въ простыя полукафтанья и вели за собою собакъ, а въ рукахъ держали колья, какъ охотники. Харонъ ожидалъ прибытія нашего съ неустрашимостью; но слабый Иппортонидъ, хотя

былъ впрочемъ честной человѣкъ и доброй гражданинъ, вострепеталъ при наступленіи опасности, и не предваря никого изъ заговорщиковъ, нарядилъ къ намъ гонца съ прозьбою помедлить. Сей гонецъ, по имени Хилдонъ, побѣжалъ въ свою конюшню, и не находя узды на лошадь, спрашивалъ ее у жены своей. Жена отвѣчала на удачу, что она отдала ее кому-то на подержаніе. Хилдонъ сердится, шумитъ, осыпаетъ ее ругательствами и проклятіями. Жена платитъ ему тѣмъ же. День проходитъ въ этой ссорѣ, и по щастію Хилдонъ отмѣняетъ поѣздку. Между тѣмъ мы вошли въ городъ разными воротами. Остатокъ дня мелькалъ еще; но холодъ, вѣтеръ и снѣгъ, потому что тогда было начало зимы, удерживали жителей въ домахъ. Когда мы собрались у Харона, то нашлося насъ всего сорокъ восемь человѣкъ.

Филидъ, письмоводитель Полемарховъ, Архія и Филиппа, нашъ единомышленникъ, позвалъ ихъ къ себѣ на ужинъ и обѣщалъ имъ вкусной столъ и прекрасныхъ женщинъ: онъ хотѣлъ

напоить ихъ до пьяна и усыпить ихъ бдительность. Въ половинѣ ужина, когда винные пары начали уже дѣйствовать, дошло до Полемарховъ, что изгнанники въ городѣ. Филидъ употребилъ всѣ мѣры заглушить эту молву; но Архій послалъ тотчасъ къ Харону, чтобъ онъ пришелъ къ нему немедленно. Мы уже приготовляли свои брони и мечи. Стучатся у дверей: всѣ удивляются. Мы посылаемъ вѣрнаго служителя; онъ возвращается съ испужаннымъ лицемъ и объявляетъ намъ Полемархово повелѣніе. При семъ извѣстіи настало общее молчаніе; мы смотримъ другъ на друга, не зная, что думать. Наконецъ начали судить; положено, чтобы онъ шелъ къ Полемарху, и предсталъ предъ него съ беззаботною неустрашимостію. Харонъ, котораго никакая собственная опасность не могла устрашить, трепеталъ о друзьяхъ своихъ; притомъ могло статься, что мы станемъ подозрѣвать его въ измѣнѣ, или покрайней мѣрѣ въ слабости. Онъ бѣжитъ въ комнату жены своей, выноситъ оттуда

единороднаго своего сына, младенца прекраснаго, и вручая его Пелопиду, говоритъ: „Естьли я вамъ измѣню, то отмщайте мнѣ безъ жалости надъ этимъ ребенкомъ.“ Такая преданность, такое великодушіе, извлекли слезы изъ глазъ нашихъ. „Ступай, сказали мы ему; твоя неустрашимость и вѣрность намъ извѣстны. Возьми своего сына: естьли мы погибнемъ, то пусть онъ будетъ мстителемъ за насъ и за отечество.“ Харонъ возноситъ къ богамъ молитву, обнимаетъ насъ и выходитъ. Въ продолженіе пути старается онъ успокоиться и принять веселой видъ. Когда подошелъ къ дверямъ дому, гдѣ происходилъ пиръ: то Архій вышелъ къ нему съ Филидомъ на встрѣчу, и спросилъ его, что за шайка людей прибыла въ городъ?—О какихъ людяхъ говорите вы, переспросилъ Харонъ съ удивленнымъ видомъ? Кто нибудь выдумалъ эту шутку, чтобъ помутить ваши забавы. Однако я наиточнѣе разведаю; не должно ни чѣмъ пренебрегать.“ Хитрой Филидъ хвалилъ его осторожность, повелъ

Архія опять въ залу, заводилъ его пить и продолжалъ ужинъ, маня безпрестанно женщинами. Харонъ, по возвращеніи своемъ домой, нашелъ, что мы всѣ приготовились погибнуть славно съ оружіемъ въ рукахъ; онъ возвратилъ намъ радость и надежду.

Едва миновала одна опасность, какъ настала другая. Изъ Аѳинъ прискакалъ гонецъ съ письмами къ Архію, въ которыхъ заговоръ описанъ былъ со всѣми подробностями. Гонецъ сказалъ ему: „Государь! тотъ, отъ кого я посланъ, проситъ васъ прочесть это письмо немедленно; потому что оно содержитъ самыя важныя увѣдомленія.“ Архій, будучи уже пьянъ, смѣялся посольству, и сказалъ, положивъ бумаги подъ изголовье: *до завтра важныя дѣла.* Эта рѣчь сдѣлалась пословицею.

Мы раздѣлились на два отряда: одинъ, подъ начальствомъ Пелопида, пошелъ напасть на Леонтида и Гиппоша въ домахъ ихъ: а другой, въ которомъ былъ и я, подъ предводительствомъ Харона, отправился противу Полемарховъ. Сверхъ броней мы одѣты

были въ женскую одежду, а на головахъ имѣли сосновые и тополевые вѣнки, изъ-подъ которыхъ лица почти не видно было. Какъ скоро мы вошли, то собесѣдники приняли насъ за женщинъ, которыхъ ожидали уже давно, и громкими восклицаніями изъявили свое обрадованіе. Мы идемъ впередъ, всматриваемся въ каждое лице и вдругъ бросаемся съ обнаженными мечами на Архія и Филиппа. Филидъ проситъ гостей, чтобъ они не трогались, и увѣряетъ, что имъ нечего опасаться. Тѣ, которые покусились противиться, бывъ уже обезсилены виномъ, легко побѣждены и погибли вмѣстѣ съ Полемархами.

Пелопидъ нашелъ болѣе трудностей. Онъ съ товарищами своими стучится у дверей спящаго Леонтида: никто не отвѣчаетъ. Наконецъ одинъ невольникъ отпираетъ, и этотъ первой немедлѣнно поверженъ. Леонтидъ, пробудясь отъ шуму, кидается съ постели и хватаетъ мечь; но въ замѣшательствѣ забываетъ погасить свѣтъ, что могло бы спасти его. Онъ становится у дверей, защищаетъ

входъ, и перваго Кефизодора, которой бросился впередъ, повергаетъ у ногъ своихъ бездыханна. За Кефизодоромъ слѣдовалъ Пелопидъ: онъ ударилъ на Леонтида; дверь была узка, а притомъ заграждалъ ея Кефизодоровъ трупъ. Бой былъ продолжительной и страшной; напослѣдокъ Леонтидъ побѣжденъ и убитъ. Оттуда единомышленники бѣгутъ къ Гиппоту, и сражаютъ его также, какъ и Леонтида.

По совершеніи подвига, наши два отряда соединились. Мы отправили въ Аттику къ изгнанникамъ вѣстниковъ; призывали Ѳиванцовъ къ вольности, снабдили ихъ оружіемъ, разбили лавки мечниковъ. Эпаминондъ и Горгидъ приходятъ къ намъ на помощь. Повсюду царствуетъ смятеніе и ужасъ; во всѣхъ домахъ огни; народъ толпится по улицамъ и ожидаетъ нетерпѣливо дня. Какъ скоро разсвѣло, прибыли наши изгнанники. Созвано общее собраніе: Эпаминондъ и Горгидъ представили Пелопида и храбрыхъ нашихъ воиновъ. Жертвоприносители въ священныхъ своихъ повязкахъ стояли

вокругЪ насЪ , и увѣщевали гражданЪ поборствовать за отечество и боговЪ.

При семЪ зрѣлищѣ все собраніе встаетЪ сЪ громкими восклицаніями и плескомЪ , и принимаетЪ насЪ , какЪ избавителей отечества.

Такой славной, достопамятной успѣхЪ наградилЪ сЪ избыткомЪ шестимѣсячныя опасности, труды и горести , и укрѣпилЪ душу мою противЪ стрѣлЪ нещастія.

Тогда-то ГоргидЪ учредилЪ изЪ трехЪ сотЪ молодыхЪ ѲиванцевЪ, вЪ которое число принятЪ и я, легіонЪ, называемый *священнымЪ*. Ты знаешь, что вЪ этомЪ легіонѣ всякой воинЪ избираетЪ себѣ товарища сослужебника, и соединяется сЪ нимЪ самою тѣсною дружбою. Это артель любовниковЪ: всѣ любятЪ и всѣ любимы; каждой сражается подлѣ предмета своей любви, и долженЪ защищать его сЪ опасностію собственной своей жизни. ВыборЪ мой скоро сдѣланЪ: ПарменидЪ и я почувствовали силу взаимной симпатіи ; мы нашли тотчасЪ одинЪ другаго , и души наши , такЪ сказать , слились вЪ одну, или , словами Пиѳагора, другЪ

мой былъ другой я ; наши имена, подобно именамъ Кастора и Поллукса, Тезея и Пириѳоя, упоминались въ образецъ совершеннаго дружества. Первую напольность сдѣлали мы подъ предводительствомъ Эпаминонда, величайшаго изъ всѣхъ великихъ мужей въ Греціи. На битвѣ при Левктрахъ, Парменидъ и я сражались одинъ подлѣ другаго; Спартанцы тащили его въ плѣнъ; я бросился на нихъ съ яростію изступленнаго человѣка, и освободилъ Парменида; но въ ту жь минуту самъ пораженъ камнемъ въ голову, и упалъ безъ чувствъ. Непріятели окружили меня, и Парменидъ защищалъ меня въ свою очередь. Побѣда осталась на нашей сторонѣ, и по всей справедливости должна быть приписана храбрости и великимъ дарованіямъ Эпаминонда, Мы окружили его на мѣстѣ сраженія. Чело его блистало скромною радостію; онъ приписывалъ успѣхъ битвы нашему легіону, который, говоря истинну, оказалъ въ этотъ день чудеса храбрости. Эпаминондъ хвалилъ наше мужество, нашъ строй и повиновеніе начальству, и благодарилъ насъ за славу,

которою мы его покрыли. Пелопидъ сказалъ ему, что такая блистательная побѣда должна вознести его на верхъ радости. „Да, отвѣчалъ онъ, потому что я знаю, сколько это обрадуетъ отца моего и мать.“

Эпаминондъ, для полученія плода отъ своей побѣды, вступилъ въ Лаконію и опустошилъ ее въ глазахъ Агезилая. Мы переправились въ бродъ черезъ Эвротасъ; выпалъ снѣгъ, и вода поднялась очень высоко; Эпаминондъ шелъ впереди съ открытою головою и выше пояса въ водѣ. Онъ-то уронилъ пословицу, что никогда Спартанка не видала дыму непріятельскаго лагеря. Однако мы принуждены были отступить. По возвращеніи сего великаго вождя въ отечество свое, Ѳивяне дерзнули предать его суду, обвиняя въ томъ, что онъ его удержалъ начальство долѣе опредѣленнаго закономъ времяни. Я былъ подлѣ него, когда сказали ему, что Судьи собрались приговорить его къ смерти. Онъ отвѣчалъ, не показавъ ни малой въ себѣ перемѣны: „Я прошу соотчичей моихъ надписать на моей гробницѣ:

Эпаминондъ лишенъ жизни за то, что спасъ Республику." Эта укоризна пристыдила Өиванцевъ, и скоро послѣ того начальство надъ войсками опять поручено ему,

Это послужило къ славѣ и спасенію отечества. Мы пошли къ Мантинеѣ: здѣсь Эпаминондъ оказалъ всѣ свои способности, дарованія и великій духъ, и довершилъ униженіе гордой Спарты. Поле битвы наводнено кровію: храбрость, любовь въ славѣ, ненависть, всѣ страсти ожесточали оба противныя воинства. Побоище становилось отчасу ужаснѣе; Парменидъ и я сражались съ примкнутыми одинъ къ другому щитами, воспламенены одинакимъ желаніемъ славы, поощрены взаимнымъ усердіемъ защищать другъ друга. Одинъ Спартанецъ вознесъ руку пронзить его; я кинулся, и желѣзо вошло въ мою грудь. Я упалъ. Парменидъ дышетъ яростію и мщеніемъ, получаетъ глубокую рану и упадаетъ подлѣ меня. Я сжимаю его въ своихъ объятіяхъ, зову его, но скоро самъ лишаюсь чувствъ. Когда я опамятовался, то увидѣлъ вокругъ себя

врачей и многихъ изъ моихъ товарищей, они всѣ плакали. „Что значатъ ваши слезы, спросилъ я ихъ? Развѣ баталія проиграна — Нѣтъ: Ѳивы торжествуютъ, Спарта низложена; но побѣду купили мы смертію своего Предводителя. — О незамѣнимая утрата! А Парменидъ отъ чего не здѣсь? (Я позабылъ о его ранѣ.) Не отвѣчаютъ мнѣ ничего; говорятъ только объ Эпаминондѣ; сказываютъ, что передъ концомъ своимъ спросилъ онъ, на чьей сторонѣ побѣда? — На нашей. — И такъ довольно я жилъ, когда отечество мое торжествуетъ! Могла ли быть для меня минута умереть лучше этой!" — О ирой! о великій мужъ! о первый изъ смертныхъ! вскричалъ я въ восхищеніи. Но, для имени боговъ, успокойте меня: скажите, гдѣ Парменидъ! Никто еще не отвѣчаетъ, всѣ смотрятъ въ землю. Тогда какъ будто нѣкое сновидѣніе припомнило мнѣ объ его ранѣ; я вскричалъ: „Нѣтъ уже его! онъ умеръ" Въ отчаяніи сорвалъ я лекарскую перевязку; кровь потекла изъ меня ручьями. Погибъ бы я, естьлибъ не помощь, естьлибъ не

кроткій голосЪ и убѣдительныя прозьбы товарищей моихЪ. Долго бремя горести угнѣтало меня: я убѣгалЪ всякой забавы, всякаго общества; печаль и скука снѣдали мою молодость. ЛишенЪ надежды, почиталЪ я себя опредѣленнымЪ на всегдашнія слезы и нещастія. Но горесть притупляется равно, какЪ и удовольствіе: скоротечное послѣдованіе произшествій приноситЪ новыя чувствованія.

Отцу моему очень хотѣлось меня женить: онЪ почиталЪ супружество лучшимЪ отЪ грусти моей лекарствомЪ. Я не соглашался: наконецЪ нѣжныя, трогательныя прозьбы родителя заставили меня склониться на его желаніе. ЭтотЪ союзЪ не былЪ щастливЪ. Благопристойность и должность только привязывали меня кЪ женѣ моей; а она сЪ своей стороны призналась мнѣ, что вышла за меня по разсудку и изЪ повиновенія кЪ родителямЪ, и что еще прежде брака своего со мною питала вЪ сердцѣ тайную и нещастную страсть кЪ одному Аѳинянину, о которомЪ уже два года не

имѣетъ никакого извѣстія. Не смотря однакожъ на взаимную нашу несклонность, родила она сына (того самаго Филота, котораго ты знаешь). Казалось, что этотъ младенецъ долженъ былъ скрѣпить наши узы: но однажды вошла она въ мою комнату и сказала мнѣ: „Я знаю твою честность; ты достоинъ жены любѣзнѣе меня, и которая бы тебя любила; я немогу составить твоего щастія. Ѳерсандръ, тотъ самой, котораго я уже давно люблю, пріѣхалъ; мы видѣлись, и прежняя страсть моя къ нему возобновилась съ пущею силою.—Довольно, отвѣчалъ я. Выходи за Ѳерсандра. Полагаю этому браку только два условія: первое, что сынъ мой останется у меня: а другое, что прозьба о разводѣ будетъ отъ твоего имени. Приданое твое отдамъ тебѣ назадъ." Она согласилась, и мы разстались дружески.

Шесть мѣсяцовъ провелъ я въ жизни самой скучной и несносной, занимаясь единственно сыномъ своимъ. Однимъ днемъ, выходя изъ храма Аполлона Исменійскаго, куда я часто

хаживалъ любоваться Фидіевымъ Меркуріемъ и Скоповою Венерою, прошелъ я съ однимъ пріятелемъ очень близко подлѣ двухъ женщинъ. Нѣкто, идучи тутъ же съ охапкою хвороста, задѣлъ одну изъ нихъ весьма неосторожно по лицу: она закричала; я, и всѣ, которые тутъ случились, подбѣжали къ ней. Взяли ее, посадили, сняли покрывало: она упала въ обморокъ, всѣ около ея суетятся. Я одинъ стоялъ неподвижно, внѣ себя отъ восхищенія, и устремя глаза свои на этотъ предметъ, котораго черты, взгляды, прелести и страданіе производили уже надъ моею душею самое сильное дѣйствіе. Когда она опамятовалась, то начала озираться на всѣ стороны и всматриваться во всѣхъ. Не знаю, примѣтила ли она въ глазахъ моихъ прискорбіе и соучастіе, или то произошло отъ симпатическаго дѣйствія; но какъ скоро взоры ея повстрѣчались съ моими, то она долго и пристально на меня глядѣла. Я сказалъ ей, сколько этотъ случай насъ напужалъ. Она благодарила меня такимъ ласковымъ, такимъ трогатель-

нымъ голосомъ, что сердце мое затрепетало, такъ точно, какъ естьли бы среди печальной и дикой пустыни услышалъ я неожидаемо пріятные и согласные звуки самой гармонной музыки. Она отведена въ домъ свой, и я слѣдовалъ за нею со многими другими. Надлежало съ нею разстаться: но я уже любилъ ее страстно. Не остановлюсь на подробностяхъ первыхъ моихъ исканій и успѣховъ; скажу коротко, что я имѣлъ щастіе понравиться Эвфеміи (такъ она называлась), и около года дни мои протекали въ полномъ блаженствѣ: но туча уже сбиралась. Я далъ препорученіе просить Эвфемію у отца ея мнѣ въ супружество. Онъ отказалъ и объявилъ дочери неотмѣнное свое намѣреніе выдать ее за Полемона, сына искренняго своего друга. Съ самаго рожденія дѣтей своихъ клялись они соединить ихъ узами супружества. Эвфеміино сердце всегда отвергало этотъ бракъ; она чувствовала непреодолимое къ Полемону отвращеніе; но напослѣдокъ, будучи растрогана и убѣждена родительскими

прозьбами, повиновалась. Когда мнѣ о томъ сказано, я въ изступленіи отъ отчаянія, вознамѣрился увезти ее и отправиться жить съ нею въ самыя отдаленныя пустыни. Я выжидалъ времени, въ которое прогуливалась она за городомъ съ двумя подругами. Тогда подошелъ я къ ней съ оружіемъ въ рукахъ, и съ видомъ мрачнымъ и разстроеннымъ. Подруги ея убѣжали, но она остановилась и приняла меня съ важною и спокойною осанкою. Я изобразилъ ей свою горесть, свое отчаяніе, и понуждалъ ее слѣдовать за мною. „Никогда бы я не подумала, принимая твои клятвы, сказала она мнѣ, чтобъ любовникъ мой захотѣлъ покрыть меня вѣчнымъ стыдомъ, сталъ бы мнѣ совѣтовать умертвить отца моего; не подумала бы я, чтобъ Діоклесъ, котораго я любила, заботясь единственно о себѣ, восхотѣлъ принести меня въ жертву бѣшеной своей страсти.“ Эта рѣчь, сказанная съ нѣжностію, и строгостью, открыла мнѣ глаза. Я палъ къ ногамъ ея, проливалъ слезы и просилъ прощенія. „Прощаю тебя

потому, что ты нещастливъ; но прощаю съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты на нѣсколько времени отъ меня удалился.—По крайней мѣрѣ вспомнишь ли иногда о любовникѣ, котораго ты осудила влачить жизнь въ печали и слезахъ? — Ахъ, Діоклесъ! можетъ быть мнѣ должно бы позабыть тебя; но чувствую, что это не возможно: мысль о тебѣ будетъ вѣчно терзать мое серце. Прощай; будь щастливъ, сколько я того желаю.“ Вздохи и рыданія пресѣкли голосъ ея.

Въ туже ночь отправился я изъ Ѳивъ, отрекшись отъ своего отечества, отъ любви своей, и почитая себя жертвою судьбы и самымъ нещастнымъ твореніемъ.

Я изъѣздилъ всю Грецію, малую Азію, Египетъ, Сицилію, не нашедъ нигдѣ ни спокойствія, ни утѣшенія, и отягощенъ бременемъ жизни.

Протекло два года, а рана моя еще не затворилась; я потерялъ даже и надежду быть щастливымъ.

Приплылъ я въ Коринѳъ. Едва ступилъ на твердую землю, какъ одинъ Ѳиванецъ узналъ меня и подошелъ ко

мнѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій спросилъ я его о Эвфеміиномъ отцѣ (я не смѣлъ спрашивать о дочери.)— ,,Дни его наполнены горестію; боги отвратили взоры свои отъ его дочери: она живетъ въ траурѣ и печали. —Праведное небо! Эвфемія нещастна? — Мужъ ея изгнанъ изъ Ѳивъ за трусость и подлой побѣгъ изъ сраженія. Не извѣстно, куда онъ дѣвался. Великодушный Полемонъ заплатилъ за стыдъ своего сына собственною жизнью. Эвфеміинъ отецъ, гнушаясь зятемъ, выпросилъ разводъ. Съ тѣхъ поръ предлагалъ онъ дочери своей много жениховъ: но она упросила его, чтобъ оставилъ ее жить во вдовствѣ и уединеніи. Старикъ, какъ говорятъ, раскаевается, что сдѣлалъ однажды принужденіе сердцу ея, и не смѣетъ уже употреблять своей власти.“

Я слушалъ съ такимъ нетерпѣливымъ вниманіемъ, какъ осужденный на смертную казнь преступникъ, которому объявляютъ прощеніе. При каждой рѣчи сердце мое трепетало отъ горести и радости; я раздѣлялъ

съ Эвфеміею печаль ея, но надежда возраждалась въ душѣ моей. Вторично я извѣдалъ, что ни въ какомъ нещастномъ случаѣ не должно предаваться отчаянію. Я отправился обратно въ Ѳивы; нужда въ отдохновеніи не могла остановить меня ни на одну минуту. Пріѣхалъ я въ полночь: какое движеніе почувствовалъ въ себѣ, вступя въ ограду, въ которой обитала Эвфемія! Я пошелъ подъ ея окна и сталъ пѣть куплеты, сочиненные мною въ началѣ любви нашей.

ГЛАВА XIX.

Продолженіе Діоклесовой исторіи.

Однакожъ солнце уже всходитъ, стада удаляются, работа и дѣти мои отзываютъ меня домой. Въ ихъ-то объятіяхъ забываю я всѣ свои горести. Завтра въ этотъ же часъ и на этомъ самомъ мѣстѣ примусь опять за свою повѣсть, естьли она возбуждаетъ твое любопытство. Здѣсь только, передъ тѣнію Эвфеміи, которая

конечно меня слышитъ, люблю расказывать ее." На другой день, какъ скоро начало свѣтать, мы пошли опять на холмъ: Діоклесъ сдѣлалъ обыкновенныя изліянія, послѣ чего началъ продолжать такимъ образомъ.

Я долго стоялъ и пѣлъ подъ окнами Эвфеміи. Наконецъ пѣніе мое разбудило ее. Услыша голосъ мой, она удивилась и подумала, что обманываетъ ее сновидѣніе; но вслушиваясь внимательнѣе, узнала слова. Тогда, не сомнѣваясь въ истинѣ, открыла окно и спросила меня тихонько: „Діоклесъ, ты ли это? — Я, нещастный твой любовникъ, пришелъ умереть въ глазахъ твоихъ. — Время теперь для разговора не удобно: будь съ восхожденіемъ солнца за Кринейскими воротами, у источника Дирце; я приду туда съ одною невольницею." Не откладывая далѣе, побѣжалъ я засѣсть у назначеннаго мѣста, и тамъ съ величайшею нетерпѣливостію ожидалъ утра.

Наконецъ день возблисталъ и пришла Эвфемія: При ея приближеніи зрѣніе мое помутилось, сердце за-

трепетало, ноги задрожали; я стоялъ подлѣ ея, смотрѣлъ на нее и не видѣлъ ея. „Любезный Діоклесъ, и такъ мы вмѣстѣ! — Ахъ! вскричалъ я: вижу, что щастіе, подобно мгновенному блеску молніи, освѣщаетъ иногда мрачные дни нашей жизни. О любезная Эвфемія! сколько я страдалъ въ разлукѣ съ тобою!“ Откровенная Эвфеміина душа оказала свою чувствительноть рѣчами, взглядами и благопристойными ласками. „Безсмертные боги! говорилъ я, вы наградили меня съ избыткомъ за всѣ претерпѣнныя мною муки! Нѣтъ, я еще не довольно страдалъ, чтобъ заслужить такое блаженство!“ Я сталъ было говорить Эвфеміи о ея мужѣ. „Полемонъ нещастливъ, сказала она: должно сожалѣть о немъ и молчать; но у меня уже нѣтъ супруга. — Ахъ, любезная Эвфемія! согласись только дать мнѣ это названіе, и тогда удовольствіе смотрѣть на человѣка, котораго ты ощастливила, сдѣлаетъ, можетъ быть, щасливою и тебя. — Надобно согласіе отца моего: я теперь же пойду съ нимъ поговорить;

подожди дома, ты будешь обо всемъ увѣдомленъ." Я разстался съ нею, упоенъ надеждою и любовію, и нашедъ ее прекраснѣе, нежели прежде. Время развернуло прелести ея, и натура усовершила свою работу.

Однакожъ какъ страхъ неотстаетъ ни на шагъ отъ любви; то въ намѣреніи задобрить Венеру, пошелъ я въ храмъ ея, которой находился не далеко отъ города въ лѣсу. Я принесъ богинѣ корзину цвѣтовъ и двухъ голубицъ. Вошедъ, очистился люстральною водою, которую жрецъ мнѣ поднесъ; потомъ вступилъ во святилище, гдѣ стоялъ кумиръ, положилъ на жертвенникъ цвѣты и голубицъ, и преклоня колѣно, сказалъ: „Богиня любви, украшеніе неба и земли, сладость очей и сердца! благоволи принять мое приношеніе, увѣнчай вѣрнѣйшаго изъ любовниковъ безмертнымъ твоимъ миртомъ. Ты дала Парису прекраснѣйшую жену за то, что онъ присудилъ тебѣ преимущество въ красотѣ: я признаю тебя за прекраснѣйшую изъ всѣхъ богинь; ни на землѣ, ни на Олимпѣ, ничто не можетъ поров-

няться съ твоими прелестями. Дай мнѣ Эвфемію, любезнѣйшую изъ смертныхъ; и увѣнчаю чело твое миртами и розами, и чистѣйшій ѳиміамъ воскурится у ногъ твоихъ.“

Киприда услышала мою молитву: я увидѣлъ вокругъ ея главы два луча свѣта; на устахъ помечталась мнѣ улыбка. Я палъ передъ богинею и возблагодарилъ ее изъ глубины сердца.

Скоро послѣ того Эвфемія прислала за мною. Она была съ отцемъ своимъ. Увидя его, я затрепеталъ; но страхъ мой былъ непродолжителенъ. Онъ поцѣловалъ меня, назвалъ своимъ сыномъ; потомъ взялъ дочернюю руку, соединилъ съ моею, и сказалъ: „Ввѣряю тебѣ ее и мое благополучіе. Забудьте печали, которыя вы отъ меня потерпѣли.“ Не нужно описывать изступленія радости моей.

Бракосочетаніе наше торжествовано великолѣпно, и послѣ столькихъ нещастій увидѣлъ я себя напослѣдокъ преблагополучнѣйшимъ человѣкомъ. Время не только не охолодило нашей любви, но еще прибавило ей жару.

Я любилъ свою супругу изъ неодолимой нужды любить ее; чтобъ истребить во мнѣ это чувствованіе, надлежало бы уничтожить мою душу: она такъ создана, чтобъ любить Эвфемію, точно какъ глаза созданы такъ, чтобъ видѣть; а уши, чтобъ слышать.

Одна только непріятность омрачила красные наши дни, смерть Эвфеміина отца. Онъ угасъ въ объятіяхъ нашихъ. Дочь его предалась крайней горести, но время богъ утѣшитель. Спокойствіе и благополучіе посѣтили еще на нѣсколько времени жилище наше; а мы въ слѣпотѣ своей уже возмечтали, что и перемѣны никакой послѣдовать съ нами не можетъ. Человѣкъ, подобно кораблю, переплывающему обширныя моря, то въ пріятной тишинѣ на гладкой красуется поверьхности, то попеременно біется всѣми вѣтрами. Горизонтъ почернѣлъ надъ нами, и новые удары на насъ грянули.

Война возгорѣлась опять между Ѳивами и Лакедемономъ: я долженъ былъ разстаться съ милою супругою, съ тихимъ своимъ пристанищемъ, и итти сражаться за отечество. Не

говорю уже о скорби нашей при разлукѣ; злѣйшія нещастія насъ ожидали. Мы побѣждены, и я остался плѣннымъ. Стада мои и все мое имѣніе досталось въ добычу побѣдителю; поля мои опустошены. Я отведенъ въ Спарту и заключенъ въ мрачную темницу. Тогда-то размыслилъ я о перемѣнности произшествій, о непостоянствѣ фортуны, и что на свѣтѣ ничего нѣтъ вѣрнаго: я былъ погруженъ въ уныніе. Однакожь опытность и воспоминаніе о превратностяхъ, которыя такъ часто волновали жизнь мою, оставили во мнѣ надежду. Я не ошибся; миръ заключенъ, и мнѣ дана свобода. Лечу къ любезной своей Эвфеміи въ Аѳины, куда она укрылась. Великіе боги! какая перемѣна! Блѣдность и худощавость помрачили блескъ ея красоты; она уподоблялась лилеѣ, вѣтрами изсушенной. Но скоро ласки мои, кроткая души ея безмятежность, а болѣе всего обрадованіе, что увидѣла меня, возвратили ей вмѣстѣ съ здоровьемъ прежній румянецъ и свѣжесть.

Эвфемія, будучи рождена и воспитана въ довольствѣ, крушилась о утратѣ нашего имѣнія. Что нужды въ

богатствѣ, сказалъ я ей! Сколько людей живутъ благополучно подъ кровлею бѣдности! У меня есть поле въ Оропѣ; его опустошили, но земли унести съ собою не могли. Станемъ работать. Мы не будемъ окружены пышностью и забавами большихъ городовъ, за то найдемъ всѣ тѣ удовольствія, какія только есть въ природѣ. Станемъ любоваться веселыми картинами поля, пріятною тишиною, и скоро будемъ имѣть изобильно все необходимо нужное.

Эвфемія одобрила мое намѣреніе, и маленькая наша колонія, состоявшая изъ насъ двухъ, сына моего и одного невольника, отправилась сюда и поселилась въ здѣшнемъ мѣстѣ. Я сдѣлался пахаремъ, предался полевымъ работамъ, учился качеству земель, вліянію погодѣ, воспитанію растѣній; и все оживилось въ моемъ обиталищѣ.

Жена моя, въ пріятныхъ упражненіяхъ хозяйства, въ попеченіяхъ о цвѣтахъ и воспитаніи домашнихъ животныхъ, забыла прежнее свое состояніе. Она призналась мнѣ, что никогда бы не повѣрила, что въ такой близи отъ

бѣдности можно жить благополучно. Удовольствіе мое взошло на самый верхъ, когда боги даровали мнѣ любезную Хризиллу; Эвфемія родила ее весною, какъ нарочно для того, чтобъ украсить землю новымъ цвѣткомъ.

Уже пристанище наше казалось намъ изображеніемъ щастливыхъ островъ: поле обогащалось повсегодно, двое дѣтей (потому, что она любила и Филота, какъ собственнаго своего сына) росли у насъ подъ глазами и украшали наше уединеніе. Однимъ словомъ, двенадцать лѣтъ протекли, какъ быстрая рѣка, и оставили мнѣ только воспоминаніе, что они были лучшіе въ моей жизни.

При великомъ умѣ и основательномъ разсудкѣ жена моя имѣла одну слабость, полу ея весьма обыкновенную; она чрезвычайно боялась грому; и когда слышала удары, то пряталась въ погреба, или убѣгала въ садъ, и тамъ сидѣла прижавшись подъ густымъ лавровымъ деревомъ(*). Я ча-

(*)Древніе думали, что молнія никогда не бьетъ въ лавръ.

сто смѣялся такой трусости, и не рѣдко говаривалъ ей: „Милая моя, оставимъ этотъ ужасъ людямъ, которыхъ грызетъ совѣсть: злыя дѣла ихъ призываютъ мщеніе боговъ. Но ты какое сдѣлала преступленіе? Душа твоя чиста, какъ лазурь неба: мы покланяемся богамъ, чтимъ ихъ даже невинною своею жизнію; за что имъ карать насъ своими стрѣлами?.. Она соглашалась съ моими разсужденіями, хвалила упованіе мое на божескую милость; но, не смотря ни на какія усилія разсудка, видъ молніи, стукъ грома потрясалъ въ ней нервы и поражалъ ее невольнымъ ужасомъ.

Однимъ днемъ (О день нещастный! Теперь прошло тому шесть лѣтъ.) оставилъ я Эвфемію, и пошелъ рубить лѣсъ. Она обняла меня съ такимъ безпокойствомъ, какого еще никогда не чувствовала, и сказала мнѣ: „Другъ мой, утѣшь меня, приходи домой поранѣе. Сегодни присутствіе твое для меня нужно: мнѣ что-то очень грустно: поутру я плакала, и теперь еще съ трудомъ удерживаюсь отъ слезъ.“ Я поцѣловалъ ее и обѣщался

возвратиться очень скоро. На силу она меня отпустила; наконецъ я вырвался изъ ея объятій и ушелъ. Она слѣдовала за мною глазами, пока могла меня видѣть.

Солнце было чисто и блистательно; безоблачное небо обѣщало прекрасный день. Около полудни набѣжала небольшая тучка; небо затмилось; я слышалъ нѣсколько ударовъ грома; но послѣ маленькаго дождя воздухъ прочистился, и небесная лазурь сдѣлалась еще пріятнѣе.

Тогда, вспомнивъ обѣщаніе свое Эвфеміи, пересталъ я работать и нарвалъ ей фіялокъ: она очень любила этотъ цвѣтокъ. „Ты для того любишь фіялку, говаривалъ я ей, что вы очень другъ на друга похожи: то же смиренство, та же застѣнчивость.“ Я шелъ домой въ самомъ веселомъ духѣ. Увы! кто знаетъ когда ему печалиться или радоваться? Вошедъ, увидѣлъ дѣтей своихъ однихъ; они играли. Я занялся нѣсколько времени съ ними; потомъ спросилъ ихъ, гдѣ маминька? — Въ саду. — Тотчасъ бросился я туда; кликалъ ее нѣсколько

разъ: отвѣта нѣтъ. Это начало меня безпокоить: бѣгаю, ищу вездѣ. Наконецъ вижу ее сидящую подъ большимъ лавровымъ деревомъ. Сердце мое отдохнуло. Подошелъ, зову: то же молчаніе. „Она отдыхаетъ, подумалъ я; не надобно нарушать спокойнаго ея сна.“ У нее была пара любимыхъ голубковъ, которые всюду за нею слѣдовали: одного изъ нихъ вижу мертваго у ногъ ея, а другой го рестно ворковалъ и ласкался къ товарищу своему носомъ и крыльями, какъ будто стараясь оживить его. „Ахъ, вскричалъ я, какъ огорчится Эвфемія, когда проснется!“ Между тѣмъ какой-то ужасъ овладѣлъ мною; подхожу ближе, тяну ее за руку. О ужасное зрѣлище! Въ одинъ мигъ это прекрасное тѣло, образованное Купидонами, украшенное Граціями, разсыпалось въ пыль: громъ поразилъ его и разрушилъ. Нещастная, во время грозы, пришла искать убѣжища подъ лавромъ; суевѣрной предразсудокъ погубилъ ее. Кричу пронзительнымъ голосомъ, рву на себѣ волосы, раздираю платье; люди прибѣгаютъ, стараются подать

мнѣ помощь, хотятъ меня утѣшить. Не слышу ничего, не внимаю ничему; отчаяніе ввергаетъ меня въ изступленіе. Хочу лишить себя жизни; удерживаютъ мою руку; подводятъ ко мнѣ дѣтей моихъ; влагаютъ ихъ въ мои объятія: смотрю на нихъ взоромъ холоднымъ. Напослѣдокъ простосердечныя ихъ ласки, ихъ слезы извлекли меня изъ безчувственности. „Плачьте, сказалъ я имъ, плачьте: у васъ уже нѣтъ матери, мы не увидимъ ея больше; она скрылась, какъ тѣнь.“ Приключилась мнѣ сильная горячка съ бредомъ: я хотѣлъ уморить себя голодомъ; и въ этомъ намѣреніи тайно выбрасывалъ и пищу, и лекарства. Кимонъ, искусной врачь и другъ мой, видя, что прежде всего надлежало лечить душу мою, началъ говорить со мною о моихъ дѣтяхъ, и приказалъ, чтобъ они были всегда при мнѣ. Однажды, какъ я увѣрялъ его, что жизнь мнѣ несносна, и что единственное мое желаніе смерть: ахъ, мой другъ! сказалъ онъ мнѣ, кто призритъ нещастныхъ твоихъ дѣтей естьли они останутся одни, безъ родственниковъ,

безъ покровительства? Онъ проговорилъ это съ такою чувствительностію, что тронулъ меня несказанно. Примѣтя движеніе, какое слова его во мнѣ произвели, онъ прибавилъ: „Повѣрь мнѣ, любезной Діоклесъ, кто имѣетъ двоихъ дѣтей, тотъ можетъ еще надѣяться найти въ жизни нѣсколько пріятности. Время притупитъ печаль твою. Припомни связь и перемѣнность прошедшихъ сценъ; не сомнѣвайся, ты еще увидишь свѣтлые дни.“ Я не хотѣлъ тому и вѣрить: изсохшее мое сердце затворилось надеждѣ. Однакожъ нѣжная дружба, кроткія Кимоновы внушенія и безпрестанное присутствіе дѣтей моихъ, особливожъ одно сновидѣніе помирили меня съ жизнію. Около полуночи, когда я спалъ безпокойнымъ сномъ, внезапный стукъ разбудилъ меня. Открывъ глаза, увидѣлъ я свѣтъ въ ногахъ своей постели. Въ изумленіи смотрю и вижу женщину съ сіяющимъ лицемъ, съ челомъ, увѣнчаннымъ цвѣтами. Вся кровь во мнѣ застыла. Призракъ подходитъ ближе, и я познаю Эвфемію: тѣ же глаза, тѣ же черты, тѣ же прелести.

Любезной ДіоклесЪ! говоритЪ она мнѣ: гдѣ твоя добродѣтель, гдѣ твоя твердость? Ободрись, будь опять тотЪ же, кто былЪ. Естьли ты еще меня любишь, то вспомни о дѣтяхЪ нашихЪ: тебѣ ихЪ поручаю. Живи, чтобЪ ихЪ любить, чтобЪ устроить ихЪ благополучіе.“ При этомЪ видѣніи, при этомЪ голосѣ, толь миломЪ, я приподнимаюсь, простираю руки и восклицаю: „О любезная Эвфемія!...“ Болѣе не могЪ выговорить. Тщетно глаза мои ищутЪ предмета моей любви: мечта исчезла, я остался вЪ глубокой тьмѣ.

СЪ того самаго времени повиновался я приказанію Эвфеміину и жалости своей кЪ дѣтямЪ. Спокойствіе мало помалу возродилось вЪ душѣ моей; я началЪ чувствовать цѣну жизни, и часто радовался, что преодолѣлЪ свое отчаяніе. Жизнь дарЪ драгоцѣнный тому, кто чтитЪ боговЪ, чья праведная и чувствительная душа питается тихими и простыми склонностями. СовершивЪ болѣе половины своего пути, я не всѣхЪ еще пріятностей лишился: ласки дѣтей моихЪ,

красоты природы, трудъ, отдохновеніе въ прохладной тѣни, пріятной огонь на очагѣ моемъ зимою, доставляютъ мнѣ такія удовольствія, которыхъ я не промѣнялъ бы ни на что. Я и нынѣ проливаю слезы надъ прахомъ милой моей Эвфеміи; но слезы пріятныя, слезы услаждающія мое серце. Повседневно прихожу сюда разговаривать съ ея тѣнью. Мнѣ мнится, что она передо мною; что слышу голосъ ея: конечно и она меня слышитъ. Иногда, чтобъ отвлечь меня отъ этой урны, надлежало посылать за мною дѣтей моихъ. И такъ, молодой человѣкъ, научись изъ моего примѣра бороться съ напастью. Предвидишь ли ты свою судьбу? Увѣренъ ли, что называемое тобою нещастіемъ не доведетъ тебя до чистѣйшаго, до продолжительнѣйшаго блаженства? Часто событіе, по видимому весьма благополучное, и котораго мы горячо желали, вмѣщаетъ въ себѣ корень всѣхъ нашихъ злоключеній: Ты потерялъ любовницу, но не жену, не мать твоихъ дѣтей."

Когда послѣ темной и бурной ночи отчаянный пловецъ видитъ возвра-

щающуюся любезную тишину съ первымъ лучемъ дня; то душа его расцвѣтаетъ въ сладкой радости, онъ дышетъ свободно и мнитъ себя изшедшимъ изъ гроба. Такъ Діоклесова привлекательная повѣсть, его простая и почерпнутая изъ натуры философія, а болѣе всего надежда, которую онъ открылъ глазамъ моимъ, прогнала мракъ, меня окружавшій. Хризилла довершила мое исцѣленіе. Я не былъ въ нее влюбленъ: душа моя принадлежала вся Ласѳеніи: къ томужъ все вокругъ Хризиллы дышало невинностію и добродѣтелью: но ея простосердечная веселость и милой разговоръ услаждали мое сердце. Я находилъ удовольствіе быть съ нею.

ГЛАВА XX.

Привязанность Хризиллы къ брату ея. Что изъ того вышло.

Со всѣмъ тѣмъ сія невинная, сія цѣломудренная Хризилла удивляла меня неумѣренною своею привязанно-

стію къ брату. Они не могли разстаться, и называли другъ друга нѣжнѣйшими именами. Одинъ разъ случилось мнѣ застать ихъ въ чудномъ положеніи: братъ домогался поцѣлуевъ, а сестра защищалась очень слабо. Я осуждалъ такую короткость, а особливо неосторожность отца, и рѣшился было ему о томъ говорить; но онъ меня предупредилъ. Однимъ днемъ послѣ обѣда Діоклесъ сказалъ мнѣ: „Пойдемъ гулять; я въ такомъ восхищеніи, что надобно мнѣ облегчить свое сердце дружескою откровенностію. Сверхъ того картина двухъ щастливыхъ любовниковъ будетъ тебѣ пріятна, и, можетъ быть, развеселитъ воображеніе твое. Скажи, какъ тебѣ кажется дочь моя?— Прекрасна, любезна и премилаго характера. — А братъ ея? — Поведѣнія хорошаго и трудолюбивъ. Что жъ касается до его наружнаго вида, то онъ очень не дуренъ. — Ты еще не знаешь его хорошенько: этотъ молодой человѣкъ достоинъ всякаго щастія. Хочу женить его. — Вы благоразумно дѣлаете, что отлучаете его, отъ се-

стры: молодость . . . . — Отлучаю отъ сестры! Напротивъ того я хочу соединить ихъ неразрѣшимыми узами . . . . супружествомъ. — Какъ! брата съ сестрою? — Съ самаго рожденія Хризиллы этотъ бракъ опредѣленъ. Развѣ ты не знаешь Солонова закона, которой мы приняли, и по которому братъ можетъ жениться на сестрѣ, только на сестрѣ отъ отца, а не отъ матери? — Не зналъ. Признаюсь, что ваша довѣренность вывела меня изъ безпокойствія. Взаимная склонность ихъ не могла отъ меня укрыться, и я по своимъ предразсудкамъ находилъ ее противною благонравію. — Всѣ предразсудки должны умолкнуть передъ закономъ, а тѣмъ болѣе, когда законъ не только не противенъ природѣ, но еще благопріятствуетъ побужденіямъ ея. Свадьба будетъ черезъ нѣсколько дней. Я надѣюсь, что наша радость порадуетъ и тебя.“

По наступленіи назначеннаго дня, родственники и пріятели Діоклесовы обвѣшали ворота дому его зеленью и цвѣтами. Когда пришло время итти въ храмъ: то Хризилла въ простой,

но благопристойной одеждѣ, въ красномъ покрывалѣ, не имѣя на себѣ никакого убора, кромѣ одного вѣнка изъ цвѣтовъ, вышла изъ своей комнаты и бросилась въ объятія къ родителю, который посреди толпы молодыхъ людей ожидалъ ее у порога. Онъ прижалъ дочь свою къ сердцу, и возведши глаза къ небу, произнесъ торжественнымъ голосомъ молитвы о ней и о будущемъ ея супругѣ. Всѣ отправились въ храмъ: молодые шли впереди, прочіе слѣдовали за ними, пѣли свадебную пѣснь, и плясали при играніи флейтъ и звукѣ трубъ. Хризилла шла по рединѣ, опершись на отца. Женихъ, увѣнчанъ миртомъ, и блистая радостію и любовію, шелъ подлѣ невѣсты. Брачной факелъ свѣтился передъ ними. У дверей храма жрецъ поднесъ новобрачнымъ по одной вѣтви изъ плюща, символъ неразрывнаго союза; потомъ повелъ ихъ къ олтарю, тамъ заклалъ телицу въ жертву Діанѣ и Минервѣ, божествамъ враждебствующимъ Гименею. Принесены молитвы Упитеру и Юнонѣ, коихъ союзъ вѣченъ; Паркамъ,

имущимъ въ рукахъ своихъ нить человѣческой жизни; Граціямъ, коихъ прелести украшаютъ наши дни ; и наконецъ Венерѣ , матери любви и виновницѣ нашаго блаженства.

Жрецы осмотрѣли внутренности жертвъ, и обѣявили, что небо благословляетъ сей бракъ. Одинъ изъ нихъ снялъ вѣнокъ съ мужа , и возложилъ его на жену , а вѣнокъ жены возложилъ на мужа.

Изъ храма возвратились тѣмъ же порядкомъ и повторяя то же пѣніе. Когда новобрачные пришли къ воротамъ своего дому ; то въ знакъ изобилія , которымъ они должны наслаждаться , поставили на головы имъ по корзинѣ плодовъ ; а брачной свѣтильникъ отнесенъ въ ихъ комнату , гдѣ и оставленъ догорѣть. Хризилла дарила молодыхъ людей пучками цвѣтовъ , приговаривая: ,,Послѣдуйте нашему примѣру.,,

Пирной столъ разставленъ близъ ручья подъ тополами , на которые для сгущенія тѣни накидали еще множество зеленыхъ вѣтвей ; а внутренность сего темнаго и прохладнаго

евода украшена была фестонами изъ цвѣтовъ.

Въ началѣ стола Діоклесъ подалъ сыну чашу вина, а этотъ поднесъ ее къ губамъ своимъ и потомъ отдалъ женѣ, которая пріотвѣдавъ, передала родственникамъ; и такимъ образомъ чаша обошла всѣхъ собесѣдниковъ. По окончаніи пира часть ночи проведена въ пѣсняхъ и пляскѣ. При раздѣваньи супруговъ пропѣли имъ одну эпиталаму; а въ слѣдующее утро, когда они проснулись, другую.

Сельская сія свадьба, веселая сія картина благополучія, наполнили душу мою сладкими движеніями. Сердце мое радовалось при видѣ сихъ нѣжныхъ супруговъ. Они, казалось, только для того жили, чтобъ другъ друга любить; чтобъ другъ другу о томъ повторять и раздѣлять взаимно и удовольствія, и огорченія. Хризилла иногда съ маленькимъ рѣзцомъ въ рукахъ, подъ руководствомъ Филота, очищала деревья отъ безполезныхъ вѣтвей, или, поднявъ лейку, утоляла жажду молодыхъ цвѣтовъ; а Филотъ, когда суровость воздуха не

позволяла работать, сидя подлѣ Хризиллы, читалъ ей Теокритовы Идилліи, или Платоновы Разговоры.

ГЛАВА XXI.

Письмо отъ Ласѳеніи.

Осень протекала. Олива излила уже сокъ подъ гнетомъ; желтѣющій листъ валился съ дерева и устилалъ землю: печальное изображеніе человѣческой жизни, когда старость совлечетъ съ насъ уборъ молодости! Я писалъ къ Ласѳеніи, просилъ ее сжалиться надо мною и посѣтить мое убѣжище до наступленія зимняго времени.

Она отвѣчала мнѣ, что не можетъ оставить Аристиппа, коего здоровье становилось отъ часу слабѣе. „А при томъ, писала она, разставанье съ тобою слишкомъ было мнѣ чувствительно: не хотѣла бы я подвергнуться тому же въ другой разъ. Философія слабой эгидъ отъ мученій сердца. Мы очень тверды на словахъ; а

когда дѣло дойдетъ до исполненія, то очень малодушны. Я думаю иногда, что боги, разлучая насъ, болѣе къ намъ имѣли снисхожденія, нежели жестокости: мы истощили бы всѣ сладости любви. Достигнувъ до сей послѣдней границы, не куда было бы итти далѣе, надлежало бы отступить; или, говоря другими словами, любовь наша должна бы ослабѣвать. Но теперь, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе прошедшаго разольетъ на всю нашу жизнь пріятность самыхъ веселыхъ мечтаній, и оставитъ на будущее время сладкія думы. Въ тѣ минуты особливо, когда изнемогшая, унылая душа будетъ требовать оживотворенія, мысль наша, обратясь къ короткому періоду щастливыхъ дней, перенесетъ насъ подъ тѣ прекрасные чинары, которые ссужали насъ своею тѣнью и были свидѣтелями нашего блаженства; въ тотъ садъ, который мы называли Темпейскою своею долиною, гдѣ пріятной разговоръ, чтеніе и любовь питали, услаждали наши сердца. Ежелибы судьба никогда не была намъ противна; то

воображеніе твое рано или поздо должно бы охолодѣть; перестало бы оно украшать меня блистательными своими красками; и напослѣдокъ пришло бы такое время, въ которое стала бы я казаться глазамъ твоимъ не болѣе, какъ простою смертною.

Пользуйся молодостью: путешествуй, послѣдуй примѣру великихъ нашихъ Философовъ. Пиѳагоръ, Платонъ, Демокритъ, Солонъ ходили за плодами науки и мудрости въ климаты, гдѣ оные растутъ; и хотя Солонъ полагаетъ, что не прежде можно путешествовать съ пользою, какъ въ сорокъ лѣтъ отъ роду, но я смѣю быть противнаго мнѣнія. Я почитаю время молодости весьма для путешествій приличнымъ, лишь только бы молодой человѣкъ имѣлъ уже нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній и способность къ размышленію.

Зенонъ, основатель Стоической секты, отправился разрѣшить великое сомнѣніе. Онъ умеръ согбенъ подъ тяжкимъ ярмомъ цѣлаго столѣтія. Передъ концомъ своимъ онъ сказалъ: ,,Я дѣлаю послѣднее усиліе, чтобы

божественное во мнѣ возвратить къ тому, что есть божественнаго во вселенной." Этотъ человѣкъ никогда не былъ боленъ. Великое благополучіе! Шестьдесятъ восемь лѣтъ упражнялся онъ въ Философіи. Аѳиняне, иногда справедливые, повелѣли воздвигнуть ему гробницу въ Керамикѣ, и торжественнымъ приговоромъ опредѣлили ему золотой вѣнецъ и чрезвычайныя почести: „Дабы, гласитъ опредѣленіе, извѣстно было всѣмъ и каждому, что Аѳиняне умѣютъ чтить мужей отличнаго достоинства и при жизни ихъ, и послѣ смерти." Зенонъ образовалъ мудраго по своему подобію. Онъ говаривалъ, что естьлибы мудрой, какъ нѣкоторые философы утверждаютъ, не долженъ былъ любить; то участь прекрасныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ весьма была бы жалка, потому что въ любовники остались бы имъ только дураки. По его мнѣнію часть науки состоитъ въ томъ, чтобъ не домогаться знать того, чему не опредѣлено быть извѣстнымъ. Онъ признавалъ судьбу, неотвратимую никакою человѣческою мудростію: преопасная си-

стема! Однажды, когда онъ билъ своего слугу за кражу, этотъ вскричалъ: „Судьба моя была тебя обокрасть.—И быть биту мною, отвѣчалъ Философъ.“ Ты слыхалъ о Платоникѣ Силаніонѣ: онъ долго путешествовалъ, наконецъ возвратился. У него очень много ума и знаній; но такого чуднаго человѣка не видано еще никогда. Ему стыдно, что онъ заключенъ въ тѣлѣ, и для того не позволяетъ себя списать, и не хочетъ сказать ни отечества своего, ни рода. Онъ никогда не ходитъ въ баню, отвергаетъ всякое унизительное лекарство, не ѣстъ никакого ручнаго животнаго, довольствуется малымъ, часто воздерживается даже отъ хлѣба; и все это, вмѣстѣ съ сильнымъ напряженіемъ ума, причиною, что онъ спитъ весьма мало. Сочиняетъ такимъ же страннымъ образомъ: не перечитываетъ никогда того, что написалъ; ставитъ буквы очень дурно, не рачитъ о правописаніи. Углубленность его въ размышленіе такъ велика, что онъ располагаетъ въ головѣ своей цѣлое сочине-

ніе, и изливая мысль свою на бумагу, ничего уже не перемѣняетъ. Онъ никогда не теряетъ плана своего изъ виду; естьли въ это время кто нибудь къ нему войдетъ, то онъ переноситъ умъ свой на дѣло, о которомъ съ нимъ говорятъ, разсуждаетъ основательно, приводитъ оное къ окончанію, не выпуская изъ мысли своего сочиненія, и принимается за него опять, не перечитавъ послѣднихъ строкъ.

Теперь лишь услышала, что будутъ публично жечь Протагоровы сочиненія за то, что онъ гдѣ-то написалъ: „Не могу увѣрительно сказать, есть ли Боги, или нѣтъ ихъ.“ Дано было повелѣніе взять его подъ стражу; но по щастію онъ убѣжалъ. Судьба этого знаменитаго Софиста достойна примѣчанія: онъ былъ дрягечь. Однажды шелъ онъ со связкою дровъ, уложенныхъ по правиламъ геометрическаго равновѣсія. Демокритъ встрѣтилъ его: возъимѣлъ высокое объ умѣ его мнѣніе, и принялъ его въ число своихъ учениковъ.

Прощай, мой милой другъ. Помнишь ли Платоновыхъ Гермафродитовъ? „Боги, говоритъ онъ въ своемъ Пирѣ, въ началѣ сотворили человѣка круглой фигуры съ двумя тѣлами и членами обоихъ половъ, что и сдѣлало его дерзкимъ. Онъ осмѣлился возстать на боговъ войною. Юпитеръ хотѣлъ истребить его, но разсудя, что такимъ образомъ родъ человѣческой погибнетъ, удовольствовался тѣмъ, что ослабилъ Гермафродита, раздѣля его на двѣ половины. Аполлону поручено усовершенствовать ихъ.“ Съ тѣхъ поръ каждая половина одна другую ищетъ, одна другой желаетъ и влечется одна къ другой. Увы, любезной Антеноръ! я та самая часть, которая отъ тебя отдѣлена. Чувствую, что душа моя потеряла половину себя самой, чувствую и грущу; слезы мои текутъ. Такъ нѣтъ постояннаго блаженства на землѣ! О, мой другъ! ни скочекъ съ Левкада, ни переправа черезъ Коцитъ, не погасили бы любви, которая меня волнуетъ и снѣдаетъ. Будь здоровъ, будь щасливъ!“

Это письмо возобновило мою скорбь и сожалѣніе. О чудная власть любви! Едва не бросился я бѣжать въ Аѳины: я хотѣлъ отважиться на все, лишь только бы еще одинъ разъ взглянуть на обладательницу своего сердца; но благоразумный Діоклесъ удержалъ меня, представя въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какое было бы отчаяніе сей нѣжной любовницы, ежелибъ меня узнали и казнили въ ея глазахъ.

ГЛАВА XXII.

Антеноръ зимуетъ у Діоклеса. Описаніе священнаго обряда Тавробола. Размолвка между новобрачными. Исторія Архіева.

Зиму всю прожилъ я у Діоклеса. Въ праздные часы занимался ученіемъ. Прочелъ и перечелъ Эврипида, Гомера, Геродота, Ѳукидида; украсилъ память свою лучшими стихами, сокровищами сихъ великихъ умовъ. Щастливъ, кто родится съ сею склонностію къ ученью; кто любитъ уединяться иногда во святилище Музъ!

Онъ наслаждается спокойствіемъ, не зная скуки, и забавы его всегда перемѣнны. Длинные вечера провождалъ я въ бесѣдѣ съ любезными своими хозяевами: простое, но ласковое обхожденіе и милое чистосердечіе сего сѣмейства доставляли мнѣ неоцѣненное удовольствіе. Мы разговаривали, сидя у огня: Діоклесъ расказывалъ намъ разныя приключенія своей жизни и анекдоты своего времени. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ вниманіемъ мы его слушали! Часто описывалъ онъ намъ одно очистительное жертвоприношеніе, *Тавроболъ* называемое: обрядъ весьма странной, которому подвергся Діомидонъ, молодой Мегарецъ. „Я зналъ его въ Эфесѣ, говорилъ Діоклесъ, въ то время, когда удалился изъ Ѳивъ, разлучась съ любезною своею Эвфеміею. Мы плыли на одномъ кораблѣ въ Коринѳъ; вѣтеръ усилился, море зашумѣло, взволновалось, и скоро жестокая буря начала метать наше ломкое судно. Что касается до меня, то влача горестно бремя жизни, смотрѣлъ я на бурю и смерть окомъ безстрашнымъ;

но Діомидонъ будучи малодушенъ, суевѣренъ, но вмѣстѣ и житія весьма развратнаго (качества, которыя кажутся несовмѣстными, происходятъ однакожъ отъ одного общаго источника, малодушія), Діомидонъ призывалъ громкимъ воплемъ Нептуна, Ѳемиду и всѣхъ боговъ. Віасъ, одинъ изъ нашихъ мудрецовъ, съ жалостію смотрѣлъ на его трусость; потомъ подошелъ къ нему и сказалъ: „Молчи, чтобъ боги не узнали, что ты здѣсь.“ Спокойствіе Віасово и шутки не возбудили мужества въ Діомидонѣ; и какъ буря все продолжалась, то онъ обѣщался, ежели боги спасутъ его, очиститься отъ грѣховъ и возродиться новою жизнію посредствомъ Тавробола.

Сошедъ съ корабля въ Коринѳѣ, приступилъ онъ къ исполненію своего обѣта, и хотѣлъ, чтобъ я былъ того свидѣтелемъ. Жрецы велѣли выкопать глубокую яму; Діомидонъ сошелъ въ нее, имѣя на головѣ священныя повязки, вѣнецъ и другія та-

инственныя украшенія. Потомъ яма покрыта деревяннымъ помостомъ, продолбленымъ насквозь во многихъ мѣстахъ. На помостѣ поставленъ быкъ, обвѣшанной цвѣтами, а лобъ и рога украшены были золотою битью. Какъ скоро онъ палъ подъ священнымъ ножемъ, то кровь его протекла черезъ скважины въ яму: Діомидонъ, алкая этой драгоцѣнной крови, подставлялъ руки, лице, плеча и всѣ части своего тѣла, чтобъ не потерять изъ нее ни одной капли. Страшно было на него смотрѣть, когда онъ вышелъ. Я какъ будто теперь его вижу: волосы, борода, одежда, все было въ крови; но очистясь отъ грѣховъ, онъ возродился на вѣчность. Сказываютъ однакожь, что этотъ обрядъ должно повторять каждыя двадцать лѣтъ, безъ чего теряетъ онъ свою силу."

Между тѣмъ тишина, которая до того времени царствовала въ Діоклесовой обители, начинала мутиться: сбирались облака. Ревность волновала Филотову душу и возмущала благоденствіе супруговъ.

Съ нѣкоторой поры Филотъ былъ пасмуренъ, задумчивъ и молчаливъ. Когда застѣнчивая и тихая Хризилла отважилась говорить съ нимъ, то онъ или не слушалъ, или отвѣтствовалъ ей грубо. Слезы навертывались тотчасъ на глаза сей нѣжной супруги; но примѣтно было, что она силится удержать ихъ, особливо въ присутствіи отца.

Однажды, послѣ обѣда, бѣгучи домой отъ дождя, нашелъ я Хризиллу лежащую на камнѣ: дождь промочилъ ее насквозь, но она того не чувствовала; глаза ея распухли отъ слезъ. Я подошелъ, отеръ ее, старался согрѣть ея прекрасныя руки; потомъ отвелъ въ одну хижину, не далеко оттуда, которая служила имъ молочнею. Тамъ, когда сердце ея нѣсколько отошло, разсказала она мнѣ, рыдая, свою печаль. Поднесла она Филоту шерстяной хитонъ своего рукодѣлья, которой ткала очень долго и тихонько отъ всѣхъ, и сказала ему: „Это моей работы; носи изъ любви ко мнѣ.“ Но онъ вмѣсто отвѣта изорвалъ хитонъ въ куски. Вотъ, въ чемъ со-

стояло все нещастіе. Хризилла увѣрила меня, что она умретъ отъ горести. Слезы и рыданія усугубились. Я старался всячески успокоить ее, и далъ ей слово, что доспрошусь у Филота о причинѣ такой чудной перемѣны.

Я искалъ Филота, и нашелъ его въ мрачной и дикой печали. Сначала отказался онъ открыть мнѣ свое сердце; наконецъ неотступныя мои прозьбы извлекли его тайну. Онъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько уже дней находитъ, всякое утро, на воротахъ дома своего цвѣты съ миртовыми и лавровыми вѣтвями; что многія ночи сряду слышалъ звуки лиры и пѣніе, и что всему этому не отъ кого быть, кромѣ какъ отъ любовника. „А ежели-бы и подлинно былъ любовникъ; то почему виновата жена твоя, когда она ничего о томъ не знаетъ? Однакожъ я постараюсь разрѣшить твои подозрѣнія, и показать тебѣ, сколько онѣ несправедливы."

Около полночи взлѣзъ я на большое дерево, которое стояло противъ самаго дому, и караулилъ волокиту: ожи-

даніе мое не тщетно было. Съ первыми лучами зари мущина подошелъ къ воротамъ, обвѣшалъ ихъ гирландами, заигралъ на лирѣ, запѣлъ и началъ плясать. Сей любовникъ показался мнѣ такимъ забавникомъ, что не могъ быть опасенъ. Я тихонько спустился съ дерева и схватилъ его изъ-за спины: сперва онъ испужался, но веселой мой видъ успокоилъ его. Онъ спросилъ меня, что мнѣ надобно, и не соперникъ ли я его? „Да кто твоя любовница? Божество, пріятнѣйшая изъ Грацій, прелестная Хризилла." И началъ опять пѣть и плясать. Видя, что его страсть не имѣетъ никакихъ печальныхъ признаковъ, забавлялся я нѣсколько времени проказами его; но въ ту самую минуту явился Филотъ съ копьемъ въ рукѣ, и бросился на своего веселаго соперника, вскричавъ: „Умри злодѣй!" Съ великимъ трудомъ удержалъ я Филотово стремленіе; а соперникъ его между тѣмъ, нимало не смутясь продолжалъ свою пантомину и пѣніе, что отъ часу болѣе раздражало нашего ревнивца.

Между тѣмъ начало свѣтать: предметы представились глазамъ уже довольно ясно. Филотъ, посмотрѣвъ на незнакомца примѣчатальнѣе, вскричалъ: ,,О небо! это Архій! Клянусь Юпитеромъ, что я еще безумнѣе, нежели онъ. Какъ мнѣ стыдно передъ Хризиллою! — Кто этотъ Архій? — Пойдемъ: я раскажу тебѣ его исторію.

Онъ изъ лучшей фамиліи въ Оропѣ; былъ очень не уракъ, упражнялся въ Музыкѣ и Поэзіи съ отмѣннымъ успѣхомъ; но, родясь съ воображеніемъ чрезвычайно пылкимъ и сердцемъ самымъ мягкимъ, таялъ отъ всякой женщины, и переносилъ свою нѣжную страсть отъ одной красавицы къ другой. Онъ стеналъ въ оковахъ Фоллои, когда увидѣлъ прекрасную Ѳеону: Ѳеона затмѣвала своихъ соперницъ, подобно какъ свѣтило ночи помрачаетъ блистаніе звѣздъ. Архій, при первомъ на нее взглядѣ, воспылалъ самою страстною любовію. Удалось ему понравиться; онъ склонилъ ее принять сердце его и руку. Фоллоя скрыла свою досаду, но услышавъ о бракѣ, предалась всѣмъ

чувствованіямъ ненависти и мщенія. У нее былъ братъ, по имени Кононъ, отставной Өеонинъ любовникъ: она вдохнула въ него свою злобу, и вотъ какой сдѣлали они заговоръ. Өеона занемогла, свадьба отсрочена. Фоллоя, имѣвъ нѣкогда дружескую съ нею связь, просилась для присмотру за больною провести съ нею ночь, и лицемѣрными своими ласками на то ее склонила. Она съ братомъ своимъ уговорилась, что одѣнется точно, какъ ея соперница, и будетъ стоять у окна; а Кононъ подойдетъ съ любовными рѣчами и будетъ проситься къ ней, тогда она сойдетъ и отворитъ ему дверь. Надобно было, чтобъ Архій это видѣлъ. Дано ему знать безъименною запискою, что Өеона притворилась больною съ намѣреніемъ удалить свадьбу, и вытти между тѣмъ за Конона, котораго она любитъ и которому въ слѣдующую ночь назначила свиданье. Сперва этотъ доносъ мало сдѣлалъ надъ Архіемъ впечатлѣнія; онъ принялъ его за неискусную выдумку злобы; но какъ сталъ одумывать каждое слово записки, то

не могъ воздержаться отъ подозрѣнія. Назначенная ночь застигла его въ недоумѣніи. Онъ пошелъ и прижался къ стѣнѣ сосѣдняго дома, почти увѣренъ, что принялъ безполезной трудъ.

Кононъ пришелъ, приближился къ дверямъ Ѳеонина дома, подалъ знакъ: окно отворилось. „Ты ли это, Кононъ, спрашиваютъ его робкимъ и прерывистымъ голосомъ? — Я, любезная Ѳеона; я, твой другъ, твой любовникъ, твой обожатель. Намѣреніе мое принято: или разорву обязательство твое съ Архіемъ, или умру у ногъ твоихъ. Сдѣлай милость, сойди; я имѣю открыть тебѣ нѣкоторыя тайны."

Нещастный Архій слышитъ, и не смѣетъ вѣрить. Ложная Ѳеона вышла отперла дверь и увела своего мнимаго любовника съ собою.

Эта злобная сцена произвела такое скорое и жестокое надъ Архіемъ дѣйствіе, что онъ въ ту самую минуту впалъ въ безуміе. Всѣ извѣстныя лекарства надъ нимъ испытаны, но ничто не помогло. По щастію любов-

ное сумасшествіе его взяло веселой оборотъ; оно не обижаетъ никого, и можетъ быть дѣлаетъ его благополучнымъ: столько-то справедливо, что естьли хочешь наслаждаться жизнію, то не рѣдко надлежитъ заглушать свой разсудокъ! Онъ становится у дверей храмовъ, смотритъ на проходящихъ женщинъ, и когда видитъ прекрасные глаза, маленькую ножку, легкой, стройной станъ; то мысль его разгорячается, сердце пылаетъ; онъ лишается сна, настроиваетъ лиру; идетъ пѣть подъ окна обожаемаго предмета, и тамъ проводитъ цѣлыя ночи. Припадокъ продолжается у него недѣли по двѣ; послѣ чего влюбляется онъ въ другую. Нещастной былъ опять влюбленъ въ ту самую Фоллою, которая ввергла его въ это жалкое состояніе: Шесть мѣсяцовъ послѣ встрѣтился онъ съ Ѳеоною въ Минервиномъ храмѣ; смотрѣлъ на нее неподвижнымъ и мрачнымъ взоромъ; мускулы лица его стянулись; гнѣвъ и горесть изображались попеременно во всѣхъ его чертахъ. Кроткая и чувствительная

Θеонина душа не могла выдержать такого печальнаго зрѣлища; она ушла, и Архій сдѣлался по прежнему веселъ. Онъ уже двадцать пять лѣтъ въ такомъ состояніи, а отъ роду ему около пятидесяти. Но ни забота о будущемъ, ни приближеніе старости не возмущаютъ нк веселости его, ни склонности къ женщинамъ. — Жаль было бы, сказалъ я, возвратить ему то, что мы называемъ разсудкомъ: это драгоцѣнное преимущество человѣка не принесло бы ему ничего, кромѣ безпокойствія и муки."

Въ ту самую минуту шла къ намъ Хризилла, печальна, задумчива, робка. „Вотъ она, вотъ она, вскричалъ Филотъ. Бѣгу упасть къ ея ногамъ.„ Хризилла простила, супруги помирились; слезы ихъ смѣшались, и ласки самыя трогательныя, увѣренія самыя нѣжныя скрѣпили сей миръ, который съ тѣхъ поръ никогда уже не нарушался.

Желаніе мое было дождаться у Діоклеса весны: наконецъ сіе любезное время года настало. Пріятная благорастворенность воздуха и зеле-

ной коверъ, которымъ земля начинала устилаться, возвѣстили пришествіе воскресительницы природы. Гдѣ есть человѣкъ, которой бы въ тихой, красный день мѣсяца Мунихіона (Апрѣля), смотря на пестрѣющее поле, на облекающіяся деревья, обоняя благоуханіе цвѣтовъ и рощей, внимая гармонному хору птицъ, не забылъ хотя на малое время своихъ печалей. Увы! я не могъ забыть Ласѳеніи! Но сердце мое, давно уже умершее для всякаго пріятнаго чувствованія, ожило вмѣстѣ съ природою, и приняло участіе въ общей радости всего одушевленнаго. Грусть моя уступила мѣсто полезнымъ предпріятіямъ: я вознамѣрился исполнить по Ласѳеніину совѣту, и посѣтить чуждыя страны. Пришло мнѣ разставаться съ милыми своими хозяевами, съ сѣмействомъ, котораго не было, я думаю, благополучнѣе на всемъ земномъ шарѣ.

Я расположился начать свои путешествія съ Дельфскаго храма. Хотѣлось мнѣ вопросить Оракула о будущей своей судьбѣ. Такое намѣреніе противно, кажется, правиламъ, какія

почерпнулъ я въ Аѳинахъ, гдѣ люди благовоспитанные оставляютъ суевѣрные предразсудки послѣднему классу черни; но человѣческой разумъ есть чудная смѣсь твердости, слабости и нескладицы: я не вѣрилъ Оракуламъ, или по крайней мѣрѣ думалъ, что не вѣрю; а любопытство подстрекало меня спрашивать ихъ.

Съ душевною горестію, съ болѣзненнымъ чувствованіемъ, оставилъ я любезныхъ своихъ друзей. Они проводили меня далеко, а сердца ихъ, я въ томъ увѣренъ, провожали меня еще далѣе. При послѣднемъ цѣлованіи каждой изъ насъ пролилъ слезы. Добрый старикъ сжалъ меня въ объятіяхъ своихъ и сказалъ: „Я уже тебя не увижу; могила отворяется подо мною. Естьли тебѣ случится проѣзжать черезъ Оропъ; то приди посыпать цвѣтами прахъ мой, и поговорить обо мнѣ съ моими дѣтьми."

ГЛАВА XXIII.

Прибытіе Антенора въ Ѳивы. Подвигъ Милона Кротонскаго.

Я отправился по Ѳивской дорогѣ. Сей городъ стоитъ между рѣками Асопомъ и Исменою; окружности его весьма пріятны. Я шелъ черезъ сады, черезъ луга. Издалека еще на высотѣ видна цитадель. Городъ обнесенъ стѣнами; входъ въ него семью воротами. Общественныя зданія прекрасны; много драгоцѣнныхъ статуй. Но улицы не прямы: недостатокъ общій во всей Греціи. Ѳивы состоятъ подъ покровительствомъ Вакха и Геркулеса.

Я засталъ городъ полонъ чужестранцевъ. Жители всѣ были въ движеніи. Ожидали Милона Кротонскаго: слава и подвиги сего богатыря на Олимпійскихъ зрѣлищахъ разнесли далеко громкой звукъ его имени. Въ день его прибытія весь городъ вышелъ ему на встрѣчу. Смотря на него, мнилъ я видѣть колоссъ: вышиною былъ онъ около шести футовъ; бороду имѣлъ черную и густую; пу-

шистыя брови его касались одна другой; руки, широкая грудь и ноги его были всѣ въ щетинѣ. Онъ ходилъ босой, носилъ дубину, и по примѣру Геркулеса, котораго взялъ въ образецъ, покрывался львиною кожею. Какъ скоро Проксенъ (*) города отвелъ его въ назначенный ему домъ; то народный Депутатъ и нѣсколько Членовъ правленія пришли просить его о повтореніи у нихъ подвиговъ, которыми онъ прославился на Олимпійскихъ играхъ. Милонъ согласился и велѣлъ сказать Градоначальникамъ, чтобъ въ слѣдующій день, съ восхожденіемъ солнца, привести въ Палестру (*) четырехъ-лѣтняго быка.

Еще до разсвѣта Гимназія усыпана была зрителями; народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ. Скоро ирой появился:

(*) Греки имѣли Чиновниковъ, которыхъ должность была угощать иностранныхъ, отводить имъ квартиры и доставлять всѣ пріятности, какія зависѣли отъ нихъ. Сіи Чиновники назывались Проксенами.

(*) Общенародное зданіе, гдѣ упражнялись въ тѣлесныхъ подвигахъ.

онъ шествовалъ посреди Градоначальниковъ и знаменитѣйшихъ гражданъ, и такъ же, какъ Алкидъ, имѣлъ на головѣ тополевой вѣнокъ. Впереди шли музыканты. Приближась къ быку, окинулъ онъ глазами собраніе; сдѣлалъ всѣмъ привѣтствіе, развязалъ звѣря, поднялъ его отъ земли и положилъ себѣ на плеча. Радостные вопли и громкіе плески раздались повсемѣстно. Атлетъ, возбужденной симъ шумомъ, принялся бѣгать и съ ношею своею около ограды. Удовольствіе и крикъ усугубились. Потомъ опустилъ онъ тяжелую свою ношу на землю, и ударилъ быка по головѣ кулакомъ такъ сильно, что звѣрь зашатался, упалъ и издохъ. Новые вопли, новые плески! Тогда Милонъ сказалъ Градоначальникамъ, что естьли они прикажутъ быка изжарить; то онъ обязывается съѣсть его до послѣдняго куска. Предложеніе принято; всѣ бѣгутъ, суетятся; пылаетъ большой огонь, и быкъ жарится.

Между тѣмъ Милонъ еще позабавилъ собраніе однимъ опытомъ своей силы: онъ обвязалъ себѣ лобъ канатомъ,

удержалъ дыханіе и напрягъ мускулы такъ, что веревка лопнула. Весь народъ возопилъ: чудо! и поставилъ ироя выше Геркулеса.

Послѣ сего подвига пошелъ онъ отдыхать въ разставленной посреди площади шатеръ, гдѣ окружали его Чиновники и главные граждане.

Спросили его, сколько онъ употребляетъ повседневно пищи. „Мнѣ надобно, отвѣчалъ онъ, осьмнадцать фунтовъ хлѣба, осьмнадцать фунтовъ мяса и пятнадцать кружекъ вина.“ Нѣкто спросилъ его тихонько, такой же ли онъ богатырь и въ любовныхъ подвигахъ. „Не могу, отвѣчалъ онъ, похвастаться, какъ Геркулесъ.“

Подлѣ меня стоялъ одинъ старикъ, улыбался и часто пожималъ плечами: я взглянулъ на него. „Всѣ такіе Атлеты мнѣ жалки, сказалъ онъ. Чтобъ придать себѣ силъ, употребляютъ они самую питательную пищу: свинину, говядину и грубой хлѣбъ. Но такое лишнее насыщеніе подкрѣпляетъ ихъ только на время; а притомъ ни путевыхъ, ни военныхъ безпокойствъ переносить они не спо-

собны. При тяжеломъ и лѣнивомъ умѣ станъ имѣютъ уродливой, непреодолимую наклонность ко сну и великое расположеніе къ апоплексіи: рѣдко остаются они во всей своей крѣпости болѣе пяти лѣтъ. Впрочемъ къ чему служатъ Милоновы подвиги? Однажды употребилъ онъ силу свою гораздо полезнѣе: въ залѣ, гдѣ Пиѳагоръ давалъ наставленія, столбъ, на которомъ лежалъ потолокъ, пошатнулся; Милонъ поддержалъ его, пока всѣ вышли."

Сказано Милону, что быкъ готовъ. Онъ сѣлъ за столъ, и при играніи воинской музыки, сожралъ его всего. Я смотрѣлъ на сіе чудо весьма равнодушно, и отправился изъ Ѳивъ, даже не освѣдомясь, въ какомъ состояніи находится желудокъ сего хищнаго животнаго о двухъ ногахъ безъ перьевъ, какъ говоритъ Платонъ.

ГЛАВА XXIV.

Антеноръ посѣщаетъ гору Геликонъ. Какого человѣка онъ тамъ находитъ.

Прежде нежели итти въ Дельфы, захотѣлось мнѣ посмотрѣть горы Геликона, которая находится близъ города Аскры, и почитается въ числѣ плодоноснѣйшихъ Греческихъ горъ. Долонъ, житель той страны, взялся быть моимъ проводникомъ. Мы взошли излучистымъ и покойно-отлогимъ путемъ во храмъ Музъ. Сей храмъ гораздо простѣе Аполлонова въ Дельфахъ, но при всей своей простотѣ такъ прелестенъ, что покажется всякому жилищемъ Грацій. Естьли справедливо говорятъ, что Музы любятъ рощи и царствующее тамъ уединеніе, то не льзя найти для нихъ мѣста пріятнѣе. По выходѣ изъ храма гуляли мы по прекраснымъ алеямъ, въ лѣсу изъ дубовъ и елей, коихъ верхи возносятся до облаковъ: тамъ безчисленное множество маленькихъ ручейковъ влекутъ по камешкамъ кристалловидныя свои воды, и содер-

жатъ всегдашнюю прохладность. Внимая тихому ихъ журчанію, думалъ я, что слышу голосъ самихъ Наядъ и Нимфъ сихъ потоковъ. Соловей и тысячи разныхъ птицъ сладкимъ своимъ пѣніемъ, казалось, твердили уроки Музъ. Деревья и травы наполняли воздухъ самыми благовонными ароматами. Словомъ сказать, въ сихъ очарованныхъ мѣстахъ все вносило въ душу пріятныя впечатлѣнія меланхоліи и блаженства. Мы пришли къ славному источнику Беллерофонтову, которой, сказываютъ, получилъ свое начало такимъ образомъ: Беллерофонтовъ конь ударилъ копытомъ въ землю, и брызнулъ ключь. Упоительная вода его сообщаетъ тотъ энтузіастической жаръ, отъ котораго родятся великія мысли и сильныя выраженія. Нѣсколько подалѣе течетъ пагубной ручей, которой служилъ зеркаломъ Нарциссу, сдѣлавшемуся жертвою своей красоты и безразсудной страсти. Мы видѣли рѣку Геликонъ, гдѣ Музы повелѣваютъ отправлять повсегодно память по нещастномъ Орфеѣ. На томъ же самомъ

мѣстѣ Ѳеспіяне торжествуютъ ежегодно праздникъ въ честь Музамъ и Венерину сыну. По дорогѣ къ лѣсу Долонъ показалъ мнѣ статую Эвфемы, кормилицы Музъ, и другую Линову: обѣ стоятъ въ гротѣ изъ раковинъ. Линъ былъ сынъ Ураніи: такого искуснаго музыканта еще не бывало. Аполлонъ убилъ его за то, что онъ осмѣлился выдавать себя за равнаго ему. Жители отправляютъ по немъ ежегодно память прежде торжества Музъ. Народы самые грубые почтили прахъ его слезами. Потомъ видѣли мы бронзовыя изображенія Аполлона и Меркурія: они отнимаютъ одинъ у другаго лиру. Здѣсь, подъ сводомъ изъ лавровъ стояла статуя нещастнаго Ѳамира; кичливость погубила его: онъ дерзнулъ вызвать Музъ на преніе, которыя поразили его слѣпотою и сдѣлали, что онъ забылъ свое искусство. Лира у него еще въ рукахъ, но изломанная; примѣтно, что онъ хочетъ добиться отъ нее звуковъ. Подлѣ Ѳамира Аріонъ несется на Дельфинѣ. Тамъ сидитъ Гезіодъ и держитъ на колѣняхъ своихъ цитру;

хотя цитра не есть символъ сего Піита, которой самъ написалъ, что онъ пѣлъ свои стихи, держа лавровую вѣтвь. Смотрѣвъ на него нѣсколько времени безмолвно, съ почтеніемъ и чувствительностію, пошелъ я съ его Поэмою въ рощу, по которой онъ обыкновенно гулялъ, и гдѣ любилъ углубляться въ размышленія. Сіе воспоминаніе усладило мою душу и окружило меня нѣкоею волшебною прелестію: мечталось мнѣ, что вижу тѣнь его передъ собою. Я сѣлъ у подножія статуи его, и прочелъ басню о Пандорѣ: сердце мое трепетало при открытіи коробки, изъ которой должны были вылетѣть всѣ напасти. Я раздѣлялъ печаль сего великаго Піита, когда, описавъ четыре славные вѣка, которые предшествовали его вѣку, онъ вопіетъ: „Я родился въ пятомъ, и желалъ бы не быть рожденъ.“ Сколько людей, со временъ Гезіода, говорили то же! Но я восхищался, читая его Ѳеогонію, въ которой онъ описываетъ Любовь, образующую міръ. Богъ Уранъ изувѣченъ; отсѣченные члены его упа-

даютъ въ море; Венера родится изъ драгоцѣнной пѣны; первое имя ея *Филомета*, то есть, любительница любовныхъ забавъ. Венера богиня красоты; безъ Грацій красота не любезна: красота раждаетъ Эрота или любовь; Эротъ имѣетъ стрѣлы, пронзающія сердце; онъ носитъ повязку, скрывающую недостатки любимаго предмета; онъ крылатъ, прилетаетъ и отлетаетъ быстро. Гезіодъ любилъ покой и уединеніе; онъ никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества. Въ глубокой старости выращалъ онъ еще цвѣты Поэзіи. Прекрасной, гармонной слогъ его ознаменованъ печатью той древней простоты, которая происходитъ отъ простоты нравовъ, и показываетъ хорошій вкусъ и правильныя мысли.

Я дышалъ на Геликонѣ чистымъ, здоровымъ воздухомъ; гулялъ по миловиднымъ равнинамъ, лазалъ по веселымъ, улыбающимся буеракамъ. Тамъ стояли сосны и дубы столь древніе, что я покушался вопросить ихъ о вѣкахъ прошедшихъ. Сія мысль опечалила меня: она напомнила мнѣ краткость человѣческой жизни.

Съ Геликона сошелъ я на берега Пермесса, и услышалъ пѣніе пріятнаго голоса, котораго звуки расположены были по Лидійской мѣрѣ (*). Я подкрался къ тому мѣсту, и увидѣлъ сидящаго подъ деревомъ человѣка. Когда онъ пересталъ пѣть, то повѣсилъ голову, и казалось, былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Я не зналъ, подойти ли къ нему; какъ вдругъ голубь, за которымъ гнался копчикъ, кинулся ко мнѣ въ руки: я закричалъ, чтобъ отогнать его непріятеля, и тѣмъ открылъ себя незнакомцу. Тогда подошелъ я къ нему, и показывая голубя, еще трепещущаго отъ ужаса, спросилъ его, что съ нимъ дѣлать. ,,Не поступите по примѣру того Аѳинскаго Ареопагита, отвѣчалъ онъ мнѣ, которой наказанъ за то, что умертвилъ спасшагося къ нему въ пазуху воробья: дайте ему свободу.“ Я послушался его; и

(*) Лидійская мѣра употреблялась для выраженія печали, Дорическая предоставлена была для войны, а Фригійская для богослужительныхъ обрядовъ.

потомъ говорилъ: „Судя по печально-„му вашему пѣнію и унынію, начертанному на лицѣ вашемъ, должно думать, что вы имѣете причины жаловаться на свою участь. — Участь моя столько нещастна, что жизнь мнѣ постыла: единственное мое желаніе смерть. — Вы не одни гонимы судьбою: великій Зевсъ чаще раскупориваетъ бочку зла, нежели бочку добра. Я страдалъ, какъ и вы; страдаю еще, и научился соболѣзновать другимъ. Естьли я могу хотя нѣсколько облегчить вашу горесть; то откройте, съ полною довѣренностію, душу свою незнакомцу, которой желаетъ быть вашимъ другомъ. — Нещастной находитъ услажденіе сообщать свои горести нещастному. Сядьте здѣсь. Хотя мы видимся въ первой разъ, но вашъ видъ показываетъ столько чистосердечія и человѣколюбія, что я не боюсь ввѣрить вамъ свои муки.

ГЛАВА XXV.

Фанорова Исторія.

Я изъ Беотіи; имя мое Фаноръ. Думаю, что мы почти однихъ съ вами лѣтъ. Родители мои отправили меня, десять мѣсяцовъ тому назадъ, въ Аѳины, обучаться Словеснымъ Наукамъ и упражняться въ тѣлесныхъ подвигахъ. Вамъ извѣстно, что Аттика жилище Музъ; а Беотія, хотя Пиндаръ родился въ Ѳивахъ, почитается землею Марсіевъ: это приписывается грубости воздуха. Какъ скоро пріѣхалъ я въ Аѳины, то, имѣя сильную склонность и къ забавамъ, и къ ученью, посѣщалъ весьма прилѣжно Палестру, Академію, Лицей и Театры, и всякой день ходилъ въ Пниксъ (*), слушать самыхъ знаменитыхъ Ораторовъ.

Я родился съ пылкою, страстною душею. Наступилъ мѣсяцъ Ѳаргеліонъ (Май) и съ нимъ Флоринъ праздникъ. Въ это время женщины бѣгаютъ по улицамъ днемъ и ночью, пляшутъ при

(*) мѣсто, куда народъ собирался для разсужденія о Государственныхъ дѣлахъ.

звукѣ трубъ ; а молодыя дѣвушки ходятъ на берега Цефизы , и тамъ на зеленыхъ лужайкахъ , играютъ въ хороводы , рвутъ цвѣты , усыпаютъ ими дорогу и украшаются вѣнками. Та , которая управляетъ пляскою, должна быть прекраснѣе и наряднѣе прочихъ: она представляетъ Богиню и поетъ гимнъ веснѣ. На этотъ разъ Царицею праздника была Ѳеана. Флора сама не можетъ быть ни блистательнѣе, ни свѣжѣе. Я и нѣсколько еще молодыхъ людей восхищались долго, смотря на этотъ соборъ красотъ , изъ которыхъ одна другой была прелестнѣе, одна другой милѣе. Напослѣдокъ проворство , пріятности Ѳеанины , легкой , стройной станъ ея , ростъ , выше роста всѣхъ ея подругъ , обратили взоры на нее одну. Я мечталъ, что нахожусь въ цвѣтущихъ областяхъ Афродиты , и вижу Богиню любви посреди ея двора.

Столько прелестей воспламенили меня ; а восторгъ , съ какимъ каждой кричалъ : *Ѳеана! Ѳеана!* и всеобщія ей похвалы , которыя безпрестанно въ

ушахъ моихъ отдавались, раздували это пламя еще болѣе. Короче вамъ сказать: она тогда же овладѣла всею моею душею; и разставшись съ нею, я былъ уже влюбленъ смертельно.

Въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, обвѣшалъ я ворота дому ея миртами и розами; написалъ во многихъ мѣстахъ улицы: *Ѳеана прекраснѣе всѣхъ прекрасныхъ;* по ночамъ пѣлъ и игралъ на цитрѣ подъ ея окнами; днемъ, одѣвшись въ багряной хитонъ, распрыскавшись духами, подвѣся къ ушамъ цвѣты, съ витою тросточкою въ рукѣ, прохаживался по улицѣ, на которой она жила; невольникъ носилъ за мною складныя кресла. Словомъ, ласкаясь надеждою блеснуть и понравиться ей, я выказалъ всю пышность роскоши и все чванство волокитства; но ничто не помогло: я видалъ ее весьма рѣдко, и то издали, а выходила она всегда либо съ матерью, либо съ кормилицею (*).

(*) У Грековъ кормилица оставалась во всю свою жизнь при своей питомицѣ.

Мать ея, доживЪ до седьмаго десятка, была непримиримымЪ врагомЪ любви, какЪ всѣ тѣ, кои вЪ молодыя свои лѣта служатЪ этому божеству слишкомЪ усердно. Ея приключенія вЪ свѣжей памяти еще и нынѣ. Однажды ГинекономЪ (*) взыскалЪ сЪ нея пѣню за то, что она вышла на улицу вЪ неблагопристойномЪ видѣ: имя ея внесено вЪ списокЪ, и выставлено на всѣхЪ публичныхЪ мѣстахЪ. КакЪ она во всю свою жизнь ничѣмЪ не занималась, кромѣ своей красоты и уборовЪ; то и не заготовила себѣ на старость никакого препровожденія времени: скука снѣдала ее. Пасмурна, грустна, завистлива, она плакала по забавамЪ, по торжествамЪ своей молодости, а особливо по утратѣ красоты. Будучи безЪ правилЪ, и не имѣвЪ сама порядочнаго воспитанія, не могла она быть хорошею наставницею. Вмѣсто того, чтобЪ исправлять сердце своей дочери, она учила ее только скрывать свои наклонности

(*) Судья, коего должность была освѣдомляться о жизни и нравахЪ АѳинскихЪ женЪ. Было десять ГинекономовЪ.

подъ завѣсою цѣломудрія, и выставлять прелести въ лучшемъ блескѣ. Дерево, вырощенное въ гниломъ воздухѣ, приноситъ дурные плоды. Ѳеана сдѣлалась кокеткою и лицемѣркою; переняла все смѣшное, все порочное, и ни одной добродѣтели, ни одного похвальнаго качества. Я описываю ее такою, какъ нынѣ вижу, а не такою, какъ она казалась мнѣ тогда. По нещастію эта система воспитанія принята въ Аѳинахъ большею частію матерей.

Со всѣмъ тѣмъ однакожъ Ѳеана плѣняла, ослѣпляла: она похожа была на тѣ картины, которыхъ неправильной рисунокъ закрытъ блистательнымъ колоритомъ; красота, свѣжесть, острой разумъ, любезность, пріятные таланты, сладкой разговоръ, словомъ сказать, все, что прельщаетъ, все, что производитъ страсть, находилось въ ней.

Надобно было мнѣ познакомиться въ ея домѣ: я склонилъ на свою сторону, или лучше сказать, закупилъ Филену ея кормилицу. Одинъ Македонской Царь говаривалъ, что нѣтъ

крѣпости, которою бы не можно было овладѣть, естьли только удастся провести въ нее навьюченнаго золотомъ лошака. То же можно сказать и о крѣпостяхъ, которыя защищаетъ любовь. Филена назвала меня своимъ племянникомъ и сказала, что я недавно пріѣхалъ въ Аѳины. Я оставилъ всѣ свои наряды, и одѣлся въ толстой, безцвѣтной хитонъ..."

Въ семъ мѣстѣ перервалъ я Фанорову повѣсть, и далъ ему замѣтить, что полдень начинаетъ палить землю, и что время уже искать убѣжища и обѣда. Фаноръ согласился, и давъ мнѣ слово докончать любовное свое приключеніе послѣ, вызвался вести меня къ одному другу отца своего, по имени Ксенофану, Философу Пиѳагоровой секты, которой жилъ не далеко отъ Аскры. Мы тотчасъ отправились, и пришли очень скоро.

ГЛАВА XXVI.

Описаніе Пиѳагорика. Его правила и Философія. Какъ онъ ихъ принялъ.

Какъ скоро Фаноръ сказалъ о своемъ имени; то хозяинъ, въ знакъ довѣренности, взялъ насъ за руки и отвелъ въ купальню.

Ксенофану было восемьдесятъ два года отъ роду; но по его лицу и всему сложенію никто не почелъ бы его такимъ старикомъ. Онъ имѣлъ еще всю бодрость осенняго возраста. Росту былъ малаго, глаза имѣлъ пылкіе, походку скорую, голосъ твердой. Румяное лице его и бѣлые волосы представляли странную разноцвѣтность. Память его и твердой почеркъ достойны были удивленія. На восемьдесятъ первомъ году лишась употребленія правой руки отъ раны, въ одну ночь выучился писать лѣвою. Онъ ходилъ босой и носилъ густую бороду.

Какъ скоро мы вышли изъ купальни; то Ксенофанъ велѣлъ подать намъ одежды, и всѣ пошли за столъ. Прежде всего принесъ онъ жертву

куренія богамЪ. ВЪ противность нашему ожиданію и законамЪ Пиѳагоровой діететики, столЪ уставленЪ былЪ вкусною пищею. Странно показалось мнѣ, что КсенофанЪ нюхалЪ каждое блюдо, которымЪ потчивалЪ насЪ, и не прикасаясь кЪ нему, сдавалЪ его со стола. Во все время обѣда онЪ не ѣлЪ и не говорилЪ. Я сЪ трудомЪ удерживался отЪ смѣху, а особливо, когда ФанорЪ сказалЪ мнѣ тихонько: „Носу этого человѣка сдѣлается страшная индижестія.“ Что касается до насЪ; то мы ѣли сЪ такимЪ аппетитомЪ, которой дѣлалЪ честь хозяину. Молчаніе продолжалось до тѣхЪ порЪ, пока одинЪ невольникЪ подалЪ два блюда вдругЪ: тогда КсенофанЪ вышелЪ изЪ себя и бросилЪ одно блюдо на полЪ, прося у насЪ прощенія, что столько позабылся. „ЭтотЪ скверравецЪ, сказалЪ онЪ намЪ, долженЪ знать, что я не люблю двоечислія. Вы видите на столѣ моемЪ три солонки: Учитель (такЪ мы называемЪ Пиѳагора) утверждаетЪ, что число два самое нещастное. — А мнѣ оно кажется самымЪ щастливымЪ, сказалЪ

я: два друга, любовникъ съ любовницею, супругъ съ милою супругою, представляютъ изображеніе блаженства.—Пиѳагоръ любилъ отмѣнно число *три* и находилъ его почти божественнымъ. — Подлинно божественно, сказалъ Фаноръ, когда любовь въ третьихъ. — Молодой человѣкъ, вскричалъ Ксенофанъ, взглянувъ на меня, что ты дѣлаешь? — А что? — Ты положилъ лѣвую ногу на правую: Учитель запрещаетъ это, равно какъ и обрѣзывать себѣ ногти по праздничнымъ днямъ."

По окончаніи стола, мы совершили жертву изліянія и пошли въ садъ. Я отсталъ отъ своихъ товарищей для удовлетворенія нѣкоторой небольшой нуждицы, и отворотился къ заходящему солнцу. Ксенофанъ подбѣжалъ ко мнѣ съ видомъ испужаннаго человѣка, и кричалъ еще издали: „Постой, постой! что ты хочешь дѣлать?" Я остановился, испужавшись и самъ. Отъ чего вы такъ встревожились?— „Ты хотѣлъ осквернить присутствіе солнца: развѣ не знаешь, что передъ божественнымъ лицемъ его не долж-

но дѣлать ничего нечистаго?" Я похвалилъ такое почтеніе къ свѣтильнику природы, и оборотился къ востоку.

Когда я догналъ Ксенофана, то онъ сказалъ намъ: „Признайтесь, что я удивилъ васъ какъ роскошью своего стола, такъ и странною своею діетою. Вы очень щастливы, что пришли сего дня: въ другое время не могъ бы я угостить васъ такимъ образомъ. Намъ предписано давать большой обѣдъ по одному разу въ годъ, но запрещено ѣсть въ тотъ день самимъ; напротивъ того велѣно поститься еще строже обыкновеннаго и довольствоваться только запахомъ блюдъ. Кромѣ этого дня на столѣ моемъ никогда не бываетъ ни мяса, ни рыбы, ни вина, ни бобовъ: Пиѳагоръ запрещаетъ намъ все это." Мы спросили его о причинѣ такого запрещенія. „Рыбъ не должно ѣсть для того, что рыбы первые праотцы наши: мы обитали вмѣстѣ съ ними въ нѣдрахъ морей. — За столомъ я охотно бы отрекся отъ этого родства. Но почему почитаете вы пре-

ступленіемъ питаться мясомъ? Развѣ мы были быки или бараны? — Нѣтъ; однакожь ваши души переселяются иногда въ быковъ и барановъ. — Вы отводите душамъ самое негодное мѣсто: непріятно жить въ кишкѣ какого нибудь звѣря. — Мы имѣемъ справедливыя причины вѣрить преселенію душъ: что души человѣческія переходятъ изъ твари въ тварь, это доказано. Въ Природѣ все умираетъ и опять возраждается: вещество имѣетъ безпрестанное обращеніе; солнце тянетъ воду изъ морей и рѣкъ; вода упадаетъ дождемъ, влажитъ землю, питаетъ рѣки, изъ которыхъ поднимается опять и составляетъ облака; но количество воды всегда одно. Равнымъ образомъ и то вещество, которое посредствомъ такого же безпрерывнаго обращенія обновляетъ растѣнія, животныхъ и человѣка, никогда не убываетъ. Можетъ быть соединенныя частицы Менелая, Ликурга и прекрасной Елены составляютъ нынѣ тѣло какого нибудь нещастнаго Илота. Пиѳагоръ помнилъ, что онъ былъ Эвфорбомъ на Троянской

осадѣ, и раненъ Менелаемъ; что изъ Эвфорба душа его перешла въ тѣло Гермотима, потомъ въ тѣло рыбака, и наконецъ оживотворила Пиѳагора. И такъ вообразите, какое ужасное дѣло пожирать души подобныхъ себѣ, и, можетъ быть, родственниковъ своихъ! — А бобы для чего запрещены? — Я слыхалъ отъ Египетскихъ жрецовъ, что бобы раздражаютъ чувства и мутятъ разумъ; Пиѳагоръ же осуждаетъ забавы брака. „Совокупляться съ женщиною, говоритъ онъ, есть заточить еще одну душу въ темницу.“ Онъ первой училъ, что между друзьями все должно быть общее; ученики его обязаны жить между собою, какъ братья. Мы не употребляемъ ни вина, ни женщинъ, ни мяса; не носимъ башмаковъ, и не стрижемъ никогда ни волосъ, ни бороды.

Потомъ Ксенофанъ говорилъ намъ о безмолвіи, котораго требовалъ Учитель отъ желающихъ вступить въ его секту. Онъ сказалъ про себя, что пробылъ пять лѣтъ, не выговоря ни одного слова: сему испытанію подвержены всѣ новые ученики безъ изъятія.

Во время искуса, прибавилъ Ксенофонъ, я не видалъ Пиѳагора никогда, но слышалъ его; онъ иногда разговаривалъ со мною изъ-за занавѣсы.—Сдѣлайте одолженіе, скажите намъ нѣкоторыя изъ его правилъ. — Вотъ его правила, „Надобно воевать съ тремя врагами, съ недугами тѣла, съ невѣжествомъ ума и страстями сердца. Драгоцѣннѣйшій даръ Неба человѣку есть тотъ, что онъ произведенъ на пользу подобныхъ себѣ и на указаніе имъ истинны. Не позволено оставлять своего притина безъ воли начальства: притинъ человѣка есть жизнь. Трезвость есть сила души, а владычество надъ своими страстями свѣтъ ея. Онъ уподоблялъ зрѣлище міра Олимпійскимъ играмъ: иные держатъ лавки и думаютъ только о прибыткѣ; другіе платятъ своею особою и ищутъ славы; третьи довольны тѣмъ, что смотрятъ на игры.

Образъ жизни его былъ слѣдующій: на разсвѣтѣ ходилъ онъ въ храмъ, очищался и приносилъ жертвы. Чтобъ ничемъ не осквернить своего тѣла,

питался самыми чистыми яствами. Одѣвался въ полотно изъ Египетскаго льну, по примѣру Египетскихъ жрецовъ. Его величественная осанка, гармонной голосъ и сильное, но притомъ душевною благостію ознаменованное краснорѣчіе, возбуждали во всѣхъ отмѣнное къ нему благоговѣніе. Число слушателей его въ Кротонѣ часто простиралось до двухъ тысячь. Правительство повелѣло воздвигнуть прекрасное и обширное зданіе, гдѣ онъ преподавалъ свои наставленія."

Я спросилъ у Ксенофана, правда ли, что Пиѳагоръ производилъ чудеса; что онъ словами остановилъ полетъ орла, и показался, въ одинъ день и въ одинъ часъ, и въ Кротонѣ, и въ Метапонтѣ? — „Это не принадлежитъ до нравственности, отвѣчалъ онъ; и для того всѣ такіе слухи не возбуждали никогда моего любопытства. Впрочемъ естьли почитали его волхвомъ; то я думаю, подало къ тому поводъ слѣдующее обстоятельство: Чтобъ исправить Кротонскихъ жителей, которыхъ развращенные нравы оскорбляли брачное цѣломудріе, удалился онъ

на нѣсколько времени изъ ихъ города; по возвращеніи же своемъ сказалъ, что ходилъ въ адъ, и описалъ мученія невѣрныхъ супруговъ самыми ужасными красками. Этотъ вымыселъ подѣйствовалъ: нравы исправились и бракъ сдѣлался уважаемъ; женщины бросили пышность, отослали въ Юнонинъ храмъ всѣ свои перлы, драгоцѣнные каменья и прочія пустыя украшенія; стали выходить въ простой одеждѣ и почитать богатѣйшимъ своимъ нарядомъ благопристойное поведеніе и скромныя добродѣтели. Старики и даже молодые люди предпочтили нравственныя сокровища богатству и забавамъ.“ Тутъ одинъ невольникъ принесъ Ксенофану кусокъ хлѣба и кружку воды. „Это мой ужинъ, сказалъ онъ: день приближается къ вечеру, а намъ не позволено ѣсть по захожденіи солнца.“ Онъ расказывалъ намъ еще о Пиѳагорѣ. „Выбирая учениковъ, смотрѣлъ онъ болѣе всего на внѣшній видъ, будучи такого мнѣнія, что красивое тѣло должно неминуемо вмѣщать благородную душу. „Не изъ всякаго дерева

или мрамора, говорилъ онъ, можно сдѣлать Аполлона или Меркурія." Пуще всего пріучалъ насъ къ послушанію и терпѣнію. По его мнѣнію настоящій Пиѳагорикъ долженъ не выронить ни одной слезы, не испустить ни одного вздоха въ нещастіи; не показать ни боязни, ни малодушія въ опасности; слово его должно быть свято. Однажды вошелъ я въ Юнонинъ храмъ въ то самое время, какъ Эвфемъ, одинъ изъ моихъ товарищей, оттуда выходилъ. Я попросилъ его подождать меня; что онъ и обѣщалъ. Моленіе погрузило меня въ такое глубокое размышленіе о богахъ, о безсмертіи души, что я забылъ о своемъ пріятелѣ, и вышелъ другою дверью. Въ слѣдующій день, пришедъ въ собраніе учениковъ, увидѣлъ ихъ въ великомъ безпокойствѣ о Эвфемовомъ отсутствіи: тогда только вспомнилъ я о его обѣщаніи, побѣжалъ во храмъ и нашелъ Эвфема въ притворѣ на томъ же самомъ камнѣ, на которомъ оставилъ его на канунѣ: онъ еще меня дожидался. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о Пиѳагорикѣ, которой умеръ на по-

стоялом дворѣ, не имѣя, чѣмъ заплатить хозяину: онъ начертилъ на доскѣ нѣкоторые символическіе знаки, и велѣлъ хозяину повѣсить эту доску на воротахъ. Нѣсколько времени спустя, Лизидъ, товарищь его, шелъ мимо, увидѣлъ знаки и заплатилъ за покойника.,, — Вы не давно упомянули о Египетскихъ жрецахъ, сказалъ я Ксенофану; развѣ вы въ этомъ славномъ государствѣ были?—Былъ вмѣстѣ съ Учителемъ своимъ Пиѳагоромъ.— Дайте намъ хотя нѣкоторое понятіе объ удивительныхъ тѣхъ пирамидахъ, которыя молва столько превознесла. — Венерина звѣзда уже блистаетъ: время идти на покой. Пиѳагорикъ долженъ вставать до восшествія солнца. Ежели дорогимъ моимъ гостямъ ночлегъ у меня не противенъ, то мы побесѣдуемъ завтра, и тогда я удовольствую ваше любопытство.“ Мы его поблагодарили, и онъ пошелъ спать.

Я позвалъ Фанора, насладиться прохладою свѣтлой ночи, и просилъ его досказать мнѣ свою повѣсть. Мы сѣли возлѣ пруда, на которомъ переливаю-

щіеся лунные лучи производили самую плѣнительную игру.

ГЛАВА XXVII.

Продолженіе Фаноровой Исторіи.

Я изобразилъ вамъ Ѳеану, сказалъ Фаноръ: Натура истощила на нее всѣ свои дары, но дурное воспитаніе помрачило всѣ дары Натуры.

Въ первой разъ, когда я отважился открыть ей свои чувствованія, она отвергла меня съ такою суровостью, что мое самолюбіе оскорбилось, и что я въ досадѣ своей не видалъ ее два дни; но такое усиліе было чрезвычайно тягостно, и напослѣдокъ самолюбіе принуждено было уступить любви. Я пошелъ опять къ названой своей тетушкѣ, и жаловался ей на Ѳеанину жестокость. Она по видимому очень удивилась, и дала мнѣ слово узнать о причинѣ такого поступка. Ввечеру пришелъ я за отвѣтомъ. ,,Вы очень щастливы, сказала она мнѣ, что любовное ваше изъясненіе принято дурно; да и какъ быть такъ вѣпре-

ну, что самое важное дѣло, отъ котораго зависитъ все благополучіе жизни, начать въ четвергъ!,, — Почему же не въ четвергъ? Не всѣ ли дни равно для любви благопріятны? — ,,Нѣтъ, нѣтъ, не всѣ. Развѣ вы незнаете, что четвергъ день нещастной, день худаго предвѣщанія? Θеана сказала мнѣ, что она единственно изъ любви къ вамъ не хотѣла принять вашего сердца въ этотъ день, опасаясь, чтобъ такою неблаговременностью не лишиться васъ навсегда.“ Въ ту самую минуту красавица вошла и показала такое удивленіе, какъ будто она никакъ не ожидала меня увидѣть; но ея веселой видъ и благосклонные взгляды открыли мнѣ щастливыя расположенія сердца ея.

Скоро послѣ того начала она слушать выраженія любви моей снисходительно. Тетушка моя, которую дарилъ я великолѣпно, увѣряла меня, что я иду самыми скорыми шагами. Такимъ образомъ настоящее меня восхищало, а будущее представлялось мнѣ подъ прелестными цвѣтами люб-

ви и блаженства. Но сколько подпора надеждъ нашихъ тлѣнна!

Однимъ днемъ оставилъ я Феану столь щастливъ, столь доволенъ, въ такомъ восторгѣ, что для успокоенія духа надлежало мнѣ прогуляться на открытомъ воздухѣ. Бродя долго изъ мѣста въ мѣсто, пришелъ я въ Лицей, и очутился подъ полуденнымъ портикомъ; тамъ бѣгалъ взадъ и впередъ превеликими шагами, погруженъ въ мысли и не видя ничего вокругъ себя. Одинъ молодой Баптъ подошелъ ко мнѣ. Вы знаете, что Баптами называются преданные роскоши и нѣгѣ жрецы, которые нравами своими подобны женщинамъ: они не клянутся никакимъ другимъ божествомъ, кромѣ Юноны, прилипаютъ къ женщинамъ и присутствуютъ при таинствахъ ихъ туалета. Тотъ, о которомъ я говорю, назывался Феономъ; онъ одѣтъ былъ по ихъ обыкновенію въ прекрасную небеснаго цвѣта ризу; брови его высурмлены были черною краскою; онъ распрысканъ былъ духами, и старался взять всѣ ухватки, всю поступь

хорошенькой кокетки. „Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, ударяя меня легонько по плечу, не племянникъ ли ты Филены, кормилицы прекрасной Өеаны?" — Племянникъ, отвѣчалъ я очень покорно, вспомня о лицѣ, которое представлялъ, и о простой своей одеждѣ. Что вамъ угодно? — Ты можешь сдѣлать мнѣ услугу, и будешь награжденъ щедро. Прежде всего скажи мнѣ, скроменъ ли ты? — Скроменъ, естьли имѣютъ ко мнѣ довѣренность. — Хорошо. Знай же, что я влюбленъ въ божественную Өеану. — Влюбленъ! вы? — Я; тотъ самой, котораго ты видишь; влюбленъ, люблю, обожаю, боготворю, какъ тебѣ угодно. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ тетка твоя выпросила мнѣ свиданье одинъ на одинъ. Знаю, что у меня есть соперники, и между прочими какой-то скверчавецъ, которой нѣсколько уже разъ имѣлъ дерзость срывать мои гирланды; но соперникъ, кто бы онъ ни былъ, никогда меня не пужаетъ: ежели я объ немъ узнаю, то научу его имѣть ко мнѣ почтеніе." Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ,

кровь во мнѣ кипѣла, жаръ гнѣва пылалъ на лицѣ моемъ; но я потупилъ голову и не говорилъ ни слова. „Мой милой, продолжалъ онъ, скажи Филенѣ, что не будетъ предѣловъ моей щедрости, естьли только она доставитъ мнѣ случай поговорить съ Ѳеаною; Филена знаетъ, что я люблю исполнять свои обѣщанія.“ — По этому тетка моя уже имѣла щастіе, быть вамъ полезною! — Это не твое дѣло: исполни только мое препорученіе, и приходи поскорѣе съ отвѣтомъ. — Положитесь на мое усердіе, и будьте увѣрены, что нетерпѣливость моя равна вашей.“ Тогда Баптъ хотѣлъ пожаловать мнѣ нѣсколько драхмъ; но я сказалъ ему, что никогда не принимаю награжденія прежде, нежели окажу услугу.

Кипя гнѣвомъ, побѣжалъ я къ Филенѣ, и началъ ругательствами, жестокими укоризнами. Она выслушала меня съ презрительною холодностью, и сказала мнѣ въ отвѣтъ, что не понимаетъ, отъ чего я въ такомъ изступленіи, что за одолженія свои она не ожидала отъ меня благодарно-

сти такого рода. Тогда пробормоталъ я имя и намѣренія Баптовы. ,Могла ли я себѣ представить, сказала она, чтобъ жрецъ, а особливо Баптъ, обманулъ тебя какъ дурака! Поди, скажи ему отъ меня и отъ Ѳеаны, чтобъ онъ изволилъ свернуть свои сѣти, и несъ цвѣты и вздохи въ другое мѣсто. Растолкуй ему хорошенько, что Ѳеана ни мало не думаетъ о его прелестяхъ; а ежели ты въ этомъ сомнѣваешься, то поди за мною: Ѳеана теперь въ своей комнатѣ. Какъ она не имѣетъ нужды притворяться, а притомъ ни кѣмъ и не предупреждена; то ты увидишь самъ, какого она о Баптѣ мнѣнія.“ Филена повела меня къ Ѳеанѣ, и оставила у дверей только на одну секунду, чтобъ освѣдомиться, можно ли мнѣ войти.

Я принятъ чрезвычайно ласково: чистосердечіе, спокойная невинность и чувствительность написаны были въ глазахъ ея и на лицѣ. Я посмотрѣлъ на нее, и она тотчасъ стала права. Послѣ многихъ сторонныхъ рѣчей, Филена спросила ее: знаетъ ли

она Бапта Феона. „Какъ не знать! онъ шатается вездѣ; этотъ родъ людей на казнь намъ умѣетъ такъ дѣлиться, что одинъ человѣкъ поспѣваетъ за десятерыхъ. — Baптъ признавался кой кому въ своей къ вамъ страсти. — И то знаю, что онъ показываетъ, будто имѣетъ на меня виды, и старается нарочно вездѣ меня хвалить; но естьли онъ еще продолжитъ эту глупую комедію; то я скажу обо всемъ матушкѣ.“ Послѣ такого изъясненія весьма бы не хотѣлось мнѣ обнаружить своей ревности. Я здѣлалъ знакъ Филенѣ, чтобъ она молчала, и вышелъ стыдясь, что дался въ обманъ жрецу; а пуще всего, что сомнѣвался въ сердцѣ самой нѣжной любовницы.

Я возвратился немедленно въ Лицей, чтобъ имѣть удовольствіе посмѣяться надъ красавчикомъ Ѳеономъ. Онъ прохаживался поднявъ голову, распустя голубую свою ризу какъ павлиной хвостъ, и наполняя весь портикъ благовоніями. „Ну, другъ мой! спросилъ онъ меня: какой отвѣтъ? что сказала пешка? — Что она

желала бы очень оказать вамъ услугу, и быть виновницею вашего щастія; но не взирая на ваши достоинства, Ѳеана платитъ за любовь вашу совершенною холодностію: а притомъ, говоритъ она, такое множество красавицъ по васъ вздыхаютъ, что она боится возбудить всеобщую ревность, и навлечь на себя ненависть цѣлаго города. Вотъ отвѣтъ моей тетки; она совѣтуетъ вамъ какъ другъ, не расточать милостей своихъ для неблагодарной, и предоставить ихъ другимъ, которыя были бы того достойнѣе. — Тетка твоя говорила тебѣ такими точно словами? Не можетъ статься; ты не такъ понялъ, или не умѣлъ исполнить моего препорученія. Прощай, благодарю за трудъ; я обойдусь и безъ твоихъ услугъ.“ Онъ отвернулся и ушелъ.

Съ тѣхъ поръ, когда мы ни встрѣчались, кланялся онъ мнѣ съ такимъ презрительнымъ видомъ, какъ будто смѣется моему легковѣрію; а я, на оборотъ, смѣялся глупому его о себѣ мечтанію.

Естьли бы я и былъ удобенъ питать еще на Өеану подозрѣнія, то кроткая чувствительность ея и робкія ласки развѣяли бы ихъ совершенно. Любезная тетка моя къ милому своему племяннику отъ часу усерднѣе, а племянникъ платилъ отъ часу щедрѣе. Такимъ образомъ жилъ я въ пріятной безмятежности, въ полномъ блаженствѣ; но въ вышнихъ судьбахъ написано было, чтобъ златые дни мои потускли очень скоро.

Однажды послѣ обѣда пришелъ я къ Өеанѣ въ обыкновенной часъ; комната ея была весьма слабо освѣщена; однакожь могъ я увидѣть Филену; она стояла у Өеаниной постели, и дѣлала мнѣ знаки, чтобъ не стучать. Потомъ сказала мнѣ, что милое дитя ея лежитъ въ лихорадкѣ и чувствуетъ сильную головную боль: „Она теперь только заснула; не надобно ей мѣшать; приходите завтра." Опечаленъ такою вѣстью, просилъ я позволить мнѣ по крайней мѣрѣ на нее взглянуть, и поднялъ занавѣсъ. Өеана лежала отвернувшись, а голова ея укутана была платками. Лишась

и того удовольствія, чтобЪ посмотрѣть на обожаемое лице, я вздохнулЪ и поцѣловалЪ покрывало постели. Наканунѣ трость моя осталась вЪ комнатѣ у Филены; пошелЪ я взять ее; но лишь только толкнулЪ дверь, которая была не притворена; какЪ спросили меня голосомЪ препріятнымЪ: кто тутЪ? ты ли это? Я остолбенѣлЪ. Совершенная темнота не позволяла ничего видѣть; но голосЪ показался мнѣ ѲеанинЪ. Я промолчалЪ и воротился тихонько вЪ ея комнату посмотрѣть, что это значитЪ. „Опять пришли, закричала Филена! она еще не проснулась; дайте ей выспаться.“ Не слушая кормилицы, подошелЪ я кЪ постели, прикоснулся рукою до больной, толкнулЪ ее, звалЪ, она не просыпается; дотронулся до ея головы; голова отстала и покатилась: она была деревянная. Посудите о моемЪ бѣшенствѣ! Филена хотѣла отнять у меня болванЪ; но я далЪ ей такую пощочину, что вся ея вѣтхая челюсть потряслась. ВЪ изступленіи бросилась она царапать меня ногтями; но другая

пощочина опрокинула ее на полЪ. Отпуда побѣжалЪ я вЪ комнату, гдѣ слышалЪ ѲеанинЪ голосЪ, и у дверей новстрѣчался лицемЪ кЪ лицу . . . сЪ кѣмЪ же? сЪ БаптомЪ ѲеономЪ! сЪ тѣмЪ самымЪ ѲеономЪ, которой *на казнь женщинЪ умѣетЪ дѣлиться такЪ, что поспѣваетЪ за десятерыхЪ.* Не владѣя собою, вЪ бѣшенствѣ, кинулся я бить его; онЪ оборонялся, я схватилЪ его за горло; бой былЪ нешуточной; наконецЪ я его повалилЪ, потащилЪ; онЪ заревѣлЪ. Люди сбѣжались на крикЪ; надлежало мнѣ выпустить изЪ когтей свою добычу; но на прощаньяхЪ попотчивалЪ я его еще довольно усердно.

ПришедЪ домой, предался всей ярости оскорбленной любви; дышалЪ только мщеніемЪ, предпринималЪ самыя ужасныя намѣренія, хотѣлЪ умертвить вѣроломную, умертвить подлаго ея любовника и себя самаго вмѣстѣ сЪ ними: но скоро образЪ Ѳеаны со всѣми ея прелестями, прекрасные глаза ея, восхитительные взгляды, плѣнительная рѣчь представились моей мысли и обезоружили

гнѣвъ мой. „Можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ, наружность меня обманываетъ, можетъ быть она невинна; я виноватъ, я обидѣлъ ее; чувствую свой проступокъ, горю нетерпѣливостью упасть къ ногамъ ея и выпросить прощеніе.“ Минуту послѣ ничто не могло оправдать ее, она казалась мнѣ извергомъ по вѣроломству и неблагодарности.

Три дни провелъ я въ сей жестокой борьбѣ съ собою; наконецъ любовь восторжествовала. Я рѣшился унизиться, писать къ Ѳеанѣ, и просить прощенія. Поутру очень рано побѣжалъ я отдать ей саморучно свое письмо. Домъ ея въ тотъ день былъ необыкновенно и богато убранъ: передъ воротами горѣло множество свѣтильниковъ; стояла толпа музыкантовъ и брачныхъ пѣвцевъ. Я смутился, обомлѣлъ. Вышло изъ дому нѣсколько служанокъ съ факелами; брачной свѣтильникъ отличался отъ другихъ величиною. Ѳеана шла увѣнчана цвѣтами, блистательна какъ Венера; она была подлѣ матери, а по другую руку у нее: какое зрѣли-

ще! шелЪ БаптЪ ѲеонЪ, и велЪ ее во храмЪ. Ѳеана увидѣла меня, и очень хладнокровно отворотила глаза. Внѣ себя, распаленЪ мщеніемЪ, готовЪ я былЪ броситься на нихЪ и тысячью ударами кинжала исторгнуть мерзкія ихЪ души; безЪ сомнѣнія какой нибудь богЪ оковалЪ мою руку и увлекЪ меня; я очутился за сорокЪ стадій отЪ АѳинЪ, не зная самЪ, куда иду.

Опамятовавшись, вознамѣрился я отправиться кЪ Левкаду (*), испытать скочокЪ сЪ горы, окончить нещастную свою жизнь, или истребить вЪ душѣ своей начертаніе такого предмета, кЪ которому хотѣлЪ бы я не чувствовать ничего, кромѣ отвращенія и ужаса. Я путешествую

(*) Греки увѣрены были, что скочокЪ сЪ Левкадскаго утеса вЪ море исцѣляетЪ отЪ любовной страсти. Аполлоновы жрецы привлекали туда изЪ всѣхЪ краевЪ Греціи толпу нещастныхЪ, коихЪ смерти они были причиною. КакЪ жрецы пользовались пожитками умершихЪ, то и употребляли они всякаго рода обманы, чтобЪ удовольствовать свое корыстолюбіе.

пѣшкомъ для того, что движеніе разбиваетъ мои мысли, и что трясеніе тѣла укрощаетъ волненіе души. Дорогою сочинилъ я Элегію на свое приключеніе, и нахожу удовольствіе пѣть ее.,, —

ГЛАВА XXVIII.

Обыкновеніе Пиѳагориковъ во время восхожденія солнца. Пиѳагоровы правила.

Какъ скоро первое блистаніе свѣта побѣлило края горизонта, мы увидѣли идущаго Ксенофана; мы смотрѣли со вниманіемъ на его походку. Онъ сѣлъ на дерновую лавку лицемъ къ востоку, заигралъ на арфѣ и пѣлъ священныя гимны. Едва солнце появилось, онъ сталъ передъ нимъ на колѣни и принесъ ему молитву. Я подошелъ къ нему и спросилъ его о причинѣ такого обряда. ,,Это уставъ Пиѳагорова закона, отвѣчалъ онъ мнѣ; мы дожны всякое утро встрѣчать солнце пѣснопѣніемъ, и воздавать ему жертву поклоненія, какъ скоро оно покажется. Тогда мы разсматриваемъ дѣянія свои прошедшаго дня, потомъ идемъ

или во храмъ, или въ мѣсто уединенное, и тамъ бесѣдуемъ съ душею своею; остальное время раздѣляемъ съ пріятелями, послѣ чего садимся за столъ весьма умѣренной; тутъ разсуждаемъ о какомъ нибудь политическомъ, или философическомъ предметѣ: прочіе часы дня посвящаются обществу; вечеръ проходитъ также, какъ и утро въ прогулкахъ, въ размышленіяхъ. Ужинъ нашъ пороскошнѣе обѣда; нѣкоторые изъ насъ за ужиннымъ столомъ употребляютъ даже по нѣскольку мяса и вина. Но я вчерась обѣщался поговорить съ вами о Египтѣ. Пойдемте въ маленькой храмъ, которой я соорудилъ Богинѣ Изидѣ, или лучше сказать, Натурѣ: это недалеко, въ ближней рощицѣ. Мы тамъ найдемъ пріятную прохладность и тишину." Храмъ былъ круглой и обложенъ гипсомъ; свѣтъ проникалъ въ него тремя овальными отверстіями; Изидинъ истуканъ изсѣченъ былъ изъ порфира, и занималъ средоточіе. На пьедесталѣ была слѣдующая надпись:

„Я все, что было, есть и будетъ. Ни одинъ смертный не могъ еще поднять завѣсы меня скрывающей.„

На стѣнахъ вырѣзаны были многія Пиѳагоровы правила:

„Драгоцѣннѣйшій Божій даръ человѣку есть, говорить истинну и помогать ближнему: сіи два дѣянія уподобляются дѣяніямъ высочайшаго „Существа.

Прочтите еще вотъ это правило, сказалъ намъ Ксенофанъ: оно кажется мнѣ изъ лучшихъ.

„Не имѣй никогда нужды въ клятвахъ, не призывай Божества во свидѣтельство своихъ обѣщаній; но подай „такое мнѣніе о своей честности; „чтобъ вѣрили твоему слову.“

Еще прекрасная мысль, вскричалъ я, и дѣлаетъ честь его сердцу!

„Когда я съ другомъ, то я не одинъ; однакожь мы не двое.“ — Садитесь, сказалъ Ксенофанъ, и слушайте.

ГЛАВА XXIX.

О Египетскихъ феноменахъ. Антеноръ и пріятель его раэстаются съ Ксенофаномъ.

Три пирамиды знаменитѣе прочихъ, и ихъ по всей справедливости, можно поставить въ число семи чудесъ свѣта: онѣ близь Мемфиса. Я буду говорить только о самой большой, которая подъ двадцать девятымъ градусомъ пятидесятою секундою широты. Она изъ камней, изъ которыхъ самые малые длиною по тридцати футовъ, обдѣланы съ превеликимъ искусствомъ, и покрыты Іероглифическими изображеніями. Бока пирамиды имѣютъ по восьми сотъ футовъ широты и по столько же высоты. Во стѣ шестидесяти футахъ подъ землею находятся превеликія храмины, которыя имѣютъ одна съ другою сообщеніе посредствомъ ходовъ, *Сирингами* называемыхъ. Сто тысячь работниковъ употреблено было при этомъ строеніи и тридцать лѣтъ сряду каждыя три мѣсяца приходила новая смѣна столь же многолюдная. На одинъ

чеснокъ и другіе овощи работникамъ вышло до 16000 талантовъ.

Много вздору разсказываютъ о большой пирамидѣ: иные говорятъ, будто одна знаменитая прелестница соорудила ее иждивеніемъ своихъ любовниковъ. Другіе приписываютъ ее славной Родопѣ. Вотъ исторія этой послѣдней:

Родопа была изъ Ѳракіи, рода низкаго, и продана какъ невольница. Одинъ Грекъ въ нее влюбился, выкупилъ и отвезъ ее въ Невкратъ, Египетской городъ. Однажды, когда она мылась, орелъ налетѣлъ на ея одежду, схватилъ одинъ башмакъ, несъ его въ носу до Мемфиса, гдѣ Царь Псаммидъ имѣлъ пребываніе, и выронилъ Государю на колѣни. Псаммидъ удивясь, разсматривалъ башмакъ весьма примѣчательно: прелестная маленькая форма его подала ему весьма высокое мнѣніе о красавицѣ, у которой была такая ножка; притомъ дѣйствіе орла казалось ему не естественнымъ. Все это вмѣстѣ разгорячило его воображеніе и внушило ему сильное желаніе видѣть женщину, кото-

рую онъ представлялъ себѣ подъ самыми прелестными чертами. Стоитъ захотѣть Царю, и все будетъ сдѣлано. Доискались, кому принадлежалъ башмакъ: Родопу нашли. Псаммидъ съ перваго взгляда распалился самою страстною къ ней любовію, возвелъ ее на степень законной своей супруги, и повелѣлъ въ честь ей воздвигнуть этотъ великолѣпной памятникъ: Но всего вѣрнѣе, кажется мнѣ то, что пирамиды были назначены для погребенія Царей.

Славной Лабиринтъ, построенной на концѣ Меридова озера, близь города Крокодиловъ, есть самое дивное произведеніе Архитектуры, и едва ли не превосходнѣе пирамидъ. Входъ въ него двѣнадцатью воротами, изъ которыхъ шесть на сѣверъ, и шесть на полдень. Лабиринтъ состоитъ не изъ одного зданія, но изъ соединенія двенадцати огромныхъ зданій, покрытыхъ одною преобширною кровлею, и обнесенныхъ пространнымъ окруженіемъ толстой стѣны. Все строеніе имѣетъ два яруса; одно верхнее и одно подземельное. Каждой ярусъ

содержитъ по 1500 палатъ, которыя всѣ имѣютъ между собою сообщеніе: портики, аллеи, комнаты, залы, террасы, составляютъ такое множество излучистыхъ и разнообразныхъ поворотовъ, что единожды вошедъ, не можно уже выйти безъ проводника, или безъ Аріадниной нитки. Стѣны, кровля, все изъ камня. Залы обнесены великолѣпными колоннами, большею частью изъ бѣлаго мрамора. Пирамида, которой бока имѣютъ каждой по 250 футовъ широты, и изъ которой сходятъ въ подземныя жилища, замыкаетъ Лабиринтъ. Я посѣщалъ первой ярусъ: во второй не пускаютъ никого подъ предлогомъ, что тамъ хранятся тѣла Царей и священныхъ крокодиловъ. Основатель этого зданія неизвѣстенъ; полагаютъ, что оно строено многими Государями.

Великое, славное дѣло рукъ человѣческихъ, и пользою своею превосходящее всѣ прочія дива въ Египтѣ, есть озеро Меридово, обширное водохранилище, семидесяти пяти миль въокружности, вырытое между двумя горами. Сухой песокъ покрывалъ

прежде это мѣсто: одинъ Фараонъ, по имени Меридъ, вздумалъ, и къ вѣчной своей славѣ совершилъ такое предпріятіе, котораго разумъ смертныхъ не вообразилъ еще никогда и ничего прекраснѣе. Многія тысячи людей копали этотъ безплодной грунтъ. Для привода Нильской воды вырытъ каналъ длиною сорокъ миль, а шириною триста футовъ. Когда вода въ Нилѣ прибываетъ, то она течетъ чрезъ проводникъ и скопляется въ окруженномъ плотинами и горами водоемѣ. Въ тѣ шесть мѣсяцовъ, когда Нилъ убываетъ, шлюзы отворяются; и тогда водохранилище сіе, имѣющее около восьмидесяти миль въ окружности, и лежащее тридцатью футами выше Нила, производитъ другое наводненіе, которымъ можно распредѣлять по волѣ. Часть воды возвращается въ рѣку и служитъ къ судоходству; другаяжъ, дѣлясь на многіе ручьи, разноситъ плодородность даже по пещанымъ холмамъ. Въ предосторожность, чтобъ это искусствомъ производимое море не прервало своихъ преградъ, про-

копанъ сквозь горы истокъ, которымъ лишнія воды изливаются въ Ливію. Самая большая глубина озера сто футовъ. Двѣ пирамиды, построенныя на островѣ, который лежитъ почти по срединѣ озера, покрываются водою на сто футовъ, и на такую же высоту изъ воды выходятъ; на верху каждой пирамиды сидитъ колоссальная статуя на престолѣ. Это произведеніе искусства, иждивенія и труда (произведеніе самое величайшее, съ которымъ ничто не можетъ поравняться на земли!) дополняетъ обыкновенной приливъ въ тѣ годы, когда онъ недостаточенъ, сберегая драгоцѣнную стихію, которая безъ того потерялась бы въ морѣ."

Я спросилъ Ксенофана о колоссальной Мемноновой статуѣ. „Имѣлъ щастіе отдать ей свой поклонъ, отвѣчалъ онъ мнѣ съ улыбкою. Я нарочно для того ходилъ въ Ѳивы. Мемнонъ, сынъ Зари, онъ представленъ колоссальною статуею въ видѣ молодаго человѣка въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, а лицемъ обращенъ къ востоку. На раз-

свѣтѣ, радуясь при видѣ матери своей, привѣтствуетъ онъ ее пріятнымъ голосомъ; около захожденія солнца выражаетъ печаль свою о разлукѣ съ нею жалобными и унывными звуками.— И вы этому чуду вѣрите?—Воля Скептиковъ; не льзя же не вѣрить своимъ чувствамъ, потому что звуки слышалъ я своими ушами. Подозрѣваю однакожь, что скрытой подъ пьедесталомъ жрецъ ударяетъ въ камень. Хитрость эта обнаруживается тѣмъ, что звукъ исходитъ не отъ головы, но отъ подножной плиты, или отъ сѣдалища, на которомъ утверждена статуя."

Поговоримъ-те о Египетскомъ климатѣ; правда ли, что онъ лучше Греческаго?—„Лучше, я думаю, всякаго. Египтяне вообще здоровы и крѣпки; а это приписывается воздуху и растворенію климата ихъ почти всегда равному. Правда, что въ Ѳивахъ жары сильнѣе, нежели во многихъ другихъ земляхъ, которыя гораздо ближе къ экватору; этотъ феноменъ приписать надобно сухости пещаныхъ степей, которыми

верхній Египетъ окруженъ, и отраженію солнечныхъ лучей отъ горъ; но въ нижнемъ Египтѣ близость моря, пространство озеръ, обиліе водъ утоляютъ зной и содержатъ въ воздухѣ самую пріятную степень теплоты: сверхъ того сѣверной вѣтеръ, которой дуетъ въ лѣтнее время, прохлаждаетъ и очищаетъ атмосферу. Въ этомъ прекрасномъ климатѣ небо всегда ясно; нѣтъ ни тумановъ, ни облаковъ; дождь идетъ весьма рѣдко, и то въ мѣсяцахъ Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ только; да и тогда бываютъ чаще густые туманы, нежели дожди. Во весь годъ, при ясномъ небѣ, падаетъ такая обильная роса, что можно бы почесть ее за маленькой дождь. Со всѣмъ тѣмъ эта прелестная, благословенная страна не вовсе чужда непріятностей. Пуще всего сокрушаютъ ее полуденные вѣтры, которые дуютъ по временамъ съ Февраля до конца Маія; они наполняютъ воздухъ тонкою пылью, которая стѣсняетъ дыханіе; несутъ передъ собою вредныя испаренія, и въ нѣсколько часовъ

портятъ жизненное вещество. При мнѣ случился въ Мемфисѣ ураганъ (*) такого рода; это было въ Маiѣ; вдругъ поднялся вихрь, и въ одно мгновенiе закрутились тучи разпаленнаго песку; небесная твердь покрылась густою завѣсою, солнце казалось кроваваго цвѣта; пыль проникала въ комнаты и жгла лице и глаза; часа черезъ четыре вихрь утихъ и небо прочистилось по прежнему. Множество нещастныхъ погибло на степи. Одинъ весьма тучной человѣкъ умеръ скоропостижно въ городѣ, задохнувшись отъ жару. Такiе ураганы погребали иногда цѣлыя армiи. Этотъ страшной бичь натуры, прозванной Гигантомъ Тифономъ, свирѣпствовалъ однажды трое сутокъ сряду, и задушилъ бы конечно весь Египетъ, ежели бы еще нѣсколько времени продолжался съ такою же силою.—Вы не сказали намъ ничего о

(*) Вьюга, какiя бываютъ у насъ на степи, съ тою разностiю, что у насъ заноситъ не пескомъ, а снѣгомъ, и что умираютъ не отъ жару, а отъ холоду.

Нилѣ. Извѣстны ли вамъ причины чуднаго разлитія его?

Нильскія вершины долго были неизвѣстны. Ѳивское сословіе жрецовъ издержало на открытіе ихъ несчетныя суммы; но они свѣдений своихъ никому не сообщаютъ, будучи такого мнѣнія, что таинственность способствуетъ содержать народъ въ усердіи къ вѣрѣ. Нынѣ всѣ просвѣщенные люди знаютъ, что Нильскія вершины находятся въ Эѳіопіи, на горѣ, въ двадцати градусахъ отъ экватора. На верху есть небольшая равнина, покрытая деревьями: тамъто видны два маленькія отверзтія на подобіе круглыхъ ямокъ, или колодцовъ для скопу дождевой воды, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи. Рѣка вытекаетъ изъ нижней части горы съ сѣверной стороны, и на пути своемъ производитъ озеро болѣе шестидесяти миль въ окружности; потомъ надѣлавъ множество излучинъ, входитъ въ Египетъ и протекаетъ его, отъ полудня къ сѣверу, почти прямою чертою. Мемфисскіе Философы много спорятъ о

причинѣ періодическаго приращенія Нила: народъ приписываетъ этотъ феноменъ богу Серапису; но люди умные знаютъ, что въ мѣсяцахъ Мартѣ, Апрѣлѣ, Маіѣ и Іюнѣ, сѣверные вѣтры собираютъ надъ вершинами высокихъ горъ за экваторомъ облака, которыя превращаются въ ливные дожди. Безчисленное множество ручьевъ, переполненныхъ упавшею сверху водою, производятъ водополье Нила, и причиняютъ наводненіе. Первые три мѣсяца, дни стоятъ въ Мемфисѣ прекрасные; по закатѣжъ солнца до самаго утра идетъ дождь съ громомъ и молніею. Въ первыхъ числахъ Іюня, Нилъ начинаетъ прибывать; но прибыль становится очень примѣтна не прежде, какъ послѣ солнечнаго поворота. Тогда вода дѣлается мутною и принимаетъ красноватой цвѣтъ, не льзя пить ее не очистя. Рѣка продолжаетъ наполняться до конца Августа, и часто до Сентября. Естьли высота прибылой воды менѣе шестнадцати локтей, то надобно ожидать голода; а ежели болѣе, то такое

водополье опасно. ПередЪ МемфисомЪ стоитЪ столбЪ, на которомЪ означены различныя приращенія Нила. ИзЪ Мемфиса разсылаются о томЪ извѣстія по всему Египту. КакЪ скоро вода дойдетЪ до пятнадцатаго или шестнадцатаго локтя, то всѣ жители приходятЪ вЪ радостной восторгЪ; всѣ празднуютЪ и веселятся. ПолагаютЪ, что Нильская вода напитана солью раздражительнаго свойства. Увѣряли меня, что были вЪ Египтѣ женщины, которыя носили по семи младенцевЪ вдругЪ: я вЪ этомЪ сомнѣваюсь. Справедливѣе то, что Египтянки употребляютЪ отЪ безплодности разные составы: самой сильной есть настойка изЪ гвоздичной головки сЪ крокодиловою желчью; всѣ части этаго звѣря возбуждаютЪ сладострастіе; но желчь и глаза дѣйствуютЪ еще сильнѣе. Однакожь я удалился отЪ своей матеріи; возвратимся кЪ благодѣтельнымЪ НильскимЪ водамЪ.

ПосредствомЪ множества выкопанныхЪ каналовЪ проведены онѣ на великое разстояніе вЪ поля, которыя отЪ

того сдѣлались плодоноснѣйшими во всемъ свѣтѣ. Другія рѣки разливаясь, уносятъ лучшій сокъ земли и похищаютъ самую питательную силу ея; Нилъ напротивъ того покрываетъ землю тучнымъ иломъ, которой удобряетъ ее. Какъ скоро воды стекутъ, земледѣлецъ вскапываетъ землю, примѣшивая къ ней не много песку, и сѣетъ безъ труда и почти безъ издержекъ.

Время посѣва мѣсяцы Октябрь и Ноябрь, смотря по тому, какъ воды стекаютъ. Черезъ два мѣсяца поле покрывается всякаго рода хлѣбомъ, растѣніями и овощьми. Жнутъ въ Мартѣ и Апрѣлѣ. Ничто не можетъ поравняться съ зрѣлищемъ, которое представляетъ Египетъ въ двѣ поры года, лѣтомъ и зимою. Въ Іюлѣ и Августѣ взлѣзалъ я на пирамиду или на гору, и восхищался, смотря на обширное море, усѣянное безчисленнымъ множествомъ соединенныхъ, посредствомъ плотинъ, городовъ и деревень, посреди разноцвѣтныхъ рощей и плодовитыхъ деревьевъ, которыхъ видны одни верхи. Въ отдаленности картина огра-

ничивается горами и лѣсами, веселымъ и пріятнымъ горизонтомъ. Зимою напротивъ того, около мѣсяцовъ Генваря и Февраля, поле уподобляется лугу, испещренному цвѣтами: вездѣ разсѣянныя стада, вездѣ земледѣльцы и садовники. Воздухъ напитанъ благоуханіемъ цвѣтовъ, померанцевыхъ, лимонныхъ и другихъ душистыхъ деревъ. Словомъ сказать, не возможно найти мѣста для житья ни здоровѣе, ни пріятнѣе.,,

Ксенофанъ докончилъ свое повѣствованіе, когда принесли намъ Пиѳагорской полдникъ. Мы ѣли, сидя на зеленой муравѣ въ тѣни. Строгой нашъ мудрецъ умилостивился, и велѣлъ подать вина. Мы съ нимъ простились тотчасъ послѣ полдника. Цѣлуя насъ, онъ намъ сказалъ: ,,Дѣти мои, не забывайте этого правила Учителя нашего:

,,Человѣкъ тогда только щастливъ, когда онъ подъ щитомъ мудрости.“

ГЛАВА XXX.

Описаніе Левкада. Антенорѣ и товарищѣ его находятѣ тамѣ Сафу и еще двухѣ нещастныхѣ Грековѣ.

Я предложилѣ Фанору проводить его вѣ Левкадѣ; двѣ причины меня кѣ тому побудили: любопытство и желаніе отвратить товарища моего отѣ намѣренія отчаяннаго и разсудку противнаго. Я представилѣ ему, что неслыханное дѣло убиваться отѣ того, что укололся скрытою подѣ цвѣтами иглою; что онѣ еще долженѣ почитать себя весьма щасливымѣ, что освободился отѣ Ѳеаны; что непостоянство и нарушеніе клятвѣ пола неосновательнаго и вѣтренаго, также не должны удивлять, какѣ и перемѣна погоды, или безразсудное летаніе бабочки, и что сокрушаться о томѣ умному человѣку непростительно.—,,Чувствую, отвѣчалѣ онѣ, всю силу твоей Логики; чувствую, что презираю Ѳеану; и не смотря на то, воспоминаніе обѣ ней гоняется за мною и терзаетѣ

меня; страсть моя съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ ее, усилилась еще: люблю до бѣшенства; ничто, кромѣ скочка съ Левкада, не можетъ возвратить мнѣ разсудка.—Ты подвергаешься опасности лишиться жизни?—Лучше лишиться жизни однажды, нежели страдать весь свой вѣкъ. Впрочемъ я знаю человѣка, имя его Макидъ, которой четыре раза бросался съ этой горы и не только не погибъ, но еще и находилъ каждой разъ желанное исцѣленіе отъ страстей своихъ.—Развѣ ты не знаешь бѣдственной кончины Артемизы, Карійской Царицы, которая такъ мужественно сражалась при Саламинѣ? Она была страстно влюблена въ одного молодаго человѣка изъ Авидоса; онъ ее покинулъ. Упоенная ревностью и мщеніемъ, Артемиза гонялась за невѣрнымъ повсюду, нашла его въ объятіяхъ сна, и острымъ желѣзомъ лишила жизни. Преступленіе не осталось безъ наказанія: грызеніе совѣсти, мучительныя воспоминанія, и самое пламя любви, которое послѣ того усилилось еще болѣе, растер-

зали ее безжалостно. Въ отчаяніи, въ жару самой необузданной страсти, пришла она въ Левкадъ искать лекарства отъ своего мученія, и нашла смерть."

Въ продолженіе остатка пути, Фаноръ ни о чемъ не говорилъ, кромѣ неблагодарности Ѳеаны и красоты ея; онъ клялся стократно, что отрекается навсегда отъ сего вѣроломнаго и опаснаго пола; потомъ начиналъ пѣть жалобную свою пѣсню; иногда и я приставалъ къ нему и пѣлъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ пришли мы въ Левкадъ.

Сей островъ лежитъ на Іонійскомъ морѣ у Арканайскаго берега. На одномъ его краю противу Кефалоніи, находится превысокая свислая въ море гора, коей подошва подмыта яростными волнами; на вершинѣ горы видна страшная скала, висящая надъ морскою пучиною. Сказываютъ, что одинъ отрокъ, по имени Левкатей, убѣгая отъ Аполлона, кинулся съ сего мѣста въ море, и далъ всему острову свое имя.

Послѣ смерти молодаго Левкатея воздвигнутъ на островѣ Аполлону храмъ, и узаконенъ праздникъ; брали одного осужденнаго на казнь преступника, и принуждали его свергнуться съ мыса. Но чтобъ паденіе было не столь стремительно, подвязывали ему птичьи крылья, а иногда и живыхъ птицъ. Сверхъ того множество стояло на морѣ лодокъ для поданія ему помощи.

Мы весьма удивились, нашедъ въ Левкадѣ превеликое стеченіе путешественниковъ, но скоро узнали тому причину. Когда Фаноръ пошелъ записываться въ очередь, то жрецы сказали ему, что славная Сафо предупредила его, и должна въ слѣдующій день броситься въ море; но что естьли онъ желаетъ быть послѣ ея первымъ, то надлежитъ ему въ ожиданіи своей очереди сдѣлать обыкновенную присягу. Услышавъ о сей любезной и нещастной Сафѣ, коей дарованія, разумъ и любовь къ Фаону слава промчала въ отдаленнѣйшія страны свѣта, которую восхищенная Грецiя назвала десятою Музою,

спросилъ я одного изъ жрецовъ, не можно ли видѣть ее и поговорить съ нею. „Доступъ къ ней чрезвычайно труденъ: она въ самой дикой горести, отвѣчалъ онъ. Да вотъ она!“ Тутъ мы увидѣли Сафу: нещастная стояла на берегу мыса въ мрачной задумчивости. Смертная блѣдность была простерта по лицу ея; глаза устремились въ землю; она казалась прикованною. Вдругъ начинаетъ ходить скорыми шагами; всѣ черты ея воспаляются гнѣвомъ; стремительныя тѣлодвиженія показываютъ сильное волненіе. Возводитъ взоръ свой къ небу, обвиняетъ безсмертныхъ въ своемъ страданіи; шествуетъ на самой край стремнины. Глазъ ея измѣряетъ бездну; она содрагается, отступаетъ, шумъ пѣнистыхъ волнъ приводитъ ее въ ужасъ. Потомъ мало по малу становится покойнѣе; смотритъ на разсѣянные камни, на которыхъ начертаны имена совершившихъ подвигъ свой благополучно. Видитъ гробницу Артемизы, и хладной потъ падаетъ съ чела ея: какой для Сафы предметъ размышленія!

какое сходство между ея чувствительностью и чувствительностью Артемизы, между нещастіями той и нещастіями другой.

Между тѣмъ подходили мы ближе, и примѣчали всѣ ея движенія, исполнены будучи того соучастія, какое знаменитая и нещастная особа обыкновенно возбуждаетъ.

Сафо не имѣла лестнаго дара красоты; росту была она малаго и очень смугла; но пылкіе, хотя и небольшіе глаза ея, блистали лучами остроты и разума. Сладостная томность, чувствительность и пламя великихъ дарованій попеременно изображались въ ея чертахъ; или лучше сказать, подобно краскамъ, вмѣстѣ перемѣшаннымъ, соединялись въ одинъ цвѣтъ, и составляли самое привлекательное лице. Впрочемъ естьли красота, какъ нѣкоторые полагаютъ, заключается въ томъ, чтобъ нравиться глазамъ и возбуждать въ душѣ пріятное чувствованіе, то Сафо конечно была красавица.

Желая съ нею поговорить, сказалъ я Фанору, чтобъ онъ попросилъ ее

уступить ему свою очередь. Она сидѣла тогда на камнѣ, лицемъ къ морю, на которое взоры ея были устремлены; казалось, какъ будто она сама себѣ говорила: *вотъ моя гробница.*

Мы подошли. По выслушаніи Фанора, Сафо отвѣчала ему: „И такъ не одинъ Фаонъ вѣроломенъ, не одно чудовище въ мірѣ! Но чему дивиться? Мужчины и женщины всѣ равно неблагодарны, всѣ равно жестоки; однакожь Фаонъ вѣроломнѣе, неблагодарнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Разскажите свои нещастія, и естьли Боги еще жесточае къ вамъ, нежели ко мнѣ; то я на желаніе ваше согласна." Тогда Фаноръ разсказалъ ей о любви своей къ Ѳеанѣ. „То, о чемъ вы сокрушаетесь, отвѣчала Сафо, весьма обыкновенная непріятность: вы теряете кокетку, которая никогда васъ не любила, которая любитъ другаго, или справедливѣе сказать, не любитъ никого, и только себя одну обожаетъ; сверхъ того, она не должна вамъ ни любовью, ни благодарностью; вы ничего для нее не сдѣлали, ни чѣмъ не пожертвовали; но Фаонъ, не-

благодарной Фаонъ, долженъ мнѣ всѣмъ, что ни имѣетъ, умомъ своимъ, знаніями, извѣстностью въ свѣтѣ; я увѣковѣчила имя его, совокупя его съ моимъ, потомучто хотя Афродита и скупо надѣлила меня плѣнным цвѣтомъ красоты, за то Минерва вдохнула въ меня божественной свой духъ; я пожертвовала Фаону мнѣніемъ людей, добродѣтелью, цѣломудріемъ своимъ; не пощадила ничего, чтобъ сдѣлать его щастливымъ; жила для него одного; онъ былъ средоточіемъ и цѣлью всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ желаній, всѣхъ моихъ чувствованій; душа моя наполнена была имъ однимъ, существовала въ немъ одномъ; для измѣнника оставила я всѣхъ своихъ учеництъ, не исключая даже и Эринны, молодой, прелестной Эринны, которой дарованія почти равнялись моимъ. Я пожертвовала неблагодарному тремя великими Піитами нашего вѣка, Архилохомъ, Гиппонаксомъ и Алкеемъ — Алкеемъ, которой обожалъ меня! Для Фаона, я навлекла на себя ненависть женщинъ и стрѣлы самой черной клеветы; для

него сошла со стези славы, отреклась отъ пріятностей Аѳинской жизни, покинула этотъ городъ, гдѣ царствовала надъ вашимъ поломъ и надъ своимъ, гдѣ любовь и почтеніе покорили мнѣ всѣ сердца. Будучи вдовою и не завися ни отъ кого, скрылась; убѣжала отъ свѣта; чего я не сдѣлала? даже отказалась отъ названія супруги, чтобъ оковавъ любовь, не лишить ее веселости; названіе любовницы его милѣе было моему сердцу . . . Но ни время, ни состояніе духа моего, не позволяютъ мнѣ говорить долѣе. Я оставлю вамъ рукопись, въ которой начертана исторія моей жизни и моихъ нещастій. Увы! Я начала писать ее въ тишинѣ златыхъ дней своихъ, въ нѣдрахъ любви и уединенія. Вы увидите, что Сафо имѣла много твердости и власти надъ собою, когда въ горестномъ своемъ положеніи, будучи растерзана, доведена до отчаянія, уже покрыта туманомъ смерти, могла еще заниматься преданіемъ потомству своихъ мукъ и злодѣянія Фаонова. Естьли я погибну, вы властны

выдать исторію мою въ свѣтъ; естьлижъ останусь жива, то требую вашего слова, что вы мнѣ ее возвратите." Тогда она вручила намъ небольшой катокъ, оправленной съ обоихъ концовъ слоновою костью, и обвитой папировыми листами, исписанными ея рукою. „Согласитесь, примолвила она, что я не должна уступить вамъ своей очереди: рана едва скользнула по вашему сердцу, и конечно скоро затворится; но моя глубока и неизлечима. Прощайте. Мнѣ нужно уединеніе." Она разсталась съ нами и тотчасъ удалилась.

Въ ту самую минуту присталъ корабль: два человѣка вышли на берегъ и пошли прямо въ Аполлоновъ храмъ. Мы тотчасъ отгадали, что то нещастные любовники, приплывшіе испытать скочка съ Левкадской горы. На лицахъ ихъ видно было изображеніе долговременной печали. Одинъ былъ человѣкъ пожилой, а другой въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Мы нашли ихъ въ храмѣ. Они записались въ очередь подъ Фаноромъ.

Намъ очень хотѣлось узнать ихъ нещастія. Пожилой удалился отъ своего товарища, и мы подошли къ нему. Я, по обыкновенію, взялъ его правою рукою за подбородокъ (*), и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о молодомъ его сопутникѣ. „Онъ не имѣетъ никакой справедливой причины почитать себя нещастнымъ. Малодушной человѣкъ, которой сокрушается, не зная самъ о чемъ. О, какъ бы я желалъ быть въ его положеніи!"

„Мы оба родомъ изъ Сиціоны, одной изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ Греческихъ провинцій. Два года уже, какъ онъ влюбился въ дѣвушку, по имени Агаристу; они положили сочетаться бракомъ; но въ одну ночь явилась невѣстѣ Діана, въ котурнѣ, съ лунными рогами на лбу и лукомъ въ рукѣ, и съ ужасными угрозами требовала, чтобъ она посвятила ей свое дѣвство. Это видѣніе такъ поразило Агаристу, что она презрѣла слезы своего любезнаго,

---

(*) У Грековъ это было знакомъ уваженія.

всего своего семейства, и заключилась въ Діанинъ храмъ."

„Теперь этотъ молодой человѣкъ въ отчаяніи; онъ прибылъ сюда сдѣлать конецъ своимъ страданіямъ. Вы видите, сколь утрата его маловажна: онъ лишился любовницы, которою легко можно замѣнить другую, однакожь почитаетъ себя примѣромъ нещастія на землѣ; чтожъ бы онъ сказалъ на моемъ мѣстѣ!" Я увѣрялъ его, что онъ правъ, жалѣлъ объ немъ, и мы оставили его весьма довольнымъ.

Любопытство, сіе чодовище, которое столько имѣетъ ушей, побудило насъ искать другаго Сиціонца: онъ вырѣзывалъ литеры на корнѣ одного дерева; мы притворились, будто нашли на него нечаянно и бранили себя за свою неосторожность. „Вы не можете отяготить меня, сказалъ онъ намъ; нещастные любятъ нещастныхъ; вы конечно прибыли въ Левкадъ съ такимъ же намѣреніемъ, какъ и я? — Съ такимъ же, отвѣчалъ я; участь наша подлинно достойна

жалости; но скажите, кто вашЪ товарищЪ?

Имя ему ФилоксенЪ; онЪ человѣкЪ богатой, и былЪ женатЪ на Тамирѣ, молодой красавицѣ, которую обожалЪ. Всего болѣе польстило его самолюбію то, что она предпочла его одному прелюбезному молодому человѣку, но безЪ имѣнія, по имени Тиманѳу. Нѣсколько мѣсяцовЪ ФилоксенЪ былЪ благополучнѣйшимЪ человѣкомЪ; но у Гименея свѣтлые дни не вѣчно продолжаются. ОдинЪ невольникЪ донесЪ ему тихонько, что жена его назначила Тиманѳу у себя свиданіе „сЪ тѣмЪ однакожь, примолвилЪ онЪ, чтобЪ я былЪ притомЪ.“ Эта статья договора не уменьшила безпокойствЪ встревоженнаго супруга; онЪ пожелалЪ быть очевиднымЪ свидѣтелемЪ невѣрности или добродѣтели жены своей, одѣлся вЪ платье своего невольника, и вЪ первую ночную стражу (*), время, вЪ которое

(*) Греки раздѣляли ночь на три стражи: вторая начиналась около четырехЪ часовЪ послѣ захожденія солнца.

положено быть свиданью, пошелъ съ фонаремъ отворять ворота любовнику, надъ которымъ онъ за нѣсколько мѣсяцовъ прежде торжествовалъ. Въ восторгѣ и нетерпѣливости увидѣться съ обожаемымъ предметомъ, Тиманѳъ не занимался разсмотрѣніемъ своего проводника. Когда они вошли въ Тамирину комнату, мнимой невольникъ засѣлъ въ углу, откуда при слабомъ свѣтѣ могъ онъ видѣть, не будучи узнаемъ; но жена его, по крайней мѣрѣ столько же хитрая, какъ и онъ, поднесла ему чашу хорошаго вина, въ которое примѣшала усыпительнаго соку, и сказала, что въ благодарность за его услугу, и чтобъ ему не скучно было дожидаться, подчиваетъ его лучшимъ виномъ своего мужа. Филоксенъ любя это вино, и не подозрѣвая обмана, выпилъ чашу всю до дна. Дѣйствіе было самое скорое; глаза его отяготѣли, смотритъ и не видитъ, внимаетъ и не слышитъ; долго онъ старался принуждать себя, напослѣдокъ глубочайшій сонъ оковалъ всѣ его способности. Любовники между тѣмъ приня-

лись за дѣло: они были молоды, пылки, страстны; досугъ ли было помышлять о времени? Мужъ проснулся, но уже поздо; все свершилось. Онъ вспомнилъ, что пришелъ не для того, чтобъ спать, всматривается, протираетъ себѣ глаза, не смѣетъ увѣриться въ истинѣ, старается собрать свои мысли. Освѣжась хорошенько, видитъ въ объятіяхъ жены своей Тиманѳа. Въ изступленіи, въ бѣшенствѣ встаетъ, кричитъ, бросается, опрокидываетъ, разшибаетъ все. Естьлибы у ногъ щастливыхъ любовниковъ упала молнія; естьлибы вдругъ предстали имъ фуріи, потрясая пламенниками, имѣя головы обвитыя змѣями: то не столько бы они испужались; они лежали какъ окаменѣлые. Наконецъ Тиманѳъ ободрясь, противится Филоксеновой ярости, беретъ Тамиру за руку, и убѣгаетъ съ нею. Филоксенъ, въ первомъ движеніи гнѣва, отрекся отъ своей жены; но не можетъ перенести этой разлуки; онъ плачетъ по ней и день и ночь, и прибылъ сюда съ намѣреніемъ, или возвратить себѣ спокой-

ствіе, или погибнуть. Какъ сравнять его нещастіе съ моимъ! теряетъ онъ супругу невѣрную, которая любится съ другими, и которую можетъ взять опять, когда ему угодно; а у меня Діана похитила навсегда любовницу благонравную, чувствительную, любовницу, которая меня обожала.“ Мы согласились, что его нещастіе дѣйствительное, а Филоксеново пустое.

ГЛАВА XXXI.

Сафо низвергается съ Левкадской горы.

Когда насталъ день, въ которой надлежало Сафѣ броситься въ море, то мы поѣхали на сіе зрѣлище водою. Множество лодокъ, усаженныхъ зрителями, стояло полукружіемъ передъ скалою; посреди оставлено было мѣсто для паденія нащастной. Уже восемь искусныхъ водолазовъ стояли въ готовности извлечь ее изъ волнъ. Уже вершина горы ломилась подъ безчисленнымъ многолюдствомъ: громкая слава жертвы скликала любопыт-

ныхъ со всѣхъ сторонъ. Но Сафо была еще во храмѣ; она ходила препоручить себя Аполлону; между тѣмъ жрецы закололи телицу, и обЪявили, что предвѣщанія благопріятны.

По совершеніи молитвы, Сафо безъ цвѣтовъ, безъ покрывала, съ распущенными волосами, шествуетъ посреди двухъ жрецовъ на скалу; кидаетъ безпокойные взоры на предстоящихъ, и окомъ смутнымъ и неподвижнымъ измѣряетъ пространство, которое перелетѣть ей должно. Всякъ, устремя на нее свое вниманіе, въ безмолвномъ трепетѣ, ожидаетъ исполненія отчаяннаго ея намѣренія. Троекратно Сафо приближается къ стремнинѣ, и троекратно, побуждаема невольнымъ движеніемъ, отступаетъ. Жрецы уговариваютъ ее, ободряютъ. Въ четвертый и послѣдній разъ дрожащая ступень ея касается края навислаго утеса. Постоявъ нѣсколько времени надъ бездною, сбираетъ всѣ свои силы, возводитъ глаза и руки къ небу, и низвергается. Вопль тысячи голосовъ пронзаетъ слухъ. Между тѣмъ не-

щастная летитЪ, вертится, разсѣкая воздухЪ, достигаетЪ пучины и скрывается вЪ волнахЪ. УжасЪ зрителей усугубился. Водолазы погружаются, ищутЪ ее; два раза всплываетЪ она боряся сЪ волнами, и два раза волны ее поглощаютЪ. НаконецЪ находятЪ, переносятЪ ее на берегЪ; кладутЪ на пескѣ, но хладну, бездыханну; суетятся, толпятся вокругЪ ее, кричатЪ: *она умерла!* Я осязаю сердце ея, чувствую нѣсколько теплоты и движенія. „НѣтЪ, она еще жива, вскричалЪ я, постараемся спасти ее." ВозвращаютЪ ей чувства: она опомнилась, открыла глаза, устремила ихЪ на меня, и усиливаясь приподняться, сказала: „Кто бы ты ни былЪ, тебѣ препоручаю мое погребеніе! Умираю жертвою любви и неблагодарности. Естьли случится тебѣ увидѣть Фаона, скажи ему о нещастной, которую вЪ награжденіе за любовь кЪ нему онЪ умертвилЪ. — Перестаньте думать о смерти; живите, и продолжайте быть украшеніемЪ и славою свѣта. — Славою! какая мечта! Увы! всѣ тѣ умрутЪ, ко-

торыхъ я оставляю на землѣ!" По сихъ словахъ она скончалась. Мы залились слезами. Я сказалъ жрецамъ, чтобъ они увѣдомили меня, когда все будетъ готово къ похоронамъ, и взявъ съ собою Фанора, удалился поскорѣе отъ сей печальной сцены.

Мы шли вдоль берега, задумчивы и пасмурны; мнѣ хотѣлось дать Фанору время размыслить о произшедшемъ. Напослѣдокъ, послѣ довольно-продолжительнаго молчанія вскричалъ я: „Какой жалкой конецъ при такихъ дарованіяхъ, при такомъ умѣ и столь нѣжномъ сердцѣ! — Ужасная смерть! — Скажи правду, какъ ты теперь думаешь о скочкѣ съ Левкадской горы, и о цѣлительной силѣ этого средства? — Подлинно самое надежное лекарство отъ всѣхъ страстей. — Осталось ли въ тебѣ еще сколько нибудь охоты отвѣдать этого лекарства? — О томъ точно теперь думаю; признаться, горячка моя попростыла. — Не удивляюсь. Согласись, мой другъ, что губить себя такимъ образомъ великое сумасшествіе. — Похоже на то. — Хочешь ли завтра оста-

вить Левкадъ? Хорошо; быть такъ: видно, что надобно помириться съ жизнію." Попались намъ на встрѣчу отчаянные наши Сиціонцы. Фаноръ сказалъ имъ, что онъ уступаетъ очередь свою, кому угодно. „Благодарю, отвѣчалъ Филоксенъ; это лекарство мнѣ не полюбилось; я лучше хочу быть мужемъ обманутымъ, нежели мужемъ утопшимъ, и оставляю славу и честь такого подвига молодому моему таварищу." А этотъ отвѣчалъ, что онъ не употребитъ во зло его милости; что прекрасная Агариста можетъ посвятить свое дѣвство приличной Гекатѣ, Прозерпинѣ, кому ей угодно; но что онъ не сдѣлаетъ скочка съ Левкадской горы ни за дѣвство прекрасной Елены. Такимъ образомъ нещастной Сафіинъ жребій спасъ трехъ безумныхъ отъ смерти почти несумнительной. Вѣроятно, что служители храма приписали сіе исцѣленіе святости мѣста.

Тогда сказалъ я Сиціонцамъ, что Сафо оставила мнѣ описаніе любовныхъ своихъ приключеній, и пред-

ложилЪ имЪ прочесть ихЪ вмѣстѣ. Мы пошли всѣ четверо кЪ морю, сѣли на зеленой постелѣ изЪ пороста и моху, и я началЪ читать, какЪ слѣдуетЪ.

ГЛАВА XXXII.

Исторія Сафиной любви кЪ Фаону.

Я увидѣла Фаона вЪ первой разЪ вЪ АѳинахЪ, подЪ перистилемЪ Зевсова храма. ОнЪ лишь только вышелЪ изЪ Гимназіи, гдѣ вЪ тотЪ день отличился во многихЪ благородныхЪ подвигахЪ. Маститой сокЪ оливы блисталЪ еще на его открытой груди. Тонкой пухЪ мягче молодой травки, едва начиналЪ появляться на розовыхЪ его щекахЪ. Ни юный ГиласЪ, Нимфами похищенный; ни КипарисЪ, коего смерть оплакивалЪ АполлонЪ, не имѣли прелестей толь опасныхЪ. Я взглянула на него и затряслась; посмотрѣла еще, и всѣ мои чувства закипѣли, глаза покрылись темнымЪ облакомЪ, огонь сладострастія пролился по всѣмЪ моимЪ жиламЪ. Я при-

шла домой въ жару, въ изступленіи, въ безпамятствѣ. Упавъ передъ образомъ Венеры, молила ее сжалиться надо мною, просила у нее Фаона. Моя лира, сладкострунная моя лира, не издавала уже звуковъ. День угнеталъ меня своею медленностью; ночь казалась мнѣ изображеніемъ вѣчности нещастныхъ; тѣло мое сдѣлалось подобно желтѣющей заботѣ. Пять кратъ солнце описало свой дневный кругъ; а скорбь моя была еще таже. Наконецъ ввѣрила я свое страданіе Библисѣ. „Любезная моя Библиса, сказала я, сжалься надо мною: несперпимой пламень меня снѣдаетъ; молодой Фаонъ овладѣлъ всею моею душею; бѣги къ нему, скажи ему, Сафо желаетъ тебя видѣть, и приведи его сюда.“ Библиса пошла и возвратилась съ Фаономъ. Какъ скоро легкою ногою переступилъ онъ черезъ порогъ дверей моихъ, то я сдѣлалась холоднѣе снѣга; дрожала, тлѣла. Жестокой видитъ мое смятеніе, уклоняетъ взоръ и садится подлѣ меня на моемъ ложѣ. „Прекрасная Сафо, сказалъ онъ мнѣ, сердце мое тебя

упредило; я видѣлъ тебя во храмѣ, и огнь любви проникъ до внутренности моихъ жилъ. Естьли чувствованія твои ко мнѣ таковы же, то нечего мнѣ просить у Кипридой; я достигъ послѣднихъ границъ славы и блаженства." Когда онъ окончилъ рѣчь, легко ему повѣря, я наклонила его къ себѣ; распаленная грудь моя сообщала устамъ его свой жаръ, и страстныя свои біенія; огненная краска покрыла мое лице, и душа моя упилась изъ источниковъ сладострастія.

Въ первые дни нашего восхищенія Фаонъ предложилъ мнѣ оставить Аѳины, куда привлекла меня любовь къ художествамъ и славѣ, и удалиться въ такое уединеніе, гдѣ бы пріятность обитала посреди полей. „Любезной мой Фаонъ, сказала я ему, я готова слѣдовать за тобою, куда ты хочешь, на гору Родопу, или въ степи Ѳиваидскія: готова покинуть для тебя свѣтъ, забавы, имѣніе, славу; передъ любовью все ничто! Съ тобою самая дикая пустыня покажется мнѣ райскимъ жилищемъ. Скука не отравитъ

ни одного изъ моихъ часовъ; тишина, ученіе, простая и прелестная натура, а болѣе всего любовникъ мой, украсятъ мои дни и сократятъ ихъ теченіе: но ты будешь ли въ состояніи выдержать однообразіе, недостатокъ въ занятіяхъ, тягость недѣятельной жизни и долгія наши бесѣды одинъ на одинъ?" Онъ почти не далъ мнѣ говорить. „Сафо, вскричалъ онъ, милая моя Сафо! ты, въ которой соединено все, что есть любезнаго, скука можетъ ли обитать подлѣ тебя? Мало, что ты заставляешь любить тебя за твое сердце; ты еще привязываешь къ себѣ и перемѣнностью утѣхъ; разумъ твой умѣетъ украшать одно и тоже чувствованіе повседневно новыми прелестями. Твои знанія, твое воображеніе оживляютъ, одушевляютъ все; бывая съ тобою, находишься во храмѣ Музъ." Обольщена болѣе любовію, нежели Фаоновыми рѣчами, побуждена собственною своею склонностію къ сельской жизни — склонность сродная нѣжнымъ душамъ и людямъ благоразумнымъ! — я имѣла

слабость согласиться на его желаніе. Однакожь намѣреніе мое было, найти уединеніе такое, гдѣ бы временемъ голосъ людей былъ слышанъ, гдѣ бы иногда сладкій покой, и самая любовь уступала мѣсто невиннымъ забавамъ отборнаго общества.

Греція была нѣсколько мнѣ извѣстна. Я знала долину Темпейскую въ Ѳессаліи, мѣсто прекрасное, гдѣ все веселитъ воображеніе, гдѣ чувствительной и просвѣщенной человѣкъ понимаетъ, что онъ можетъ жить одинъ съ Природою. Въ сей-то блаженной юдоли назначила я провождать свои дни. Фаонъ былъ восхищенъ моимъ выборомъ и мы отправились изъ Аѳинъ въ радостномъ восторгѣ, что промѣняли шумъ и безпокойныя разсѣяннности большаго города на тихія сельскія пріятности и философическую жизнь посреди сладкой свободы и удовольствій любви.

По прибытіи въ Гонъ, Ѳессалійской городъ, поѣхали мы водою осматривать берега Пенея, и искать домика на пріятномъ мѣстѣ, гдѣ бы намъ поселиться.

Тогда была половина весны; долина Темпейская казалась ея храмомъ. Начинается она отъ самаго города; длина ея сорокъ стадій; ширина весьма не равная; въ иномъ мѣстѣ двѣ стадіи, а въ другомъ, какъ то между Олимпомъ и Оссою, четыре. Крутоберегой Пеней протекаетъ ее спокойно, извиваясь около маленькихъ островковъ, покрытыхъ вѣчною зеленью. Чистой свѣтъ разстилался легонько по предметамъ; прохладность отъ рощей и воды умѣряли дѣйствіе солнца. Отъ подошвы холмовъ до самаго берега рѣки, вездѣ сады, вездѣ испещренные цвѣтами луга, вездѣ хоры птицъ, коихъ сладкое пѣніе мѣшается со звуками сельской свирѣли. Олимпъ и Осса представляли намъ по обѣ стороны восхитительныя картины: здѣсь виноградныя лозы, амфитеатромъ посаженныя; тамъ тополовые лѣса, яворы, великорослыя, темнолиственныя ясени, множество широкихъ водопадовъ устилаютъ горы кристалловидными скатертьми, а внизу раздѣляются на ручьи, коихъ прозрачныя

воды, нагулявшись по лугамъ, оканчиваютъ бѣгъ свой въ Пенеѣ: такъ и человѣкъ окончитъ свое теченіе въ нѣдрахъ безконечнаго Бога! Роща изъ самородныхъ деревъ отѣняетъ рѣку густыми своими вѣтьвями. Смотря на всѣ сіи красоты, я воскликнула: „Вотъ истиное услажденіе глазъ! прелестная сія долина создана для щастливыхъ сценъ любви, невинности и спокойствія!" Осмотрѣвъ берега, мы возвратились къ окрестностямъ Гона, гдѣ находилось убѣжище, котораго искали. Тутъ вышли на берегъ и прошли черезъ лавровой лѣсокъ къ подошвѣ горы Олимпа. На половинѣ ската нашли домикъ прекрасной, изъ котораго видъ простирается на поле, рѣку и городъ, разстояніемъ отъ города не болѣе двадцати стадій.

Природа истощила все на украшеніе сего жилища: не было тамъ ни мрамора, ни истукановъ, ни обелисковъ, ни великолѣпныхъ искусственныхъ купелей; зеленыя лужайки, ручьи, вертограды представляли намъ красоты не пышныя, но трогатель-

ныя. Сіе пленяющее взоры мѣсто рѣшило нашъ выборъ и исполнило наши желанія.

Тамъ-то время на быстрыхъ помчало насъ крылахъ. Одно только сожалѣніе по утекающимъ днямъ разтворяло наше благоденствіе чувствованіемъ нѣкоего безпокойствія. „Наши дни, говорила я часто Фаону, утекаютъ одинъ за другимъ, тѣснятся на подобіе Пенейскихъ волнъ; молодость наша летитъ; смерть гонится за нами скорыми шагами, но мы наслаждаемся. Истощимъ всѣ удовольствія, насытимся всѣхъ забавъ прежде, нежели посѣтитъ насъ старость, и тогда оставимъ жизнь безъ сожалѣнія, подобно какъ пирующій встаетъ изъ за пирнаго стола.“ Для перемѣны упражненій, днемъ, въ прохладной тѣни, подъ лиственными сводами, учила я своего любезнаго соглашать звуки голоса его со звуками цитры; показывала ему риѳму стиховъ, и плѣнительное искусство, соединять чувствительность и гармонію съ живостью изображеній. Для сего-то неблагодарнаго, въ жару стихотворческаго

и любовнаго восторга, сочинила я ту славную оду, которая носилась по всей Греціи, и которая будетъ еще услаждать позднѣйшее потомство(*). Въ ночи, когда безоблачное небо являетъ восхитительную картину безчисленнаго множества звѣздъ, блистающихъ сквозь неизмѣримое пространство, обращала я взоры его на сіи скитающіяся, свѣтлыя тѣла, изъясняла ему системы Астрономіи. ,,Вотъ, говорила я ему, Венерина звѣзда, которая поутру подъ именемъ Луцифера, предшествуетъ солнечной колесницѣ и блистаетъ еще, когда всѣ другія звѣзды уже сокрылись. Ввечеру, подъ именемъ Веспера, слѣдуетъ за симъ свѣтиломъ, отъ коего по самой большой мѣрѣ не удаляется никогда болѣе сорока семи градусовъ съ половиною. Великая яркость сей планеты происходитъ,

(*) Щастливъ, кто подлѣ тебя и по тебѣ одномъ вздыхаетъ, кто наслаждается удовольствіемъ слышать твой разговоръ, кому ты иногда пріятно улыбаешься: Боги могутъ ли быть его блаженнѣе . . .

какъ думаю, отъ хребта высокихъ и безплодныхъ горъ, которыми она со всѣхъ сторонъ опоясана.“ Потомъ показывала ему семь дщерей Атласа или Плеядъ, которыя весною видны у головы Тельца: Плеяды лишились брата своего, растерзаннаго львомъ, и плакали по немъ не осушая глазъ. Зевесъ тронутъ сожалѣніемъ, взялъ ихъ на небо. Иногда разсуждала я съ нимъ о фазахъ луны и ея обращеніи около земли въ двадцать семь дней съ третью. „Анаксагоръ, говорила я ему, полагаетъ, что луна обитаема. По мнѣнію Метродора, столь же безумно полагать въ безконечномъ пространствѣ одинъ только міръ, какъ и утверждать, что обширное поле не можетъ произрастить болѣе одного колоса. Эпикуръ, Демокритъ, Левкиппъ того же мнѣнія. И дѣйствительно мы видимъ шесть планетъ вокругъ солнца; всѣ сіи планеты обращаются въ своихъ кругахъ, и также, какъ земля, имѣютъ другое обращеніе около своей оси, имѣютъ неравенства, горы: почему не быть имъ обитаемымъ? Мнѣніе сихъ

великихъ Философовъ о планетахъ, зависящихъ отъ нашего солнца, распространяю я и на всѣ планетныя системы, которыми звѣзды окружены. Каждая звѣзда должна быть солнце, тѣло свѣтлое и неподвижное, окруженное конечно своими планетами, которыя также населены, какъ и земля.(*)

Necesse est, confiteare,
Esse alios aliis terrarum in partibus orbis;
Et varias hominum gentes et secla ferarum.
Lucret.

Меркурій только, думаю, не можетъ быть обитаемъ; близкость сей планеты къ солнцу подаетъ причину заключать, что жаръ въ ней нестерпимой.

Я толковала ему причину затмѣній, ужасающихъ народъ. Обращала его вниманіе на сѣверной полюсъ; мы считали вмѣстѣ блистательныя семь звѣздъ большой Медвѣдицы. Разсказывала ему преданія о нещастной Ка-

(*) Непремѣнно допустить должно, что есть во вселенной другіе міры, подобные землѣ нашей, и въ нихъ свои жители, свои животныя.

листѣ, которую ревнивая Юнона превратила въ медвѣдицу, чтобъ отнять ее у Зевеса; но сей Богъ помѣстилъ свою любезную на небѣ подъ именемъ Гелиты. Звѣзда блистающая подлѣ, есть сынъ ея Аркасъ. Онъ будучи на охотѣ, устремилъ копье на мать свою. Зевесъ, для отвращенія сего убивства, превратилъ Аркаса въ медвѣдя, и помѣстилъ его на небѣ подъ названіемъ Боотеса, или созвѣздія Арктура. Долгое время большая Медвѣдица служила путеводительницею корабельщикамъ; но послѣ того открыта ближе къ сѣверному полюсу Киносура, или малая Медвѣдица, состоящая также изъ семи яркихъ звѣздъ. Сперва звѣзды сіи были Нимфы, Зевесовы няньки во время младенчества его. Нынѣ плаватели учреждаютъ путь свой по сему послѣднему созвѣздію; а особливо по звѣздѣ полярной, которая отдѣлилась отъ прочихъ, и находится послѣднею; она кажется неподвижною отъ того, что описываетъ непримѣтно-малой кругъ, и не болѣе

удаляется отъ полюса, какъ многочто на два градуса.

Я говорила ему также о солнечныхъ и лунныхъ циклахъ, или златомъ числѣ Философа Меѳона, которое Аѳиняне велѣли вырѣзать на общенародной площади.

Въ жаркіе дни, когда полдень изливаетъ огненные ручьи на распаленную землю, мы уединялись въ обросшую мхомъ, прохладную пещеру: тамъ увѣнчаны цвѣтами, нѣжась на мягкихъ лиственныхъ ложахъ, играли на лирѣ и воспѣвали пріятности весны, Цererины благодѣянія, красоту и могущество Киприды. Морфей между тѣмъ разсыпалъ маковые свои цвѣты; наконецъ сонъ застигалъ насъ во взаимныхъ объятіяхъ. Какое блаженство! какое восхитительное сновидѣніе!... и какое страшное пробужденіе!

ГЛАВА XXXIII.

Погребенїе Сафы.

Тутъ увѣдомили насъ, что все готово къ похоронамъ. Мы тотчасъ встали и пошли. Фаноръ объявилъ жрецамъ, что онъ отрекается отъ своего намѣренія свергнуться съ горы. Представили ему присягу его Аполлону. Онъ отвѣчалъ, что хотя и далъ такую присягу, но послѣ того клялся прахомъ Сафы не сдержать ее.

Трупъ былъ уже вымытъ, бальзамированъ и облеченъ въ блистательную ризу. Онъ лежалъ у входа храма подлѣ сосуда очистительной воды, которою всѣ прикасавшїеся тѣлу омывались. Мы покрыли голову ея покрываломъ, а сверху навязали лавровой вѣнокъ, украшенной цвѣтами. Одинъ жрецъ вложилъ ей въ руку пирогъ изъ муки и меду для укрощенія Цербера, а подъ языкъ серебряную монету для заплаты Харону за перевозъ.

Тѣло пролежало выставлено такимъ образомъ весь тотъ день и всю ночь,

и приставленныя къ нему женщины стенали и выли; нѣкоторыя въ знакъ усердія рѣзали локоны волосъ своихъ, и клали ихъ въ гробъ, сдѣланной изъ кипариснаго дерева.

Выносъ назначенъ былъ, по обыкновенію, до восхожденія солнца: напереди шли флейщики, а передъ колесницею провожатые, въ черной одеждѣ, съ потупленными глазами; женщины замыкали шествіе. Такимъ порядкомъ достигли мы пригорка, гдѣ надлежало быть погребенію. Тамъ приготовили костеръ, положили тѣло лицемъ къ западу и зажгли факелами. Между тѣмъ какъ пламень пожиралъ все, что было въ безсмертной Сафѣ вещественнаго, принесли мы жертву изліянія богамъ, бросали въ огонь цвѣты, медъ, хлѣбъ, и нѣсколько изъ принадлежавшихъ покойницѣ вещей; потомъ призывали ее троекратно. Когда трупъ сгорѣлъ, то пепелъ собранъ въ урну и зарытъ въ землю. Подлѣ того мѣста поставленъ столбикъ, на которомъ вырѣзана лира, принадлежность Поэзіи съ слѣдующею эпитафіею:

,,Здѣсь лежитъ Сафо, слава нашихъ дней.
,,Плачьте Музы, плачьте Купидоны!"

Вокругъ могилы посадили мы нѣсколько вязовъ, потомъ еще призывали Сафу три раза, и сіе послѣднее прощаніе возобновило наши слезы. Бывшіе при выносѣ приглашены на похоронной пиръ; мы славили великія Сафины дарованія. По окончаніи трапезы собесѣдники всѣ цѣловались, и всякъ прощался какъ въ послѣдній разъ, какъ будто не видаться уже никогда.

Соверша обрядъ, мы пошли продолжать свое чтеніе, и сѣли у подошвы большой каменной горы, гдѣ царствовала тишина и пріятная прохлада.

ГЛАВА XXXIV.

Продолженіе Сафиной Исторіи.

Наступилъ годовой праздникъ, отправляемой въ Темпейской долинѣ въ память землетрясенія, открывшаго путь Пенейскимъ водамъ. Жители ближнихъ городовъ стекались на берега рѣки, которая вся была покрыта

плывущими вверхъ и внизъ судами. Принесены безчисленныя жертвы; воздухъ напитался благоуханіемъ куреній. Хоръ, составленной изъ отборныхъ юношей, и другой изъ прекраснѣйшихъ и знатнѣйшихъ молодыхъ дѣвицъ, неся лавровые вѣнки, пѣли поочередно священные гимны. Эхо повторяло ихъ пѣніе и радостныя восклицанія. По совершеніи обрядовъ разставлены на островкахъ, подъ тѣнью, пирные столы. На семъ праздникѣ люди возвращаются къ первобытному равенству природы. Господа и рабы ѣдятъ за однимъ столомъ, и господа прислуживаютъ рабамъ.

Такое равенство распространяетъ веселость, но подаетъ поводъ къ неблагопристойной вольности. Столы продолжались даже ночью и окончились пляскою, музыкою и другими забавами.

Посреди сего шума я потеряла Фаона, но имѣла щастіе встрѣтиться съ Ѳалесомъ Милетскимъ; онъ прогуливался съ Софистами изъ Гона и Омелиса. Сей Философъ, названной послѣ однимъ изъ семи Греческихъ

мудрецовъ, не давно возвратился изъ Египта. Я знала его въ Аѳинахъ. По взаимномъ изъявленiи обрадованiя и дружества, Софисты привели насъ въ одну ущелину горы Оссы, гдѣ, сказываютъ, Титаны осмѣлились сражаться съ Богами. Тамъ пѣнистой водотокъ съ великимъ шумомъ крутится съ камня на камень, вырываетъ и уноситъ все, что ни встрѣчаетъ. Волны его спираются, разсыпаются, поднимаются, и яростны и ревущи низвергаются вверхъ, откуда съ пущею силою кидаются въ воздухъ.

Продолжая путь, мы очутились между двухъ черныхъ горъ, совершенно безплодныхъ и представляющихъ взору по всѣмъ сторонамъ бездны неизмѣримой глубины. Сверху облака почти лежали у насъ на головѣ; внизу покоился хаосъ. Здѣсь видѣли мы груды обрушившихся отъ собственной тяжести горъ; тамъ скалы на скалахъ, громады на громадахъ. Индѣ камни страшной величины, грозящiе размозжить все, что ни застигнутъ въ своемъ паденiи; вездѣ зiяющiя

челюсти смерти; вездѣ царство ужаса. Когда мы сошли опять въ долину, то просила я Ѳалеса, чтобъ онъ разсказалъ намъ что нибудь о Египтѣ. Мы сѣли въ удаленіи отъ народа, подъ тополами, на берегу миловиднаго ручейка. Луна проливала сквозь деревъ пріятно-нѣжной свѣтъ, коего тихое блистаніе мѣшалось съ тѣнью листвій. Ѳалесъ началъ такимъ образомъ.

ГЛАВА XXXV.

Повѣствованіе Ѳалеса: примѣръ удальства на Нилѣ. О Фениксѣ.

Прежде всего раскажу вамъ одинъ очень обыкновенный, но въ разсужденіи чрезвычайной смѣлости достойный любопытства примѣръ удальства на одномъ изъ Нильскихъ пороговъ. Нилъ имѣетъ ихъ нѣсколько; въ двухъ мѣстахъ особливо вода упадаетъ съ преудивительной высоты. Въ одномъ мѣстѣ рѣка, стѣсненная въ ея желобовинѣ двумя горами, вдругъ разъяряется, пѣнится и низвергается

по скаламъ съ такимъ шумомъ, что за шестдесятъ стадій вокругъ страшно слышать. Тамошніе жители даютъ зрѣлище больше страшное, нежели забавное: они садятся двое въ челночекъ, одинъ для гребла, другой для выливанія воды. Плававъ нѣсколько времени по сердитымъ волнамъ, отдаются они на произволъ рѣки, которая съ порога бросаетъ ихъ въ пучину какъ стрѣлу. Зритель въ ужасѣ думаетъ, что они погибли; но Нилъ, возпріявъ опять свое теченіе, поднимаетъ ихъ на поверхность спокойныхъ водъ своихъ, и они продолжаютъ плаваніе веселясь и смѣючись."

Потомъ говорили мы о птицѣ *фениксѣ*, которая столь мало извѣстна и однако въ такой великой славѣ въ Греціи. Я спросила Ѳалеса, видѣлъ ли онъ ее самъ, и какого объ ней мнѣнія." Вотъ чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ во время пребыванія своего въ Мемфисѣ, отвѣчалъ онъ. Къ Царю Амазису прибылъ изъ Геліополя (*Солнцевъ городъ*) депутатъ возвѣстить явленіе новаго феникса:

,,Видѣли, Государь, какъ костеръ загорѣлся, сказалъ онъ, и въ ту самую минуту я отправился къ вамъ. Безъ повелѣнія вашего не смѣютъ прикасаться къ драгоцѣнному праху.“ Амазисъ приказалъ отъискивать въ Египетскихъ архивахъ весьма тщательно все, касающееся до этой чудной птицы. Найдено, что она появилась въ первой разъ за пять сотъ лѣтъ назадъ въ царствованіе Сезостриса. ,,Запрети, сказалъ Царь посланному, трогать пепелъ, изъ котораго фениксъ долженъ возродиться; надобно дать время Натурѣ совершить ея работу.“ Амазисово повелѣніе въ точности исполнено, и другой фениксъ явился на свѣтѣ. Я вамъ его опишу.

,,Онъ родится въ Аравіи, и живетъ отъ пяти до шести сотъ лѣтъ. Величиною съ орла; голова его украшена блистательными перьями; шея золотаго, а прочія мѣста багрянаго цвѣта; хвостъ бѣлой съ алымъ; глаза сверкаютъ какъ звѣзды. Когда обремененъ лѣтами, видитъ онъ приближеніе конца своего; то дѣла-

етъ гнѣздо изъ корицы и ароматическихъ смолъ; заключаетъ себя въ это гнѣздо и умираетъ. Изъ его костей и мозжечка раждается червь, которой становится другимъ фениксомъ. Первое попеченіе новорожденнаго воздать отцу своему почести погребенія. Дѣлаетъ онъ изъ мирры нѣкоторой родъ яица или шара, соразмѣряетъ величину его и тягость своей силѣ, и пытается многократно поднимать его: потомъ дѣлаетъ внутри пустоту, кладетъ въ него трупъ своего отца и весьма старательно замазываетъ отверстіе миррою и другими ароматами; тогда беретъ эту драгоцѣнную ношу, и летитъ съ нею въ городъ Геліополь, сожечь ее на алтарѣ Солнца.—Описаніе ваше великолѣпно, сказала я Ѳалесу; но возметесь ли вы увѣрять меня, что фениксъ подлинно существуетъ?—Натура такъ отъ насъ закрыта, столько имѣетъ непроницаемыхъ таинствъ, что безразсудная была бы дерзость, отрицать все, равно какъ непростительная была бы простота, вѣрить всему.

У насъ на островѣ Косѣ, есть драгоцѣнной червь, которой выпускаетъ изъ себя очень тонкое вещество, и тянетъ нити, употребляемыя на богатыя ткани. Этотъ червь подобно фениксу возраждается изъ самаго себя. Выпустивъ шелкъ, дѣлаетъ онъ скорлупу, въ которой погребается. Когда эта скорлупа лопнетъ, то выходитъ изъ нее червь, превращается въ бабочку, и снесши нѣсколько яицъ, умираетъ. Естьли положишь яица на солнце: то вылупаются изъ нихъ молодые червячки, которые нѣсколько времени питаются листьями шелковичнаго дерева; потомъ выпускаютъ шелкъ до тѣхъ поръ, пока все вещество истощится; послѣ чего заключаются въ своихъ оболочкахъ. По моему мнѣнію фениксъ не имѣетъ ничего чудеснаго.—Надобно имѣть теплую вѣру.— По крайней мѣрѣ не должно ничего отвергать рѣшительно, по той одной причинѣ, что намъ не случилось этого видѣть. Я полагаю даже, что законъ, которой обязываетъ дѣтей воздавать почтеніе набальсамленному

трупу родителей своихъ, взятъ Египтянами съ примѣра феникса. Правда, что дѣти могутъ отдавать этотъ трупъ въ залогъ заимодавцамъ, однакожь съ тѣмъ, чтобъ не оставлять его долго въ чужихъ рукахъ. Преступниковъ лишаютъ самихъ погребенія."

Блистаніе зари прекратило игры, пляску и повѣствованіе Ѳалеса, которой насъ оставилъ. Я нашла Фаона; и мы пришли домой весьма довольны праздникомъ.

И дѣйствительно я не видывала зрѣлища ни пріятнѣе, ни живѣе. Многочисленность и разновидность судовъ, которыми рѣка была покрыта; великое стеченіе и веселость народа; пляски и музыка; столы въ тѣнистыхъ кусточкахъ, на пестрыхъ лужайкахъ; гармонные концерты складныхъ голосовъ и пѣніе птицъ; тысячи разныхъ группъ и самыхъ прелестныхъ полевыхъ картинъ; все восхищало воображеніе, все вливало въ душу сладкія движенія. Фаонъ былъ всякой разъ въ восторгѣ, когда говорилъ о семъ праздникѣ."

На семъ мѣстѣ кончилась первая половина рукописи. Другая начиналась такимъ образомъ: ,,Дѣвы Геликонскія! Не лишайте меня вашего вдохновенія: предпринимаю увѣковѣчить Фаоново преступленіе; но ослушная рука моя трепещетъ, содрогается. Подайте мнѣ силы продолжать мое повѣствованіе.

На другой день праздника Фаонъ пошелъ въ городъ. Я не вывела изъ того никакого заключенія; подозрѣніе не легко вкрадывается въ благородную душу. Слѣдующій день провелъ онъ со мною; но я замѣтила въ видѣ его что-то принужденное. Казалось мнѣ, что онъ задумчивъ. Я подумала, что онъ нездоровъ; но его увѣренія меня успокоили. Довѣренность моя сдѣлала его смѣлѣе; мало по малу началъ онъ отлучаться чаще. Безпокойствіе овладѣло мною; но я скрыла свои подозрѣнія, и стала примѣчать всѣ его дѣйствія. Состояніе духа его не долго могло утаиться. Я скоро увидѣла скуку, нетерпѣливость его и ложные предлоги, которыми онъ оправдывалъ свои от-

сутствія. Измѣна сдѣлалась очевидною. Ядъ ревности закипѣлъ въ моихъ жилахъ. Чѣмъ болѣе я притворялась, тѣмъ несноснѣе мнѣ было мученіе мое. Напослѣдокъ не выдержала я, чтобъ не сдѣлать ему однажды выговора за его частыя отлучки. Онъ сослался на болѣзнь Мелисса, друга своего; изобразилъ мнѣ самыми живыми красками опасность его положенія, и сколько смерть въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ должна быть горька. Познайте легковѣріе любовниковъ: съ какимъ удовольствіемъ они сами себя обманываютъ! или лучше сказать, познайте благородную простоту души моей! Я повѣрила сему вымыслу; увѣщавала его даже, чтобъ онъ продлилъ попеченія о другѣ своемъ. Должности дружества, говорила я ему, столько же священны, какъ и должности любви! Однимъ вечеромъ, по возвращеніи его, показался онъ мнѣ очень безпокоенъ и озабоченъ; когда я спросила его о причинѣ такого смущенія, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что Мелиссу становится очевидно хуже; что вра-

чи отчаяваются о его жизни, и что онъ намѣренъ итти къ нему, какъ только настанетъ утро, но къ обѣду возвратится домой. Увы! я хвалила его усердіе! Онъ отправился на разсвѣтѣ. Не знаю, какой Богъ, или какой злой духъ внушилъ мнѣ мысль итти ему на встрѣчу. Самой день былъ таковъ, что манилъ наслаждаться удовольствіемъ гулять. Солнце закрыто было облаками. Я шла съ Гомеромъ въ рукахъ. На дорогѣ попался мнѣ Ѳалесъ. Но, о удивленіе! вмѣстѣ съ нимъ увидѣла я Мелисса, того умирающаго друга, которому Фаонъ посвящалъ свое время, и которой однакожь былъ такъ здоровъ, какъ только можно быть здорову! Медузина голова не произвела бы дѣйствія столь скораго: я то краснѣла, то блѣднѣла. Ѳалесъ примѣтя мое смятеніе, заключилъ изъ того, что онъ мнѣ въ тягость. Я тотчасъ поправилась, и увѣрила его, что нетолько неотягощаетъ онъ меня, но еще очень одолжитъ, ежели отобѣдаетъ у меня съ другомъ своимъ Мелиссомъ. Они

согласились, и мы всѣ трое пошли ко мнѣ.

Около обѣденнаго часа вышла я на встрѣчу Фаону, и скоро его увидѣла. Онъ бѣжалъ запыхавшись, весь въ поту. Измѣнникъ пошелъ изъ города сколько могъ позже. Я спросила его о здоровьѣ Мелисса. „Болѣзнь очень опасна, отвѣчалъ онъ; однакожь врачи подаютъ нѣсколько надежды.—О! я увѣрена, что онъ не умретъ, и что твои объ немъ безпокойства скоро прекратятся.“ Я прибавила къ тому съ видомъ покойнымъ, что у насъ обѣдаютъ два гостя.

ГЛАВА XXXVI.

Ѳалесовы правила, Анекдотъ о Солонѣ. Изобрѣтеніе стекла. Саво узнаетъ имя своей соперницы. Окончаніе Сафиной Исторіи.

Фаонъ окаменѣлъ, увидя Мелисса. Такъ земледѣлатель, пораженной молніею, бываетъ обезумленъ, когда, возставъ отъ земли, видитъ убитыхъ тѣмъ же ударомъ воловъ своихъ. Я вкушала злостную радость,

смотря на его страданіе. Между тѣмъ сѣли за столъ, и я овладѣвъ собою, поддерживала и оживляла разговоръ.

Ѳалесъ говорилъ о моральныхъ и философическихъ предметахъ. Между прочимъ онъ выдалъ одно ненавистное правило, которое оспоривала я всею своею Діалектикою. Сіе правило состояло въ томъ, что „*надобно жить съ друзьями какъ съ людьми, которые нѣкогда могутъ сдѣлаться намъ врагами.*„ Другія правила его были гораздо похвальнѣе. „*Труднѣе всего знать самаго себя; всего легче совѣтовать другому, и всего пріятнѣе совершеніе своихъ желаній.*„ Онъ присовокуплялъ къ тому: „*чтобъ жить хорошо, надобно воздерживаться отъ того, что находишь порочнымъ въ другихъ. Блаженство тѣла состоитъ въ здравіи, а блаженство ума въ знаніяхъ.*" Я спросила его, для чего онъ не женатъ? „Солонъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, посѣтивъ меня въ Милетѣ, сдѣлалъ мнѣ такой же вопросъ; я промолчалъ. Нѣсколько дней спустя представилъ я Солону человѣка, которой сказалъ о себѣ, что онъ не давно пріѣхалъ

изъ Аѳинъ. Солонъ спросилъ его о Аѳинскихъ новостяхъ: мнимой пріѣзжій, будучи уже пригошовленъ, отвѣчалъ, что нѣтъ ничего новаго, кромѣ смерти одного молодаго человѣка, при выносѣ котораго былъ весь городъ, потому что отецъ его, которой гдѣ-то въ отлучкѣ, Аѳинской гражданинъ, и почитается пречестнѣйшимъ человѣкомъ.—Ахъ, вскричалъ Солонъ; какъ этотъ нещастной отецъ жалокъ! Не знаете ли вы, какъ звали покойника?—Имя его я позабылъ, помню только, что всѣ хвалили отца за мудрость и справедливость.“ Каждой отвѣтъ усугублялъ ужасъ чадолюбиваго родителя. „Не Солоновъ ли это сынъ, спросилъ онъ съ трепетомъ,— Да, да; такъ точно, теперь я вспомнилъ.“ Солонъ терзаетъ на себѣ одежду, поражаетъ грудь свою, предается самой крайней горести. Тогда я взялъ его за руку и сказалъ ему смѣючись: успокойся; все это выдумано. Понимаешь ли теперь, для чего я не хотѣлъ жениться.“ Я не одобрила Ѳалесова наставленія, потому что Философія

не того отъ насъ требуетъ, чтобъ мы отказывали себѣ въ пріятныхъ вещахъ по той единственно причинѣ, что можемъ ихъ потерять; но учитъ насъ только сносить утрату великодушно.

Между тѣмъ Фаонъ сгорая отъ стыда, въ смущеніи, отважился, чтобъ скрыть свое смятеніе, промолвить нѣсколько словъ по случаю одного хрустальнаго сосуда, которымъ Ѳалесъ любовался. Онъ спросилъ его, извѣстно ли ему, какимъ образомъ найденъ составъ стекла? „Мы обязаны этимъ изобрѣтеніемъ случаю отвѣчалъ Ѳалесъ. Продавцы селитры проѣзжая черезъ Финикію, остановились на берегахъ рѣки Бела, стали варить мясо, и не нашедъ камней, подложили подъ котлы большіе куски селитры, которая смѣшавшись съ пескомъ и распалясь отъ огня, растопилась. Вышла изъ того свѣтлая и прозрачная жидкость, ссѣлась, какъ скоро остыла, и произвела слитокъ.“

На зло Фаону разговоръ зашелъ о простудномъ насморкѣ, которой тогда ходилъ по городу. Я нарочно,

чтобъ его помучить, спросила Мелисса, имѣлъ ли онъ эту болѣзнь? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; я никогда не былъ боленъ, и думаю что обязанъ тѣмъ привычкѣ одѣваться очень легко, и по примѣру Спартанъ не бояться погоды.“ Я взглянула на Фаона; онъ подобенъ былъ истукану; стыдъ и униженіе потупили чело его. Сколько ложь подла, когда спадетъ съ нея личина! Фаонъ былъ въ такомъ замѣшательствѣ, такъ убитъ, что мнѣ стало жаль его; я перемѣнила рѣчь и начала говорить о прошедшемъ Темпейскомъ праздникѣ. Меллисъ выхвалялъ молодыхъ дѣвицъ, которыя украшали оной своимъ присутствіемъ, и спросилъ Фаона, кого онъ предпочитаетъ изъ двухъ: Филоному или Ѳеагену. Фаонъ смутясь, отвѣчалъ, что на мѣстѣ Париса онъ въ превеликое пришелъ бы затрудненіе; но кажется, примолвилъ онъ, что Филонома должна взять преимущество по своему росту. *Меллисъ.* Ростъ Ѳеагены хотя и менѣе, однакожь она стройнѣе, легче и проворнѣе. *Фаонъ.* Согласенъ: но въ Филономѣ

есть что-то плѣнительное, чего недостаетъ Өеагенѣ: въ ея обращеніи болѣе любезности и веселости. *Меллисъ.* Өеагена, напротивъ того имѣетъ лице болѣе значительное; въ глазахъ ея болѣе чувствительности, а въ осанкѣ прелестей. *Фаонъ.* Можетъ быть; но Филонома ослѣпляетъ съ перваго взгляда; она живой образъ наслажденія; прелести ея воспламеняютъ воображеніе. *Меллисъ.* Прелести Өеагены дѣйствуютъ надъ серцемъ; естьли она покоряетъ не такъ скоро, то по крайней мѣрѣ вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли. *Фаонъ.* У Филономы глаза прекрасные, наполнены огня и живости. *Меллисъ.* У Феагены глаза голубые; въ нихъ болѣе кротости и тонкости." Я прекратила сей споръ; онъ начиналъ тяготить меня. Мнѣ не трудно было отгадать свою соперницу: Фаонова осторожность, когда онъ говорилъ о Өеагенѣ, и похвалы его Филономѣ все доказывало мнѣ, что онъ влюбленъ въ первую. Заключеніе мое вышло справедливо. Между тѣмъ, долговременное принужденіе при спорнихъ

людяхъ стновилось для меня несшерпимо. Наконецъ день началъ склоняшься къ вечеру, и госши мои меня осшавили.

Ужасная минуша для Фаона! Измѣнникъ не смѣлъ поднять глазъ; онъ сидѣлъ потупя взоръ. Мы пробыли долгое время безмолвны. Наконецъ спросила я его, какимъ чудомъ Эпидаврской Богъ возврашилъ въ нѣсколько часовъ здоровье умирающему его другу? Фаонъ продолжалъ молчать; глаза его были усшремлены въ землю. Такое мучишельное сосшояніе духа шронуло меня. Осшавя насмѣшки, сшала я упрекашь его во лжи, въ неблагодарносши, въ любви къ Ѳеагенѣ, къ Ѳеагенѣ вскричалъ онъ!—Да, обманщикъ! да, къ Ѳеагенѣ! Осмѣлься сказашь, чшо эшо неправда. Неблагодарной! шо ли я заслужила ошъ шебя? Того ли Сафо, безсмершная Сафо, должна была надѣяшься? Какое жалкое, какое низкое упошребилъ шы лукавсшво! какимъ подлымъ человѣкомъ долженъ шы казашься самому себѣ! Прекрасное шоржесшво обмануть женщину сшолько довѣрчивую, сшолько велико-

душную, что она всегда стыдилась подозрѣвать! Посмотримъ; докажи, что я ошибаюсь; докажи мнѣ мое заблужденіе, мою несправедливость; говори, оправдывайся, можетъ быть тебѣ удастся обмануть меня еще.“ Фаонъ въ смущеніи, краснѣе Тирскаго багреца, перервалъ наконецъ молчаніе. Онъ признался въ своемъ преступленіи, приписалъ всю вину временному обольщенію чувствъ; просилъ прощенія, обѣщался не видаться никогда съ Ѳеагеною. „Можешь ли ты въ этомъ поклясться? — Клянусь Афродитою и самимъ Аполлономъ, естьли я нарушу свою клятву, то пусть сей богъ пронзитъ меня своими стрѣлами, какъ змѣя Пиѳона.“ Говоря такимъ образомъ, лежалъ онъ у ногъ моихъ, клялся мнѣ въ вѣрности. Въ глазахъ его блистало столько любви, въ голосѣ было столько чувствительности; мнѣ такъ пріятно было простить ему, что я простила. Остатокъ дня прошелъ въ сладостяхъ примиренія. Когда мы разстались, Венерина звѣзда спускалась уже за горизонтъ. „Видишь, сказала

я ему, эту планету которою управляетъ Пафосская Богиня; ты взялъ ее во свидѣтельство своей вѣрности, она слышала твои клятвы; естьли нарушишь ихъ, трепещи ея мщенія." При сихъ словахъ онъ улыбнулся, и нѣжно сжимая меня въ своихъ объятіяхъ подтвердилъ обѣщаніе любить меня до послѣдняго своего вздоха. Я отвѣчала ему слезами, ласками, и оставила его, будучи благополучна и спокойна, какъ прежде.

Не задолго передъ тѣмъ досада и ревность, а потомъ любовь и примиреніе произвели такое волненіе въ моей крови, что сонъ отъ глазъ моихъ удалился. Я пошла ходить, скитаться по полю. Луна, сіе свѣтило нѣжныхъ и чувствительныхъ сердецъ, сребрила поверхность водъ и разстилала по землѣ тихой и сладкія чувствованія внушающій свѣтъ. Увѣнчанная звѣздами Ночь прокатывала свою колесницу посреди глубокаго безмолвія; Природа вся покоилась. Уже начинала я дышать свободно; уже душа моя отворялась пріятной надеждѣ; казалось, что любовь и спокой-

ствіе согласились утвердить мое блаженство; но увы! измѣна и вѣроломство летали невидимо надъ моею головою, и приосѣняли меня мрачными своими крылами. Едва слабое блистаніе у вратъ востока возвѣстило присутствіе Авроры, я вошла въ свою храмину, и принялась писать разговоръ свой съ Ѳалесомъ. Потомъ начала гимнъ Венерѣ. При голосѣ Музъ нѣкая непонятная тишина втекла въ мои жилы; сердце мое отдохнуло. Такъ земледѣлецъ трудами и жаромъ утомленный, забываетъ свои муки, внимая пѣнію соловья. Наконецъ зѣницы мои отягчились, и я пошла насладиться благодѣтельнымъ и покойнымъ сномъ.

Солнце совершило уже треть своего теченія, когда я проснулась. Первая мысль моя была освѣдомиться о Фаонѣ: отвѣчаютъ, что онъ вышелъ очень рано. Я ожидала его возвращенія съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; полдень палилъ землю, а онъ еще не бывалъ. Нетерпѣливость овладѣла мною: побѣжала, ищу его, зову; вездѣ молчаніе, эхо лишь одно

дерзаетъ повторять его имя. Сіе уединеніе, сіи дикія пустыни наводятъ на меня ужасъ. Растрепана, внѣ себя, палима солнечными лучами, вышедъ изъ силъ, бѣгу черезъ поля; взлѣзаю на пригорки, на скалы; посѣщаю тѣ блаженныя и тихія убѣжища, гдѣ любовь упояла меня своими сладостями; тамъ нахожу мракъ и безмолвіе. Наконецъ обезсилена, въ поту, трепещуща отъ горести и страха, возвращаюсь домой. Увы! я льстилась еще надеждою найти своего любезнаго. Подаютъ мнѣ отъ него письмо: рука моя трясется, я вся дрожу; развернула, читаю. Вѣроломной! Клятвопреступникъ! Онъ возводитъ вину свою на Боговъ, приписываетъ имъ свою измѣну: какъ будто Боги могутъ быть творцами злодѣянія! Смертная блѣдность покрыла мое лице; я стояла безгласна и бездыханна. Бросились подать мнѣ помощь; я пришла въ себя; ни одна слеза не канула изъ глазъ моихъ. Между тѣмъ день померкъ; я побѣжала въ лѣсъ; скитаюсь, плутаю. Свѣтило ночи, красно какъ кровь, являлось у пре-

дѣловъ земли. Я возопила: ,,Геката, страшная Геката! не медли, ступай отмщать за меня! Но прежде скрой несносной свой свѣтильникъ: облекись въ самыя темныя завѣсы. Увы! все противъ меня! Какъ продолжаетъ она свой путь посреди блистательныхъ звѣздъ, которыя за нею слѣдуютъ! Какая тишина! Природа нечувствительна!" Тогда увидѣла я на рукѣ своей запястье изъ волосовъ невѣрнаго: схватила его, растерзала, истоптала, изорвала въ куски. Посреди сего изступленія, посреди адскихъ мукъ, окончилась наконецъ должайшая изъ ночей. Я отправилась на разсвѣтѣ въ Гонъ. Намѣреніе мое было увидѣть еще разъ измѣнника, пролить на него весь свой гнѣвъ и презрѣніе, и кто знаетъ? можетъ быть зарѣзать его въ объятіяхъ моей соперницы. Вхожу къ Ѳеагенѣ: ни ее, ни Фаона нѣтъ; они скрылись. ,,Куда? кричала я, куда? Я послѣдую за ними до самой глубины Тенара." Ни кто не зналъ, по какой дорогѣ они отправились. Я занемогла горячкою; разсудокъ мой помутился. Въ безпамятствѣ твер-

дила безпрестанно о мщеніи, объ измѣнѣ, о кинжалахъ. Увы! кто тому повѣритъ? Чтобъ успокоить меня, надобно было произнести имя Фаоново, и тотчасъ лице мое становилось свѣтлѣе. Когда я пришла въ себя, то сказали мнѣ, что я у Софиста Зенона. Сей сострадательной и великой человѣкъ велѣлъ перевести меня къ себѣ. Онъ увѣдомилъ меня, что богопротивной союзъ соединилъ Ѳаона съ Ѳеагеною; совѣтовалъ мнѣ прибѣгнуть къ разсудку, вооружиться твердостью и забыть неблагодарнаго. При семъ извѣстіи впала я опять въ мрачное бѣшенство, молила Боговъ о мщеніи, призывала Немезиду, призывала Фурій; Мудрый Зенонъ, по примѣру Пиѳагора и Эмпедокла употребилъ для преодоленія отчаянія моего пріятность Музыки. Онъ окружилъ одръ мой искусными музыкантами; примѣчалъ, какое расположеніе звуковъ достигаетъ до души моей, и приказывалъ оныя повторять. Не знаю, что подѣйствовало, гармоніи ли волшебная власть, или сама благодѣтельная Натура; но

мало по малу бѣшенство мое прошло; однакожь я впала въ дикую задумчивость. Въ семъ ужасномъ состояніи, повергшись предъ Богами, проливала денно и нощно потоки слезъ. Зенонъ слѣдовалъ Эпикуровой Философіи; онъ твердилъ мнѣ безпрестанно, что „разсудокъ единый Богъ, отъ котораго можно надѣяться помощи; что небожители, существа безстрастныя, не мѣшаются въ наши дѣла, а и того менѣе въ любовныя.“ Сія система, отлучающая насъ отъ Неба, оставляющая слабыя наши силы безъ подпоры, безъ утѣшенія, не могла быть пріятна сердцу преогорченному: она казалась мнѣ ненавистною. „Ахъ! вскричала я; оставь меня въ надеждѣ, что Зевесъ, что вышній Богъ накажетъ преступленіе и наградитъ добродѣтель! Какое останется утѣшеніе честному человѣку, злыми подавленному, естьли отвратишь отъ него взоры Божества, естьли будущее не станетъ ему представлять никакого возмездія? Ахъ, Зенонъ! вѣрь мнѣ: религія узелъ общества и подпора добродѣтели.“ Какъ скоро

силы мои нѣсколько оправились, то я поѣхала изъ Гона. Я оставила тихое свое убѣжище, и отправилась по слѣдамъ вѣроломнаго. Узнавъ, что онъ въ Сициліи, полетѣла туда. Достигла мѣста пребыванія его; вхожу: онъ былъ одинъ, и держалъ ту самую лиру изъ слоновой кости, которую получилъ отъ меня. Жестокой не стыдился пѣть ту арію, которой я его учила: Какъ скоро онъ меня увидѣлъ, лира выпала изъ рукъ его; онъ поблѣднѣлъ, потупилъ глаза и казался мрамору подобенъ. Я сама была въ такомъ замѣшательствѣ, что долго не могла произнести ни одного слова; сердце мое замерло. Наконецъ ободрясь, начала упрекать его, но со всею нѣжностью, въ неблагодарности, въ измѣнѣ; изобразила ему страданія, которымъ онъ меня предалъ. Онъ не отвѣчалъ. Побѣждена любовію, о униженіе! бросилась я къ ногамъ его, просила у него обратно горячности его, щастливыхъ дней моихъ, моего любовника, моего супруга. Наконецъ онъ осмѣлился сказать, что торжествен-

ные и священные узы соединили его навсегда съ Θеагеною. „Какіе узы, вскричала я, могутъ быть священнѣе тѣхъ, которые соединяютъ тебя со мною! Или не знаешь, что еще прежде нещастной твоей страсти къ Θеагенѣ, ты уже былъ связанъ честію, благодарностію и любовію!“ Увы! произнося сіи слова, я орошала ноги его слезами. Но преступленіе подавило въ душѣ его раскаяніе и всякую чувствительность. Онъ имѣлъ варварство объявить мнѣ рѣшительно, что не можетъ растаться съ Θеагеною. Тогда, не въ силахъ будучи сдержать своего бѣшенства, бросила я на него страшной взглядъ, и вышла, въ намѣреніи отправиться въ Левкадъ, или погибнуть, или истребить изъ сердца своего воспоминаніе о семъ чудовищѣ. Скоро, или или переплыву Коцитъ, или муки мои прекратятся.“ Такъ окончивалась рукопись безсмертной Сафы. Внизу была Ода ея руки, а передъ Одою находились слѣдующія слова:

„Божественная лютня! исполни мои „желанія, вырази волненіе души моей! „Се ты Каллопа! .....“

ОДА.

О! ты, душа Природы, источникъ утѣхъ и слезъ, Киприда! отмсти за меня! рази, карай клятвопреступника!

Мегера, Тизифона, блѣдныя Стикскія Божества! на измѣнника, которой меня оставляетъ, мечите раздраженныхъ вашихъ змѣй.

Ахъ! Естьли бы вранъ Промеѳеевъ изгрызъ и растерзалъ его сердце! Да размученная тѣнь его утомитъ адъ своими стенаніями!

Увы! что вѣщаю? . . . О Киприда! пощади моего любовника! Лишенная разсудка, въ отчаяніи, проклинаю его, и въ то же время проливаю по немъ слезы.

Да живетъ онъ щастливъ, естьли возможно, естьли возможно ему забыть объ нашей любви, естьли вопль грызущей совѣсти не содѣлаетъ всѣхъ дней его печальными!

Но мнѣ, великіе Боги! мнѣ, коея жизнь подобна мрачному зимнему дню; мнѣ, отъ которой надежда отлетѣла быстрѣе молніи, мнѣ, любовницѣ нещастной, осужденной на страданія во цвѣ-

тѣ своихъ лѣтъ, мнѣ осталось только умереть.

А ты, возлюбленная лира! пріятная подруга утѣхъ моихъ, отдыхай! Муза моя умираетъ, пріими вѣчное мое прощаніе!

Умремъ: пойдемъ на черный брегъ! Щастлива бы я была, естьли бы унеся въ сердцѣ своемъ образъ Фаоновъ, могла говорить объ немъ мертвымъ.

По окончаніи чтенія мы пошли на могилу сей нещастной, посыпали ее цвѣтами, сдѣлали обыкновенныя изліянія и препоручили тѣнь ея Богамъ-Хранителямъ умершихъ. Послѣ мы узнали, что Митиляне, соотечественники ея, велѣли вычеканить на своей монетѣ ея изображеніе. Мы простились съ Сиціонцами, которые вылѣченные отъ любви, а особливо отъ охоты испытать скочокъ съ горы Левкадской, возвратились въ свое отечество.

ГЛАВА XXXVII.

Намѣреніе Антенора и пріятеля его путешествовать. Они посѣщаютъ Скептическаго Философа.

Я предложилъ Фанору сопутствовать мнѣ въ Дельфы для вопрошенія Оракула, а оттуда въ Лаконію, куда влекло меня желаніе посмотрѣть знаменитой Аѳинской соперницы, сей гордой Спарты, коей нравы и неустрашимость были тогда удивленіемъ вселенной. Фаноръ принялъ предложеніе мое съ отмѣннымъ удовольствіемъ: я начиналъ ему нравиться, а притомъ такое же любопытство подстрекало и его; онъ надѣялся, что Пиѳія откроетъ ему книгу судебъ.

Мы отправились въ Халкидъ и переѣхали черезъ рѣку Ахелой, славную боемъ съ Геркулесомъ за Деяниру. Ахелой избѣгая пораженія, превращался то въ змѣя, то въ быка; но Геркулесъ, одолѣвъ его троекратно, оторвалъ одинъ изъ его роговъ, и принудилъ искать убѣжища въ вол-

нахъ. Ахелой для полученія обратно своего рога, уступилъ побѣдителю рогъ Амалѳеинъ, или рогъ изобилія.

Чѣмъ болѣе удалялись мы отъ Левкада, Фаноръ становился отчасу милѣе. Забавной, пріятной и любезной его характеръ, уже неотуманенной нещастною страстію, начиналъ оказываться. Онъ шутилъ уже, говоря о невѣрности прекрасной Ѳеаны, и смѣялся отъ чистаго сердца, вспоминая пощечины, которыми приласкалъ беззубыя челюсти своей тетушки, и музыку Баппа, когда онъ его давилъ. Столько то основательны бываютъ по большей части причины нашихъ горестей! Мы сокрушаемся иногда о такихъ мѣлочахъ, что нѣсколько времени спустя, сами прежде всѣхъ смѣемся мнимымъ своимъ нещастіямъ и удивляемся своей слабости.

Мы часто шли пѣшкомъ, останавливались на каждомъ пріятномъ мѣстоположеніи, отдыхали подъ тѣнью деревъ, обѣдали и ужинали подлѣ ручейковъ, и сильной аппетитъ приправлялъ нашу пищу. Такимъ обра-

зомъ прибыли мы въ Халкидъ веселы, довольны настоящимъ и беззаботны о будущемъ.

Изъ Халкида отправились въ Амфиссу. Фаноръ зналъ въ семъ городѣ одного друга отца своего, по имени Лакида, Скептическаго Философа, уроженца Киренскаго. Онъ былъ ученикомъ Аркесила, и преемникомъ его въ Академіи. Лакидъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, тонкой и худощавой; на головѣ не имѣлъ ни одного волоска. Онъ принялъ насъ учтиво и ласково; взялъ за руку въ знакъ довѣренности, самъ шелъ передъ нами и велѣлъ отвести насъ въ купальню; служанки пришли обмыть намъ ноги (*). Когда мы вышли изъ

(*) Страннопріимство почиталось у Грековъ за главную и Богамъ пріятную добродѣтель. Прежде всего отваживали гостя въ купальню и велѣли ему обмыть ноги. Первое хозяйскія дочери исполняли сами, а послѣднее служанки. Потомъ угощали его девять дней. До сего срока, по правиламъ учтивости того времени, не льзя было полюбопытствовать о причинѣ его прибытія.

купальни, что Лакидъ сказалъ намъ: „Въ этомъ свѣтѣ все сомнительно: однакожъ быть можетъ, что вы честные люди; прошу остаться у меня, пока вамъ угодно; только позвольте мнѣ заниматься по нѣскольку часовъ ученіемъ: жизнь состоитъ единственно въ обработываніи разсудка и въ употребленіи всѣхъ умственныхъ способностей. Знанія суть источники, изъ которыхъ истекаетъ благополучіе."

Столъ Скептическаго Философа былъ лучше того, которымъ угощалъ насъ Пиѳагорикъ. Онъ обѣщался однакожъ накормить насъ еще слаще у друга своего Біона, ежели мы согласимся посѣтить его. „Біонъ мудрецъ Эпикуровой секты, сказалъ Лакидъ: онъ живетъ за городомъ." Мы приняли сіе предложеніе съ великимъ удовольствіемъ: Біонъ былъ славенъ своими Идилліями, которыя по множеству прелестныхъ полевыхъ картинъ по легкому и пріятному стихотворенію, и по слову чистому и красивому, достойно почитаются въ числѣ лучшихъ произведеній сего рода.

Послѣ ужина Лакидъ говорилъ съ нами о своихъ мнѣніяхъ и о мнѣніяхъ Пиррона, главы Скептиковъ. „Я обучалъ двадцать пять лѣтъ въ садахъ Академіи, сказалъ онъ; но меня оставили и перешли къ Эпикуру, которой проповѣдывалъ сласти душевныя и чувственныя. Одно изъ главныхъ правилъ нашего училища есть удерживать свое сужденіе, и никогда не отваживаться ни на какое рѣшеніе. Посмотрите въ окно; что вы на этомъ пригоркѣ видите? — Стадо барановъ. — А я такъ не смѣю сказать, есть ли тутъ хотя одинъ баранъ: это можетъ быть не иное что, какъ обманъ Оптики. Посредствомъ сомнѣнія Скептикъ достигаетъ того спокойствія души, которое мы называемъ Атараксіею. Пирронъ, будучи на кораблѣ въ самую страшную бурю, смотрѣлъ на смерть покойнымъ окомъ; а какъ такое равнодушіе не нравилось его товарищамъ, то онъ сказалъ имъ: „Видите ли этого животнаго, на концѣ корабельнаго носа; оно ѣстъ не заботясь ни объ чемъ; такъ безстрастенъ дол-

женъ быть Любитель мудрости.“ Сей великой Философъ жилъ въ одномъ домѣ съ своею сестрою, и вмѣстѣ съ нею занимался хозяйствомъ, ходилъ на рынокъ, прибиралъ комнаты, и словомъ сказать, исполнялъ всѣ должности служанки. Когда кто изъявлялъ ему удивленіе, что онъ принимаетъ на себя такія низкія работы, то Пирронъ отвѣтствовалъ, что въ глазахъ умнаго человѣка всѣ должности равны, и что по его мнѣнію одно упражненіе не унизительнѣе другаго. Лакидъ присовокупилъ къ тому, что жить и умереть есть одно и то же. Фаноръ спросилъ его, для чего же онъ не умираетъ. „Для самой той причины, что между жизнью и смертью нѣтъ никакой розницы.“ Въ ту самую минуту одинъ невольникъ разбилъ сосудъ. Скептикъ разсердился и сталъ бранить его. „За что вы досадуете на вашего невольника, спросилъ я его?—Развѣ не видишь, какой прекрасной сосудъ онъ разбилъ?—Я вижу разбитой сосудъ; но можетъ быть это не иное что, какъ обманъ Оптики. Сверхъ того

Атараксія. . . — Дома, другъ мой, мы поступаемъ по другимъ правиламъ, нежели какимъ учимъ въ училищѣ.“

Разговоръ обратился на пороки и несправедливость людей. „Я одного мнѣнія съ Пирронoмъ, сказалъ нашъ хозяинъ: справедливость и несправедливость дѣяній зависитъ единственно отъ уставовъ человѣческихъ и обыкновенія; нѣтъ ничего такого, чтобъ само по себѣ было честно или предосудительно.“ Мы очень жарко оспоривали ученіе столь опасное. Лакидъ продолжалъ: „Мы къ познанію истинны не имѣемъ никакого средства: разсудокъ, чувства, воображеніе, все какъ пребывающее въ насъ, такъ и видимое нами внѣ, обманываетъ насъ; нѣтъ ни одного предмета, которой бы трогалъ двухъ человѣкъ, или одного человѣка въ двѣ разныя минуты одинакимъ образомъ: послѣ этого, что думать объ разсудкѣ? Сверхъ того во снѣ мы видимъ предметы такъ явственно, какъ будто они существуютъ: кто же можетъ насъ увѣрить, что наша жизнь не безпрестанной сонъ?“ Сія

система показалась намъ столь безразсудною, что мы едва не почли Скептика нашего сумасшедшимъ: но когда онъ сталъ разсуждать о другихъ предметахъ, то говорилъ такъ хорошо, такъ справедливо, показалъ столько знаній, что не возможно было не признать его за человѣка съ самымъ здравымъ разумомъ. Когда мы пошли спать, то я сказалъ ему, что мы видѣли во снѣ вкусной ужинъ, и хозяина прелюбезнаго, съ которымъ время провели очень пріятно. „А мнѣ, отвѣчалъ онъ, также снилось, что я васъ угощалъ отъ добраго сердца, и что по крайней мѣрѣ раздѣлялъ съ вами ваше удовольствіе.“

Онъ разбудилъ насъ очень рано, чтобъ итти къ другу его Біону. „Вы увидите, сказалъ онъ, Піита-Философа, великаго любителя полей, которыхъ онъ рѣшился никогда не покидать. Можно сказать объ немъ, что онъ, воспѣвая сельскія забавы, выражаетъ подлинныя свои чувствованія. Онъ очень богатъ, и, что весьма рѣдко, умѣетъ богатствомъ сво-

имъ пользоваться. Жизнь ведетъ самую пріятную, и распространяетъ свое благополучіе на всѣхъ окружающихъ его. По истеченіи года раздѣляетъ остатки отъ своихъ издержекъ служителямъ своимъ и невольникамъ; онъ никогда не отказалъ въ денежной помощи честному человѣку. Впрочемъ онъ въ уединеніи своемъ не одинъ; съ нимъ живетъ подруга очень любезная, гораздо моложе его, и которая составляетъ все его блаженство. Ея приключенія достойны любопытства; Біонъ разскажетъ вамъ ихъ самъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Прибытіе ихъ къ Біону. Образъ жизни и мнѣнія сего Философа. Они представлены Θеофаніи.

Когда мы пришли къ Біону, то сказали намъ, что онъ въ ближней рощѣ. Мы пошли туда, и за нѣсколько шаговъ отъ рощи увидѣли разсѣянное стадо. „Біонъ не далеко, сказалъ Лакидъ; вотъ его стадо... да вотъ

и онъ." Мы увидѣли старика довольно бодраго, но въ шакомъ странномъ нарядѣ, что никакъ не льзя было почесть его за Стихотворца Біона. Онъ былъ одѣтъ какъ пастухъ: на головѣ его, побѣленной лѣтами, лежалъ тополовой вѣнокъ; опирался на украшенной цвѣтами посошокъ; котомка билась у него по плечамъ; собака его бѣжала за нимъ. Онъ поклонился намъ очень пріятно, и примѣтя, что мы смотримъ на него съ удивленіемъ, сказалъ: „Вижу, что мой нарядъ кажется вамъ чуднымъ; но дурно или хорошо, только въ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду я сдѣлался пастухомъ. Повѣрьте, что это состояніе не хуже ни какого; по крайней мѣрѣ что касается до меня, то не промѣнялъ бы я своей жизни ни на Царской санъ. Я подражаю учителю своему Аполлону, съ тою разницею, что пасу собственное свое стадо. Однакожъ становится жарко; вы устали, пойдемте искать убѣжища. Между тѣмъ я прикажу, чтобъ любезные мои гости не имѣли недостатка ни въ чемъ. Хотя хозяинъ

вашъ пастухъ , но не кореньями одними питается , и пьетъ не молоко одно.“ Тогда онъ сдѣлалъ знакъ своей собакѣ , чтобъ она собрала стадо ; и мы всѣ , пастухъ , собака и бараны пошли одною шайкою. Біонъ для шутки задралъ Лакида: онъ спросилъ его , живемъ ли мы дѣйствительно. ,,Это всего неизвѣстнѣе , отвѣчалъ Скептикъ.“ Тогда Философъ-Пастухъ ударилъ его сильно кулакомъ ; Лакидъ закричалъ. ,,Какой вздоръ, сказалъ Біонъ! этотъ ударъ тебѣ приснился; всего не извѣстнѣе, живу ли я!,, Мы всѣ смѣялись поразительной силѣ такого аргумента ; и самъ Скептикъ не находя , что отвѣчать , принужденъ былъ шутить вмѣстѣ съ нами.

Біонъ , загнавъ свое стадо , повелъ насъ въ молочню. ,,Мы тамъ найдемъ, сказалъ онъ , любезную Психею ; она теперь приготовляетъ масло. Слово Психея означаетъ у насъ ласку , и дано мною по причинѣ сходства ея съ Купидоновою любовницею (*) ; на-

(*) *Психея* на Греческомъ языкѣ значитъ *душа* : она изображалась съ бабочкою,

стоящее же имя прелестницы моей Ѳеофанія; въ ней нашелъ я подлинный кладъ. Наши лѣта не очень близки: моя душа обитаетъ уже въ развалинахъ, а Ѳеофанія въ цвѣтѣ своего восраста. Смѣю однакожь надѣяться, что она меня любитъ. Я имѣлъ щастіе оказать ей важную услугу, и за то награжденъ ея дружбою: объ этомъ раскажу вамъ за обѣдомъ. Не желая употребить во зло ея благодарности, пришелъ я къ ней однимъ утромъ съ письменнымъ актомъ, которымъ укрѣплялъ ей состояніе свободное и безбѣдное. „Теперь, сказалъ я, ты не должна бояться нищеты; ты можешь жить въ независимости. Естьли уединеніе со мною тебѣ не противно, ты будешь моею благодѣтельницею; присутствіе твое усладитъ мою жизнь. Естьлижъ бесѣда старика, котораго скоро постигнетъ дряхлость, можетъ огорчить красные твои дни, то ты свободна. Никакое одолженіе,

---

летающею около нее. Апулей и ла-Фонтень описали ея исторію.

никакая благодарность, не налагаетъ обязанности жертвовать собою или своею свободою." Чувствительная Психеина душа поклялась мнѣ въ ненарушимой привязанности. Мы удалились въ это уединенное мѣсто, и живемъ здѣсь уже два года; а я еще не помню, чтобъ кто изъ насъ почувствовалъ хотя однажды скуку или отвращеніе."

Мы вошли тогда въ молочню, и представлены Біономъ молодой его Богинѣ. Она приняла насъ какъ Грація, съ тою плѣнительною пріятностію, которая идетъ прямо къ сердцу, и которой невозможно пріобрѣсти искусствомъ. Съ перваго на нее взгляда Фаноръ и я пришли въ восторгъ. Лакидъ примѣтя то, спросилъ Фанора, какъ она ему кажется?—Мечтою самою пріятною, обманомъ Оптики прелестнымъ; я лучше желаю видѣть во снѣ Ѳеофанію, нежели барановъ." Біонъ сдѣлалъ мнѣ такой же вопросъ. „Это не Ѳеофанія, сказалъ я ему; это сама Психея: тоже привлекательное и выразительное лице, тѣже черные глаза,

тотъ же острой и нѣжной взглядъ, словомъ сказать, тѣже всѣ прелести."

Въ этой похвалѣ не было конечно ничего увеличеннаго. Представьте себѣ живое начертаніе небеснаго существа. Окладъ лица самой прекрасной, черты, въ которыхъ всѣ чувствованія нѣжной любовницы и всѣ склонности добродѣтельной женщины казались сліянны; росту была высокаго, станъ имѣла стройной и гибкостью камышу подобной. Сладкой, ласкательной голосъ ея проникалъ до изгибовъ души. Она, какъ сказалъ Біонъ, била масло и поднесла намъ отвѣдать; будучи приготовлено такою рукою, оно показалось намъ пищею Боговъ. Біонъ помогалъ ей въ семъ упражненіи. „Вамъ кажется странно, сказалъ онъ смѣючись, что философъ, воспитанникъ Музъ, занимается такими мѣлочами, ведетъ такой образъ жизни; но я жалѣю только объ одномъ, что началъ его поздо. Пастушья эта жизнь была жизнью нашихъ праотцевъ: прочти Омера, найдешь тысячу тому при-

мѣровъ. Въ Сиріи, въ Сициліи, есть еще и нынѣ люди свободнаго состоянія, которые занимаются пасьбою, и въ праздные часы сочиняютъ и поютъ простыя, но милыя пѣсенки. Увы! здѣсь только я нашелъ то блаженство, котораго искалъ долго въ обманчивыхъ стезяхъ мірскихъ суетъ! Я былъ, какъ и всякой другой, игралищемъ человѣческихъ глупостей: мучимъ щщеславіемъ, мѣлкими страстями, жертвовалъ собою людскому мнѣнію три четверти своей жизни; какъ будто не совѣсть умнаго человѣка должна быть первымъ судіею дѣлъ его! Я проводилъ дни свои, идучи всегда противу самаго себя, борясь безпрестанно съ своими склонностями, и удаляясь отъ цѣли, которой желалъ достигнуть. Напослѣдокъ свергъ иго заблужденій; увидѣлъ, что уединеніе пристанище мудраго. Не говорю уединеніе такое, чтобъ не видать живой души; крайности показываютъ всегда или слабость, или изступленіе ума; я еще въ свѣтѣ для тѣхъ, которыхъ люблю; уклоняюсь только отъ зна-

комствѣ, которыя мнѣ тягостны, и отъ разговоровъ, которые мнѣ скучны; ищу пріятнаго обхожденія съ друзьями; грубая забава и суровая добродѣтель равно мнѣ противны; я созидаю себѣ невинныя и тихія увеселенія. Въ старости покой первое благо. Я живу въ деревнѣ для того, что здѣсь все представляетъ веселые виды, все говоритъ душѣ и чувствамъ. Какъ шалость, такъ и любомудріе хороши при умѣренности. Въ мои лѣта слабость чувствъ и уныніе ума наклоняютъ естественно къ угрюмости: должно преодолѣвать это расположеніе духа, равно какъ въ молодости надобно ограничивать невоздержность. Я всячески стараюсь раздувать угасающій свѣтильникъ своей жизни. Хотѣлъ бы я имѣть право сказать, какъ одинъ Эпикуровой секты Философъ: лѣта могутъ меня утащить, но не иначе какъ рака, то есть задомъ.

Вотъ расположеніе нашего дня: поутру, естьли небо чисто, я и Θеофанія выгоняемъ свое стадо; когда солнце взойдетъ, ищемъ убѣжища въ лѣ-

су; тамъ, въ прохладной тѣни, Ѳеофанія соглашаетъ пріятные звуки голоса своего съ бряцаніемъ своей лиры, между тѣмъ какъ я, нѣжно разметавшись подлѣ нее, сочиняю свои Идилліи; иногда читаемъ Геродота, или Ѳукидида; иногда повторяемъ сцены изъ Софокла или Эврипида; то, увѣнчанны розами, поемъ Анакреонтовы пѣсни. Въ прекрасные лѣтніе дни часто обѣдаемъ въ рощахъ и питаемся только молокомъ и плодами; а въ сумерки, когда тѣнь начнетъ мрачить буераки, загоняемъ свое стадо, идемъ гулять, наслаждаемся еще пріятностью перемѣны, и оканчиваемъ день ужиномъ, понѣжнѣе ужиновъ Улисса и Агамемнона. Этотъ Царь царей, по повѣствованію Омера, присутствуя на вечерней трапезѣ у Аякса, отпотчиванъ жаренымъ воломъ, а Улиссовъ пиръ у добраго Эвмея состоялъ изъ двухъ жареныхъ свиней. Можетъ быть образъ жизни моей кажется вамъ такъ же страненъ, какъ и нарядъ мой; но будьте увѣрены, что первая странность, главная нескладица человѣческаго ума,

быть вѣчно рабомъ и жертвою людскихъ обычаевъ и предразсудковъ.“ Тогда вошелъ къ нему одинъ служитель спросить его, гдѣ и въ которомъ часу онъ хочетъ ужинать. „У меня нѣтъ, сказалъ намъ Біонъ, ни опредѣленнаго мѣста, ни опредѣленнаго часа для трапезы; мнѣ всѣ тѣ смѣшны, которые приказываютъ своему аппетиту быть въ готовности къ такому-то времени. Животныя ѣдятъ, когда голодъ ихъ побуждаетъ. Что касается до моей столовой, то и въ томъ еще удалился я отъ обыкновенія; моя столовая вездѣ: то на холмикѣ, то въ кусточкахъ, то подлѣ ручейка, а чаще всего въ одномъ гротѣ, которой мы очень любимъ. Такимъ образомъ привычка никогда не портитъ нашихъ забавъ. *Перемѣна* есть стихія человѣка. Сегодня вы должны выбирать мѣсто.“ Мы сказали, что отдаемся во власть Психеи, и положено ужинать въ гротѣ.

Входъ въ него былъ довольно тѣсенъ; но внутренность представляла просторную круглую храмину, изсѣченную изъ каменной горы. Вмѣ-

сто боковыхъ оконъ сдѣлано въ срединѣ свода большое отверзтіе, частою рѣшеткою покрытое. Свѣтъ проникалъ* самой нѣжной, и пріятной холодокъ дѣлалъ сіе убѣжище въ жаркіе дни неоцѣненнымъ. Мы нашли тамъ ложи простыя, но покойныя.

ГЛАВА XXXIX.

Ужинъ. Пѣніе.

Кушанье было самое вкусное: подали намъ очень хорошій хлѣбъ изъ чистѣйшей пшеницы, на молокѣ и маслѣ съ солью замѣшанной. Поставлены были Аѳинскія оливки, финики и славные Наксосскіе миндали. Выборъ блюдъ и винъ показывалъ лакомство и вкусъ хозяина. Передъ каждою перемѣною смывали столъ морскими губками. Мы ѣли съ маленькихъ тарѣлокъ; Біонъ раскладывалъ самъ. Сосуды, изъ которыхъ мы пили, были разной величины. Принесли намъ вѣнки, мы возложили ихъ себѣ на голову, на грудь и на руки.

Удивительно мнѣ показалось, что подлѣ прекраснѣйшихъ сосудовъ и позолоченаго серебра стояли простые горшки изъ самой грубой глины. Я не могъ удержаться, чтобъ не спросить Біона, на что эта выставка бѣдности? „На то, отвѣчалъ онъ мнѣ, чтобъ имѣть всегда передъ глазами прежнее свое состояніе, и не забыть, что было время, когда такіе точно горшки украшали мой столъ.“

За ужиномъ Ѳеофанія взяла миртовую вѣтвь и цитру, и блеснувъ прелестными окружностями бѣлыхъ рукъ своихъ, пробряцала начинъ; потомъ пролила сладкой голосъ свой, и поглашая себя звуками мусикійскаго орудія, воспѣла нещастія Психеи.

Между тѣмъ каждой изъ насъ, въ ожиданіи развязки, устремя вниманіе, удерживая дыханіе, безмолвенъ, неподвиженъ, принималъ всѣ тѣ впечатлѣнія, какія Ѳеофанія хотѣла произвесть. То сладко-упоенная душа наша гуляла по прелестнымъ рощамъ, и наслаждалася блаженствомъ Психеи; то болѣзненно пораженная скор-

бѣла о ея нещастіи, страдала вмѣстѣ съ нею подъ тяжестью Афродитина гнѣва. Ѳеофанія слушала наши похвалы, уклоня свой взоръ съ благородною скромностью. Желая перемѣнить рѣчь, она сказала намъ, что недавно Біонъ сочинилъ на себя маленькую пѣсенку, которую поетъ всегда съ великимъ удовольствіемъ. ,,Спою, спою! но только изломаннымъ и хриплымъ своимъ голосомъ, кричалъ онъ; а не такимъ, какой бывалъ у меня въ молодые мои годы: тогда голосъ я имѣлъ полной и звонкой; но ,,*Я побѣжденъ временемъ; уступаю обидамъ его.*"

ПѢСНЯ:

Бѣдной Біонъ! какъ участь твоя нещастна! Посмотрись въ зеркало: ты истлѣваешь; нѣтъ уже волосъ; а которые кой-гдѣ и остались, тѣ зима побѣлила сѣдинами. Бѣдной Біонъ! ты состарѣлся.

Увядшее твое чело, покрытое морщинами, оледѣняетъ и Смѣховъ и Амуровъ: Амуры, столь пріятные, столь вѣроломные, оставляютъ тебя навсегда.

Увы! не знаю, старѣюсь ли я? Я беру дни безъ щета. Знаю только, что чѣмъ далѣе утекаешь отъ зари, которая освѣщала первую нашу любовь, тѣмъ лучше должно наслаждаться малымъ остаткомъ дней своихъ.

Поучительная Біонова пѣсенка намъ очень понравилась. Мы напомнили ему, что онъ обѣщался разсказать намъ, какой милостивой Богъ помогъ ему найти любезную его подругу. „Охотно. Принесемъ жертву изліянія Богамъ, и потомъ я сдержу мое слово.

ГЛАВА XL.

Какимъ образомъ Біонъ нашелъ Ѳеофанію.

Я былъ въ Милетѣ, Іонійскомъ городѣ, гдѣ небо всегда чисто, всегда ясно; гдѣ Меандръ катитъ свои струи по прелестнымъ лужайкамъ, подъ тѣнью высокихъ тополовъ, описывая множество излучинъ, которыя замедляютъ и украшаютъ его теченіе. Эта рѣка пользуется драгоцѣннымъ преимуществомъ: молодыя дѣвушки за

нѣсколько дней до замужства, предлагаютъ ей первыя свои ласки, и богъ Меандръ столько милостивъ, что удостоиваетъ ихъ иногда своего ложа. Въ этой прелестной и сластолюбіе внушающей странѣ ни объ чемъ не помышляютъ, кромѣ забавъ и любви. Тамъ все нѣжитъ чувства, все дышетъ роскошью; учатся размножать удовольствія, изобрѣтать повсечасно новыя сладости; но не рачатъ объ удовольствіяхъ ума и сердца, которыя и сладостнѣе и продолжительнѣе, и съ которыми удовольствія чувствъ никогда поравняться не могутъ. Веселіе конечно великое благо; но оно не можетъ быть состояніемъ обычайнымъ и неизмѣннымъ. Покой, миръ съ собою и съ другими: вотъ цѣль, къ которой стремиться долженъ всякой чувствительной и благоразумной человѣкъ; эта философія учителя моего Эпикура.

Въ одинъ прекрасной зимній день я обѣдалъ за городомъ; столъ продолжился; и когда я пошелъ домой, то было уже темно. За нѣсколько стадій отъ города встрѣтился я съ двумя

человѣками; они въ великой тревогѣ спросили меня, не попалась ли мнѣ на дорогѣ одна молодая девушка, и услышавъ, что нѣтъ, пошли далѣе. Недалеко оттуда маленькая моя собачка остановилась противъ плетня, которымъ дорога была огорожена; потомъ испужавшись прибѣжала ко мнѣ и начала визжать и лаять изо всей силы. Хотя я былъ уже старъ, но имѣлъ еще довольно крѣпости и смѣлости. Съ одною палкою въ рукѣ иду къ плетню; собака визжитъ и лаетъ еще пуще; хочу перелезать, но грязной ровъ меня останавливаетъ. Вдругъ поднимается изъ за плетня что-то похожее на человѣка... страшилище. Сперва подумалъ я, что это тѣнь, убѣжавшая изъ Тартара; но скоро по нѣжному и трогательному голосу узналъ, что то была молодая, нещастная женщина. „Кто бы ты ни былъ, честной человѣкъ! воскликнула она ко мнѣ съ такимъ выраженіемъ скорби, что вся внутренность сердца моего подвиглась. Заклинаю тебя именемъ Боговъ, спаси меня отъ смерти.„ Я перепрыгнулъ черезъ ровъ.

Какое зрѣлище! вижу женщину почти нагую, съ младенцемъ на рукахъ; грудь ея, лице, и длинные растрепанные волосы были забрызганы кровью и грязью; отъ стужи она почти окоченѣла, всѣ члены ея дрожали. Я стоялъ въ нерѣшимости. Замѣтя мой страхъ, она упала на колѣни, показала мнѣ своего робенка, подняла глаза къ небу и молила меня о жалости, о человѣколюбіи. ,,Кто ты, спросилъ я ее?—Повѣсть нещастій моихъ будетъ продолжительна, отвѣчала она. Я едва дышу; прежде возврати мнѣ жизнь, и потомъ удовольствую твое любопытство.,, Нерѣшимость моя исчезла: я обернулъ ее въ свою эпанчу; одною рукою повелъ мать, а на другую взялъ робенка. Она была очень слаба; я поддерживалъ, ободрялъ ее; но скоро силы оставили ее совершенно: она упала въ обморокъ. Я не зналъ, что дѣлать; напослѣдокъ рѣшился взвалить ее на плеча, и съ сею ношею добрался, хотя съ трудомъ, до Милета, уставъ чрезвычайно. Тотчасъ велѣлъ я развести огонь, и далъ ей

крѣпительное питье. Увидя, что она тяжело ранена въ руку, перевязалъ рану, велѣлъ отвести ее въ купальню и послалъ ей одежду. Какъ описать вамъ мое удивленіе, когда я увидѣлъ ее послѣ купальни? безобразная женщина превратилась въ божество. Я и прежде примѣтилъ, что глаза у нее прекрасны; но всѣ прочія части лица были такъ замараны, такъ черны, что я никакъ не представлялъ себѣ, найти эту любезную куколку, которую вы видите, такою прелестницею. Она бросилась къ ногамъ моимъ, благодарила меня; я поднялъ ее, хвалилъ ея красоту, говорилъ, сколько почитаю себя щастливымъ, что имѣлъ случай оказать ей услугу. Мы сѣли за ужинъ, и когда хорошее вино и питательная пища подкрѣпили наши силы, то я попросилъ ее, чтобъ она разсказала мнѣ свои приключенія... Но я не хочу лишить васъ удовольствія слышать ихъ отъ самой Ѳеофаніи. Вечерняя звѣзда уже взошла; воздухъ очень пріятенъ; пойдемте на этотъ пригорокъ: тамъ есть дерновыя

лавки; пока вы станете слушать, я выпущу свое стадо.,,

Мы вышли изЪ грота. Любезная Психея на нѣсколько времени оставила гостей. БіонЪ заигралЪ на своей свирѣли, и тотчасЪ все стадо прибѣжало; блеяніе овецЪ и ягнятЪ раздавалось по лощинѣ; одинЪ большой баранЪ шелЪ важною выступкою напереди; двѣ собаки бѣжали по сторонамЪ для наблюденія порядка и повиновенія. Идучи, БіонЪ указывалЪ намЪ пріятности и красоты сада своего. ,,СадЪ Алкиноя, сказалЪ я, о которомЪ ОмерЪ сдѣлалЪ такое великолѣпное описаніе, былЪ, вЪ сравненіи сЪ вашимЪ, не иное что, какЪ садЪ пастуха, а вашЪ не сдѣлалЪ бы стыда Царю ѲеакійцевЪ.—ВЪ молодости своей, когда еще бѣдность меня угнетала, я желалЪ только одного изЪ четырехЪ АлкиноевыхЪ водометовЪ и нѣсколько десятинЪ его огорода. Но страсть кЪ изящному и всѣ затѣи, которыя могутЪ сдѣлать жизнь пріятнѣе, вкрадываются помаленьку вЪ душу и утоняютЪ вкусЪ. Милость ли это, или дурной пода-

рокъ Натуры? оставляю рѣшить нашимъ великимъ Метафизикамъ, которые будутъ конечно между собою несогласны. — Но какимъ образомъ, родяся въ бѣдности, и не будучи честолюбцемъ, составили вы себѣ такое прекрасное состояніе?,, Тогда Лакидъ сказалъ Біону: ,,Ты долженъ позабавить гостей своихъ повѣстью твоей жизни, или лучше сказать, перемѣны твоего состоянія.—Взойдемте прежде на пригорокъ; а тамъ, въ ожиданіи Ѳеофаніи, я разскажу нѣкоторыя изъ моихъ приключеній.

ГЛАВА XLI.

Біонова Исторія.

Отечество мое Смирна. Первые мои дни ознаменованы чрезвычайнымъ происшествіемъ: непріятель овладѣлъ городомъ въ расплохъ; устрашенные жители выбѣжали другимъ концемъ. Въ этой сумятицѣ кормилица моя покинула меня на открытомъ полѣ.

Но какой-то Богъ хранилъ жизнь мою. На плачь мой, на крикъ прибѣ-

жала коза, которая не давно объягнилась, дала мнѣ титьку, отогнала собакъ и другой скотъ, и долго служила мнѣ вмѣсто матери. По отшествіи непріятеля жители всѣ возвратились въ свои домы. Нѣсколько женщинъ, идучи по полю, увидѣли меня и удивились, что я еще живъ. Нѣкоторыя хотѣли дать мнѣ грудь, но я отворотился и началъ кричать пронзительнымъ голосомъ. Бѣдная коза прибѣжала, и я тотчасъ бросился сосать ее. Женщины изумясь и обрадовавшись, смотрѣли на эту сцену съ восхищеніемъ. Послѣ того всякой разъ, когда надобно было приманить эту козу, надлежало только возбудить мой крикъ.

Отецъ мой былъ ученикъ Эпидаврскаго Бога, и человѣкъ умной; но занимался болѣе забавами общества, нежели ремесломъ своимъ. Онъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство нѣсколько врачебныхъ книгъ, одинъ списокъ Омеровыхъ сочиненій, Эскулаповъ грудной истуканъ, ящичекъ съ портретами и волосами своихъ любовницъ, и весьма малую сумму денегъ.

Я взялъ деньги и Омера, а заимодавцамъ оставилъ всѣ прочія книги, Эскулапа и драгоцѣнной ящикъ. Въ Аѳины пришелъ я, какъ Віасъ, неся весь свой бытъ за плечами. Будучи молодъ, охотникъ до забавъ, страстенъ къ ученію, бредя безпрестанно стихами, всегда на высотахъ Парнасса, попиралъ я всѣ сокровища, и предпочиталъ одну Аполлонову улыбку всему богатству Крезову. Однакожь напослѣдокъ нужда, которая бываетъ иногда очень неугомонна, доказала моей философіи, что и деньги не дурная вещь, и что не худо, хотя изрѣдка, поливать Геликонскіе цвѣты Пактольскою водою. Но я былъ такого мнѣнія, что ежели любителю мудрости и позволяется для снисканія богатства жертвовать нѣкоторою частью своей жизни, то по крайней мѣрѣ періодомъ весьма краткимъ; и что ненасытная алчность къ золоту и всегдашнее стяжаніе заключаютъ душу въ тѣсной кругъ и угашаютъ въ ней пламень просвѣщенія.

Слава о Діонисіи Сиракузскомъ разнеслась по всей Греціи: вездѣ крича-

ли о несмѣтныхъ его сокровищахъ, вездѣ превозносили его могущество, вездѣ области его почитались пристанищемъ наукъ и художествъ. Я вознамѣрился отправиться къ его двору и вломиться въ храмъ Фортуны. Платонъ снабдилъ меня одобрительными письмами. Громкое имя этого великаго мужа доставило мнѣ отличной пріемъ. Скоро сдѣлался я участникомъ всѣхъ Діонисіевыхъ забавъ, и мало помалу стихами своими и веселостью пріобрѣлъ его довѣренность.

Тогда-то я узналъ, что этотъ самовластной повелитель Сициліи, этотъ гордый владыка, котораго каждое слово было законъ, всякой взглядъ благодѣяніе или смерть; что этотъ самой Діонисій, посреди всей своей власти, изобилуя всѣми дарами фортуны, былъ можетъ быть нещастнѣе послѣдняго изъ своихъ подданныхъ: забота, ужасъ, подозрѣніе, грызеніе совѣсти, всѣ эміи обитали въ позлащенныхъ его чертогахъ. Никому не безъизвѣстенъ анекдотъ

о Дамоклѣ; всякъ разсказываетъ его по своему; но вотъ истинное бытіе, которому я самъ былъ свидѣтелемъ.

ГЛАВА XLII.

Анекдотъ о Дамоклѣ.

Діонисій далъ народу праздникъ. Многія тысячи толпились на площади предъ дворцемъ. Тиранъ преходилъ отъ одного окна къ другому, а Дамоклъ, одинъ изъ самыхъ безстыдныхъ придворныхъ льстецовъ, слѣдуя за нимъ какъ тѣнь, приговаривалъ: „Государь, какъ ты щастливъ! весь этотъ народъ, всѣ сокровища, все, на что ни взглянешь. . . твое.„ Онъ такъ часто повторялъ одно и тоже, что Діонисій, которому неискусная лесть его напослѣдокъ наскучила, вышедъ изъ терпѣнія, сказалъ ему: „Хочу, чтобъ ты этого щастія отвѣдалъ: дѣлаю тебя Царемъ на сутки. Давай праздникъ, назначай гостей. Діонисій придетъ къ тебѣ въ лицѣ твоего подданнаго, и то, есть-

ли ты захочешь позвать его." Я сокращу. Дамоклъ вошелъ въ пирную палату, увязанъ діадимою, окруженъ тѣлохранителями и главными чиновниками. Превосходной хоръ игралъ торжественныя пѣсни. Мы шли за Діонисіемъ, замѣшавшись въ толпѣ. Щасшливой Дамоклъ возлегъ на великолѣпномъ ложѣ подъ балдахиномъ, изъ драгоцѣнной червени съ золотыми и серебряными звѣздами; рама и шишки были цѣльнаго золота. Юноши отъ знатнѣйшихъ сѣмействъ предстояли ему для услуги: Во время трапезы, устроенной изъ самыхъ нѣжнѣйшихъ яствъ, искусная пѣвица взяла лиру и воспѣла любовныя утѣхи. Воспитанникъ Музъ поднесъ ему похвальные стихи. Какъ скоро новой Монархъ отверзалъ уста, то всѣ внимали ему съ безмолвнымъ подобострастіемъ, и всякъ отъ его великаго ума казался изумленнымъ. Когда онъ умолкалъ, то начали прославлять великія достоинства его, добродѣтели и кроткое правленіе. Словомъ сказать, все услаждало и вкусъ и душу Дамокла; онъ плавалъ

въ удовольствіи. Но вдругъ видитъ у себя надъ самою головою острой мечь, повѣшенной на одномъ лошадиномъ волоскѣ. Вь минуту послѣдовала перемѣна во всемъ его бытіи: веселіе помутилось, охота къ ѣдѣ пропала. Какъ его ни величали, сколько ни выхваляли ему пищу и вино, которое подлинно было самое рѣдкое; ухо и желудокъ его равно сдѣлались нечувствительными. Онъ безпрестанно взглядывалъ на мечь. Діонисій, весь дворъ и мы всѣ помирали со смѣху. Наконецъ Дамоклъ, измученной страхомъ, посреди своего величія сталъ просить, чтобъ ему позволено было сложить свой санъ. Такимъ эмблематическимъ урокомъ Діонисій показалъ намъ положеніе Тирановъ въ нѣдрахъ роскоши и пышности.

ГЛАВА XLIII.

Продолженіе Біоновой Исторіи

Однажды нашелъ я Діонисія въ мрачной задумчивости: я хотѣлъ удалиться, но онъ меня остановилъ. „Греческой мудрецъ! сказалъ онъ мнѣ; дознался ли ты, въ чемъ состоитъ благополучіе, и гдѣ оно? — Вотъ, отвѣчалъ я, Анаксагоровъ отвѣтъ одному вельможѣ, которой спрашивалъ его, кто есть человѣкъ благополучной? *Не тотъ, которой, навьюченъ почестями и сокровищами, благополучнымъ кажется простолюдимамъ; но тотъ, которой воздѣлываетъ маленькую ниву, и къ земледѣльческимъ трудамъ своимъ присовокупляетъ нечестолюбивое обхожденіе съ Музами. Его скромная наружность, его спокойное лице, не являютъ сильныхъ движеній радости; но радость у него въ сердцѣ.* Припомню вамъ еще прекрасную Кранторову басню: онъ выводитъ на сцену Богатство, Услажденіе чувствъ, Здоровье и Добродѣтель: каждое изъ че-

тырехъ дѣйствующихъ лицъ требуетъ преимущества. *Богатство*, говоритъ: я вышнее благо; за деньги купишь все. *Услажденіе чувствъ:* предпочтеніе принадлежитъ мнѣ по тому, что богатства желаютъ для полученія меня. *Здоровье:* безъ меня нѣтъ услажденія чувствъ, и богатство безполезно. *Добродѣтель:* я важнѣе всего, потому что при богатствѣ, при услажденіи чувствъ и при здоровьи можно быть очень нещастнымъ, естьли будешь вести себя дурно. Добродѣтель получила яблоко. — Басня очень замысловата; но Крантор мог бы сказать еще справедливѣе, что вышнее благо есть соединеніе четырехъ соперницъ: добродѣтели, здоровья, богатства и услажденія чувствъ. Впрочемъ и Крантор и Анаксагоръ правы: на самой высотѣ величія, утопая въ нѣгѣ и роскоши, я скучаю своею жизнію, и часто нахожу себя нещастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Наставь меня, мой другъ; скажи, гдѣ найти хотя малую долю этого благополучія, о которомъ всѣ твердятъ, и которымъ

однакожь рѣдкіе похвалиться могутъ? Что бы ты сталъ дѣлать на моемъ мѣстѣ? — Я бы убѣжалъ изъ этого обширнаго дворца; промѣнялъ бы Царской санъ на званіе простаго гражданина и человѣка; поѣхалъ бы жить въ Аѳины, въ этотъ рай земной, гдѣ царствуютъ Художества, Философія, просвѣщеніе, вкусъ и вольность; купилъ бы загородной домикъ, сталъ бы садить, сѣять, строить; обходился бы съ людьми любезными, съ Философами; выбралъ бы себѣ маленькой кругъ пріятелей; распространялъ бы свое благоденствіе на всѣхъ своихъ домашнихъ; и благонравенъ, безъ угрюмости, Философъ не вдаваясь въ системы, любитель словесности не для чванства, другъ всѣхъ забавъ не противныхъ тонкому вкусу, и уединенъ, а не мизантропъ, ожидалъ бы зари послѣдняго дня своего въ сладкой безпечности. — Ты меня восхищаешь. Брошу этотъ скипетръ, которой опасности и муки окружаютъ, и съ сего же времени начну помаленьку заготовлять себѣ убѣжище. Между тѣмъ помолчи. Приходи

завтра поутру; мы подумаемъ, какъ бы мнѣ удобнѣе исполнить мое намѣреніе. Я оставилъ его радуясь, что привелъ въ разумъ такого человѣка, какъ онъ, и пріобрѣлъ Философіи Царя.

На другой день пришелъ я къ нему въ назначенной часъ, и засталъ его посреди многочисленнаго двора, котораго онъ принималъ поклоны и подлыя ласкательства. Онъ взглянулъ на меня съ милостивою улыбкою, и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я подождалъ. Когда толпа разошлась, то онъ началъ разсказывать мнѣ, какой блескъ хочетъ дать своему государству; говорилъ о войнѣ, которую намѣревался предпріять противу Карѳагенцовъ, о вооруженіи сухопутныхъ и морскихъ силъ, и ни слова, о чемъ говорено было наканунѣ. Я стоялъ выпуча глаза. Когда онъ удовлетворилъ своему тщеславію и кончилъ исчисленіе будущихъ своихъ завоеваній, то я усмѣхнувшись сказалъ ему: ,,Надѣюсь, Государарь, что въ быстрое теченіе вашихъ подвиговъ пощадите вы по крайней мѣрѣ городъ

Аѳины, которой вчерась еще такъ великодушно предлагалъ вамъ убѣжище. — Понимаю. Я одумывалъ нашъ разговоръ. Но всякому своя судьба. Знаю, что діадима окружена острыми иглами, что Философъ благополучнѣе Царя; однакожь надобно еще нѣсколько лѣтъ потрудиться; послѣ чего ничто уже не помѣшаетъ мнѣ жить для себя и наслаждаться въ нѣдрахъ покоя, въ объятіяхъ Музъ, всѣми удовольствіями жизни и пріобрѣтенною славою. — Смѣю ли спросить, которой вамъ годъ? — Шестьдесятъ два года. — И такъ всякой годъ, всякой день, которой вы еще живете, должно почитать уже за милость. — Какъ это? — На вашу долю приходитъ теперь всего навсего отъ двадцати двухъ до двадцати трехъ лѣтъ жизни: по общей сложности это долгота человѣческаго вѣка. Сверхъ того, по исчисленіямъ средняго продолженія жизни для каждаго возраста, вамъ остается жить не долѣе, какъ лѣтъ девять или десять. — А когда участокъ мой такъ малъ, то мое намѣреніе прихватить отъ

чужаго, и пожить на щетъ ближняго, доколѣ будетъ возможно." Намъ помѣшали. Вышедъ отъ Діонисія, подумалъ я, что какъ для него, такъ и для большей части людей плоды мудрости и благополучія родятся на чужестранныхъ деревахъ, которыхъ они не умѣютъ выращать.

Теперь скажу вамъ, какимъ образомъ я разбогатѣлъ. Діонисій, алкая всякаго рода славы, пожелалъ еще одержать поверхность и въ стихотворствѣ и ристаніи на колесницахъ; и въ этомъ намѣреніи отправилъ на Олимпійскія позорища торжественное посольство. Оно состояло изъ нѣкотораго числа отборныхъ чтецовъ, у которыхъ голосъ былъ самой чистой и звонкой, и многихъ колесницъ, заложенныхъ въ четыре лошади. Юпитеровы жертвенники покрылись отъ имени его богатыми дарами. Такое великолѣпіе и прекрасной голосъ чтецовъ привлекли на нѣсколько времени вниманіе Грековъ; но скоро стихи оказались негодными; не стало терпѣнія слушать; ропотъ начался; чтецы и Піитъ освистаны.

Обида и презрѣніе доведены до того, что разграблены и опрокинуты посольскіе шатры. На ристалищѣ послѣдовала такаяжъ неудача; колесницы, отъ неискусства возниковъ, изломались одна о другую; и къ вящшему нещастію корабль, на которомъ возвращались посланные съ остатками своихъ сокровищь, разбился подлѣ Италійскихъ береговъ. Діонисій, сраженный стыдомъ, пробылъ нѣсколько дней запершись, ѣлъ одинъ и допускалъ къ себѣ весьма немногихъ. Меня онъ позвалъ на другой уже день. Я былъ въ превеликомъ недоумѣніи, съ какимъ лицемъ ке нему подступить и какъ приняться утѣшать самолюбиваго Піита, у котораго были арміи въ повелѣніяхъ. Не хотѣлось мнѣ послѣдовать примѣру Поликсена и добиться, чтобъ меня посадили въ ломню. Я предсталъ съ печальнымъ видомъ, туманенъ, какъ человѣкъ, котораго ведутъ на висѣлицу. Сначала говорили мы кой о чемъ постороннемъ; а потомъ Діонисій, съ такимъ же пасмурнымъ лицемъ, каково было мое,

сказалъ мнѣ. ,,Ты знаешь о неудачѣ моей трагедіи на Олимпійскихъ позорищахъ? Я отвѣчалъ, что такой великой Государь, какъ онъ, покрытый славою, для сдѣланія имени своего незабвеннымъ, не имѣетъ нужды въ стихотворческомъ лаврѣ; что сверхъ того на всѣхъ такихъ мятежныхъ скопищахъ вѣнцы по большой части раздаются неодуманнымъ восхищеніемъ, заговоромъ и предубѣжденіемъ; что вѣтренность и неосновательность Грековъ должны быть ему извѣстны. ,,Эсхилъ, сказалъ я ему, сочинилъ около восьмидесяти трагедій, а увѣнчанъ только за тринадцать; Софоклъ изо ста двадцати за осьмнадцать; а Эврипидъ обогатя нашъ театръ болѣе, нежели осьмьюдесятью трагедіями, получилъ только пять вѣнцовъ.—Знаю все это. Конечно Греки легкомысленны, неосновательны и насмѣшливы; но они раздаватели славы; труба молвы у нихъ въ рукахъ. Я хочу неотмѣнно поправиться и на Вакховы праздники вступить опять въ поприще. Теперь я тружусь надъ одною трагедіею: со-

держаніе, смерть Эгея. Помнишь, что Миной, побѣдя Аѳинянъ, возложилъ на нихъ дань изъ семи юношей и такого же числа молодыхъ дѣвицъ въ пищу Минотавру. Молодой Ѳезей, рожденной на пораженіе чудовищь, пожелалъ быть однимъ изъ семи юношей, въ намѣреніи погибнуть, или освободить отъ стыда свое отечество. Огорченной такою отважностью Эгей, въ страхѣ о сыновней жизни, приказалъ корабельщику выставить на возвратномъ пути, естьли Ѳезей останется побѣдителемъ, бѣлой или красной флагъ вмѣсто чернаго, которой, когда возили эту дань, обыкновенно употреблялся. Ѳезей возторжествовалъ надъ Минотавромъ. Между тѣмъ Эгей ходилъ повседневно на взморье, и желая прежде всѣхъ увидѣть корабль сына своего, простиралъ по синѣющимъ волнамъ свои взоры. Увидѣлъ наконецъ. День былъ самой ясной; попутной вѣтеръ надувалъ паруса; корабль легкимъ движеніемъ разсѣкалъ спокойныя волны. Корабельщикъ и Ѳезей въ радостномъ восторгѣ забыли

Эгеево повелѣніе; черной флагъ развѣвался еще зефирами. Чадолюбивой отецъ видитъ его, и почитая сына своего погибшимъ, кидается въ море. Выборъ такого трогательнаго и взятаго изъ ихъ отечественныхъ преданій происшествія конечно понравится Аѳинянамъ. Я успѣлъ только расположить нѣсколько сценъ; у меня множество дѣлъ. Вы, господа Словесники, очень щастливы, что живете всегда на Парнассѣ и не имѣете никакихъ другихъ упражненій; но не всякъ можетъ быть Піитомъ.— Не всякъ можетъ быть и Царемъ. Однакожь, что до меня касается, я не хотѣлъ бы другаго царства, кромѣ своего сада и любовницы.—Послушай, любезной мой Біонъ, какой услуги я отъ тебя надѣюсь: думаю, что можно положиться на твою скромность?—Равно какъ, естьли бы я поклялся Стиксомъ.—Помоги мнѣ окончить мою трагедію. Доверши по моему разположенію; положи первыя сцены въ стихи; я съ своей стороны также буду работать.,, Сперва я отговаривался пріобщить слабыя

свои способности къ великимъ и обширнымъ его дарованіямъ; но неотступныя прозьбы его побудили меня согласиться. Я тотчасъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Планъ былъ едва только начатъ; я распространилъ содержаніе, и набралъ пять дѣйствій. Вообще Діонисій былъ моею работою очень доволенъ; однакожь сдѣлалъ нѣсколько весьма справедливыхъ примѣчаній, потому что онъ не имѣлъ недостатка ни въ умѣ, ни въ знаніи словесности. По окончаніи плана я принялся за стихи. При начатіи каждой сцены ходилъ я спрашиваться моего Аполлона. Мы много поправили. Я примѣтилъ, что Діонисій говорилъ всегда: *моя трагедія:* не знаю, меня ли онъ хотѣлъ пріучить такъ думать, или самаго себя, только я ему отвѣчалъ также: *ваша трагедія.* Говоря правду, онъ купилъ ее такою дорогою цѣною, что она принадлежала ему законно; а притомъ было и стиховъ около сотни его сложенія. По приведеніи этой трагической рѣдкости въ совершенство, поплылъ я на галерѣ въ Аѳины и по-

далъ поэму Сицилійскаго Владыки первому Архонту. Я разсыпалъ какъ передъ нимъ, такъ и передъ прочими судьями драгоцѣнной золотой металлъ: блескъ его сообщился и сочиненію, и трагедія удостоена принятія. Потомъ снесся я съ хороначальниками. На хоры и пляску не пощадилъ издержекъ, дѣйствователей нарядилъ въ длинныя по землѣ простирающіяся ризы изъ золотой разноцвѣтной ткани; личины далъ имъ рисованныя и раскрашенныя знаменитѣйшими художниками. Какъ величественной ростъ имѣетъ нѣчто важнаго и почтеніе внушающаго, то поднялъ я своихъ героевъ на котурны въ четыре дюйма высоты; прибавилъ имъ толщины въ груди, въ бокахъ и во всѣхъ частяхъ тѣла соразмѣрно ихъ стану; руки сдѣлалъ длиннѣе посредствомъ перчатокъ. Декораціи были работы лучшихъ живописцевъ: первая представляла веселое поле; другая страшную пустыню и дикой берегъ, окруженной утесистыми скалами и глубокими пещерами; третья великолѣпной храмъ, сіяющій золотомъ и драгоцѣнными

каменьями. Тридцать тысячь зрителей было въ театрѣ. Діоній заплаченъ за свои труды и убытки: Трагедія, подкрѣпленная такими великими средствами, вознесена до облаковъ, и Сиракузской Тиранъ обѣявленъ побѣдителемъ. По сильнымъ движеніямъ, какія во мнѣ происходили, почувствовалъ я себя отцемъ; но сохраняя Діонисію вѣрность, не оторвалъ отъ его Парнасскаго вѣнка ни одного листочка. Я сѣлъ на галеру въ туже самую ночь, поднялъ всѣ паруса, налегъ на весла, и съ помощію вѣтровъ и Нептуна прибылъ въ короткое время въ Сиракузы.

Извѣстіе объ этомъ блистательномъ успѣхѣ произвело въ Діонисіи такой восторгъ, что разсудокъ его казался помѣшаннымъ. Онъ ни объ чемъ болѣе не говорилъ кромѣ *своей Трагедіи*. Можетъ быть, отъ частой привычки называть ее *своею*, онъ дѣйствительно увѣрился, что она *его*. Онъ созвалъ всѣхъ своихъ друзей, возвѣстилъ какъ имъ, такъ и всему двору свою радость, и разсказывалъ о торжествѣ своемъ всякому, съ кѣмъ ни

встрѣчался. Когда кровь его нѣсколько успокоилась, то спросилъ онъ меня, которые стихи болѣе понравились? Я отдалъ всю славу тѣмъ, которые онъ сочинилъ самъ. Такое смиренномудріе не осталось безъ награды. Едва успѣлъ я притти домой, то и получилъ великолѣпный отъ него подарокъ. Онъ прислалъ мнѣ сто талантовъ, приглашая меня къ себѣ на ужинъ въ вечеру. Діонисій хотѣлъ праздновать свое торжество и раздѣлить удовольствіе свое съ ближними къ нему. Но увы! это торжество послужило новымъ доказательствомъ непостоянства фортуны и скорой превратности всѣхъ человѣческихъ вещей. Никогда еще роскошь и расточительство не давали такого пышнаго пира. Стояло на столѣ двѣ тысячи рыбъ и семь тысячь штукъ дичины. Ложе побѣдителя одѣто было балдахиномъ, и обвѣшано лаврами. На немъ самомъ былъ превеликой лавровой вѣнокъ. За столомъ возлежало сто человѣкъ. Какъ скоро онъ вступилъ въ палату, громкіе плески раздались по всѣмъ сторонамъ. Діонисій возбужденъ вол-

неніемъ крови и вкусною пищею предался своей неумѣренности. Превеликія чаши вина ходили вкругъ стола каждую минуту; онъ пилъ безпрестанно то за здоровье друзей своихъ Аѳинянъ, то за здоровье Аполлона и Музъ. Его усердіе было такъ горячо, и Обладатель Парнасса съ девятью своими непорочными Дѣвами такъ часто были величаемы, что напослѣдокъ онъ упалъ безъ чувствъ, и скоро жестокая болѣзнь отъ несваренія въ желудкѣ положила предѣлъ и славѣ его и царствованію. Такъ-то однимъ разомъ прекратились всѣ его удовольствія, всѣ его муки и обширные замыслы. Ему было шестьдесятъ три года. Аѳиняне услышавъ о его смерти, сказали: что они, пожалуй, увѣнчали бы его еще за двадцать лѣтъ назадъ, естьли бы знали, что такимъ средствомъ освободятъ отъ него Сицилію (*). Я окончу повѣсть о Діо-

(*) Оракулъ предсказалъ Діонисію, что онъ умретъ, когда побѣдитъ тѣхъ, кои достойнѣе его. Тиранъ думалъ что Оракулъ разумѣлъ Карѳагенянъ; но смер-

нисіи однимъ очень забавнымъ анекдотомъ. Этотъ Государь, котораго всѣ его подданные ненавидѣли, узналъ, что одна старуха молится всякой день Богамъ, чтобъ ей не пережить его. Такое нѣжное соучастіе польстило его самолюбію; онъ послалъ за нею и спросилъ ее, за что она его столько любитъ. „Когда еще я была младенцемъ, отвѣчала она, всѣ Сиракузцы проклинали своего Царя и молились о его смерти; онъ убитъ. Наслѣдовалъ ему такой злодѣй, что жаль стало и прежняго. Боги умилосердились и взяли его отъ насъ. Ты, Государь, сѣлъ по немъ на царство: ты еще злѣе; теперь надобно ожидать, что наслѣдникъ твой будетъ хуже и тебя. Вотъ, для чего я молюсь, чтобъ Боги продлили жизнь твою.“ Діонисій, котораго такое чистосердечіе изумило, отпослалъ старуху, не сдѣлавъ ей никакого оскорбленія.

тію его объяснилось пророчество. Діонисій побѣдилъ Аѳинскихъ Поэтовъ, которые гораздо превышали его шаланжами.

По смерти этого Тирана, дрожа какъ скупецъ, когда онъ видитъ людей, которые шатаются около его сундуковъ, помышлялъ я, какъ бы и мнѣ укрыть свое богатство отъ хищности Діонисія младшаго и любимцевъ его. Я сѣлъ тихонько на корабль, и отправился въ Коринѳъ, откуда пріѣхалъ сюда навѣстить своихъ родственниковъ. Они предложили мнѣ купить эту дачу; я увидѣлъ, что можно приложить къ ней руки; и вотъ, теперь уже сорокъ лѣтъ, какъ я помаленьку всегда что нибудь къ ея украшенію прибавляю.,,

Ѳеофанія пришла. Мы посадили ее въ серединѣ; собака легла у ногъ ея. Какъ скоро она увидѣла, что мы готовы слушать, то начала свою повѣсть

ГЛАВА XLIV.

Ѳеофаніина Исторія.

Я родилась въ Милетѣ: Біонъ описалъ вамъ этотъ городъ; но онъ забылъ упомянуть, что по одному древнему преданію наши женщины и дѣ-

вушки обязаны посвящать цвѣтущіе свои годы любви. Да и можно сказать, что любовь составляетъ главное упражненіе Милетянокъ, и что онѣ живутъ единственно на тотъ конецъ, чтобъ услаждать свои чувства.

Не знаю, усердна ли была матушка моя въ молодости къ служенію Венерѣ; но на десятомъ своемъ люстрѣ, будучи вдовою и не имѣя ни достатка, ни общества, кромѣ меня, удалилась она жить въ деревню въ одну бѣдную лачужку, не подалеку отъ Меандра. Мнѣ тогда было около двенадцати лѣтъ. Тамъ содержали мы себя овощами, кореньями своего огорода и продажею ивовыхъ корзинокъ, которыя плели въ долгіе зимніе вечера, или въ каникулы. Матушка была старушка добрая, то есть, душу имѣла простую, искреннюю и пречестнѣйшую; но разсудокъ ея былъ слабъ и суевѣренъ. Тартара боялась она чрезвычайно. При упущеніи самаго маловажнаго священнаго обряда, казалось ей, что земля растворяется поглотить ее. Она содрогалась всякой разъ, когда слышала имена: *Церберъ*, *Эвмениды*,

Миной. Словомъ сказать, привязана была къ вѣрѣ болѣе страхомъ, нежели любовью. Не взирая на бѣдность свою, приносила она ежегодно Плутону черную овцу, и не проходило почти ни одного часа, въ которой бы не занималась, то очистительными жертвами, то изліяніями. Когдажь не было у насъ ни молока, ни вина, ни меду; то она лила на землю или на огонь воду. Какъ скоро появлялся на столѣ нашемъ кусокъ мяса, то лучшую часть сжигала въ жертву Домашнимъ Богамъ, или Генію своему, Меркурію, или Вакху. Во дни поста или воздержанія, которые бываютъ наканунѣ торжественнмхъ праздниковъ, ѣла по одному только разу, подъ вечеръ, и то весьма не много; а въ прочее время дня едва позволяла себѣ маленькой кусокъ черстваго хлѣба, безъ питья. У насъ былъ всегда обильной запасъ Люстральной воды, которою мы очищались поутру. Сверхъ того носила она при себѣ камушки чудотворнаго свойства. Твердила мнѣ безпрестанно о мукахъ, какія терпятъ осужденные; о воронѣ, кото-

рый терзаетъ Промеѳееву печень; о Сизифовомъ камнѣ; о Иксіоновомъ колесѣ; о превращеніяхъ Боговъ; о ихъ мщеніи. Одинъ Минервинъ жрецъ увѣрилъ ее, что какъ скоро предстояло какое нибудь нещастіе, то у жрицы тотчасъ выростала окладистая борода, и что это чудо случилось уже три раза. Тотъ же жрецъ разсказывалъ ей о Вакховомъ отмщеніи Калидонцамъ. Коресъ, одинъ изъ Вакховыхъ жрецовъ, былъ пренещастной человѣкъ. Онъ любилъ страстно молодую Каллирою, а она напротивъ того становилась отчасу нечувствительнѣе и неблагодарнѣе, отчасу болѣе оказывала ему презрѣнія. Испытавъ безполезно слезы, прозьбы, униженія, все, что самая пламенная и нѣжная любовь можетъ внушить, прибѣгнулъ онъ въ Вакху; увѣнчалъ истуканъ его виноградными гроздами, яблонными и гранатовыми вѣтвьми, упалъ передъ нимъ на колѣна и сказалъ: „Всемогущій сынъ Юпитера и Семелы! вонми моленію усерднѣйшаго раба твоего, прекрати мои страданія и отмсти за меня.“ — Молитва его достигла до Бога. Кали-

донцы поражены опьянѣлостью, которая сдѣлала ихъ бѣшеными. Въ отчаяніи своемъ отправили они вопросить Додонскаго Оракула о средствѣ къ избавленію, и получили въ отвѣтъ, что раздраженнаго Вакха ничто не можетъ умилостивить, кромѣ крови Каллироиной, пролитой на жертвенникѣ великимъ жрецомъ Коресомъ, или смерти того, кто захочетъ пожертвовать собою за нее. Какъ никто не явился, то Каллироя повлечена къ жертвеннику. Она шла блѣдна, трепещуща, почти безчувственна. Коресъ дыша мщеніемъ, ожидалъ своей жертвы. Возводитъ онъ глаза и видитъ ея слезы, ея блѣдность и еще трогательную красоту ея. Сердце его подвиглось. Въ минуту злоба исчезла, жалость и любовь одержали побѣду. Священный ножъ сверкалъ уже въ рукѣ его. Онъ колеблется, устремляетъ на нещастную послѣдній взоръ, поражаетъ самаго себя и упадаетъ къ ея ногамъ. Коллироя въ отчаяніи о смерти любовника, столь нѣжнаго, столь великодушнаго, проклинаетъ свою неблагодарность,

идетъ къ одному источнику, которой послѣ названъ ея именемъ, и тамъ лишаетъ себя жизни.

Матушка моя подкрѣпляема была въ предразсудкахъ своихъ однимъ престарѣлымъ жрецомъ Цибелинымъ, которой составлялъ все наше общество. Всѣ свои остатки отдавала она ему, и хотя часто сама не имѣла нужнаго, но посылала Матери Боговъ дары и жертвы.

Она воспитывала и меня въ своихъ правилахъ, въ страхѣ Неба и Ада. Столько суевѣрныхъ мыслей во мнѣ поселилось, что всякой разъ, когда я запоздывала на полѣ одна, мечтались мнѣ или Боги, или Геніи. Однажды я испужалась до смерти: увидѣла бѣлаго вола, которой шелъ прямо на меня; я знала, что Юпитеръ для похищенія прекрасной Европы принялъ этотъ образъ; и тотчасъ представилось мнѣ, что онъ за мною гонится. Ужасъ меня объялъ, ноги задрожали; я упала на колѣна, просила у него прощенія въ своихъ проступкахъ, и обѣщалась принести ему въ жертву любимаго своего козленка.

Волъ-богъ конечно внялъ моей молитвѣ и тронулся моею невинностью, потому что поворотился въ другую сторону; и я, какъ молодая голубка, гонимая копчикомъ, полетѣла подъ матушкино крылушко. Мнѣ уже было четырнадцать лѣтъ, я выровнялась, всѣ части тѣла моего вылились, ростъ былъ почти таковъ же, какъ и теперь, а совсѣмъ тѣмъ знала не болѣе всякаго восьмилѣтняго робенка.

Насъ пускали въ ивнякъ на берегу Меандра рѣзать молодыя лозы; я часто туда ходила. Однажды, будучи въ кустарникѣ, услышала звуки самой пріятной лиры. Смотрю во всѣ стороны и не вижу никого. Дивясь такому чуду, заключила, что невидимка самъ Аполлонъ. Я была въ восхищеніи. Вдругъ не знаю какой Богъ въ образѣ смертнаго встаетъ изъ камыша. Я отступила и хотѣла бѣжать; но онъ меня удержалъ. „Постой, Өеофанія, сказалъ онъ мнѣ, не бойся.“ Ободрясь отъ его словъ, осмѣлилась я взглянуть: онъ былъ увѣнчанъ камышемъ, а въ рукахъ

держалъ лиру и пучокъ розъ, которой отдалъ мнѣ. Такое неожидаемое видѣніе меня обезумило; я стояла какъ прикована. Богъ видя мое смятеніе, сжалился надо мною и съ кротостью сказалъ; ,,Успокойся, прекрасная дѣва! чувствованія мои къ тебѣ таковы, что ты не должна бояться никакого оскорбленія.— Да кто ты? спросила я его робкимъ голосомъ, и почему имя мое тебѣ извѣстно?—Я Богъ рѣки Меандра; обитаю въ кристальныхъ чертогахъ, во глубинѣ водъ. Знаю прошедшее, настоящее и будущее. Око мое всегда было надъ тобою; вижу, что твоя невинность, благочестіе и добродѣтель равны твоимъ прелестямъ, и для того намѣренъ принять тебя въ число своихъ Наядъ. Возшедъ на это вышнее достоинство, ты не будешь уже страшиться ни болѣзней, ни печалей, ни смерти, столь отвратительной и безобразной. Ставъ безсмертною, какъ я, будешь наслаждаться вѣчною молодостью и красотою.“ Я поблагодарила его застыдясь, и сказала ему, что пого-

ворю о томъ съ матушкою. „Нѣтъ, еще не время; наши таинства не должны быть открыты непросвѣщеннымъ. Но чѣмъ я должна удостоиться великой твоей милости? — Три дни очищайся поутру и ввечеру люстральною водою; при каждомъ очищеніи призывай Нептуна, владыку моря; воздержись отъ пищи и вкушай только по вечерамъ; довольствуйся овощами, молокомъ и медомъ. По трехъ дняхъ приходи опять въ этотъ ивнякъ, и кличь меня троекратно. Тогда я вознесусь на поверхность водъ божескимъ своимъ дыханіемъ очищу твое тѣло отъ всего земнаго и тлѣннаго; одушевлю тебя тѣмъ источникомъ жизни, которой сдѣлаетъ тебя изъ простой смертной благополучнѣйшею Наядою.“ Онъ меня поцѣловалъ, пробылъ нѣсколько времени со мною, помогалъ мнѣ рѣзать лозы, и скрылся.

Въ задумчивости, въ удивленіи, въ волненіи отъ радости, надежды и страха пришла я потихоньку къ матушкѣ, но скрыла отъ нее тайну

свою, и во всей точности исполнила наставленія Бога Меандра.

На четвертой день, съ первымъ лучемъ зари, потащилась я къ ивняку. Робѣла нѣсколько; но любопытство и набожность поддерживали мои силы. Пришедъ на берегъ, троекратно призывала Бога; послѣ третьяго раза листы пошевелились; ужасъ мною овладѣлъ; я закрыла глаза. Когда первое движеніе прошло, то увидѣла Бога подлѣ себя: онъ былъ еще блистательнѣе, нежели прежде. Камышевой вѣнецъ его переплетенъ былъ розами; одежда ослѣпляла бѣлизною; пріятное благоуханіе услаждало обоняніе; словомъ сказать, все показывало его Божествомъ. ,,Ты соблюла мои наставленія, сказалъ онъ мнѣ; ты не измѣнила тайнѣ Боговъ. Нептунъ, мой отецъ, позволяетъ мнѣ наградить твое благочестіе, и возвести тебя въ достоинство Наяды. Поди за мною въ убѣжище, гдѣ таинство должно совершиться.“ Онъ привелъ меня въ пещеру, закрытую со всѣхъ сторонъ дикими виноградными лозами. Внутренныя стѣны одѣ-

ты были плющемъ. Впереди находилась постеля изъ свѣжаго листвія и душистыхъ травъ. Можно бы подумать, что эта пещера приготовлена богомъ Паномъ для прекрасной Сиринксы. Богъ Меандръ посадилъ меня подлѣ себя. Я не смѣла ни говорить, ни смотрѣть; но онъ, окинувъ меня своими руками, сказалъ: „Теперь открою тебѣ таинство, къ которому Боги допускаютъ однихъ только своихъ избранныхъ и дамъ тебѣ новое бытіе.“ Говоря такимъ образомъ, развязалъ поясъ мой, и покрылъ все тѣло мое поцѣлуями. Жестокой! какъ онъ пользовался моею простотою! я плакала, отталкивала его; но онъ не внималъ ни прозьбамъ, ни слезамъ.

По выходѣ изъ пещеры Меандръ сказалъ: „Любезная Ѳеофанія! я употребилъ все свое могущество сдѣлать тебя Наядою. Не много осталось докончить: ты уже имѣешь всю красоту, всѣ пріятности и всю свѣжесть прелестной Галатеи, въ которую Полифемъ такъ страстно былъ влюбленъ. Нептунъ, по прозь-

бѣ моей, довершитъ прочее. Однакожь солнце приближается уже къ нашему зениту; я знаю по своему предвидѣнію, что мать твоя начинаетъ безпокоиться о твоемъ отсутствіи. Надобно разстаться. Дай мнѣ слово, что придешь сюда послѣ завтра: второе свиданіе очиститъ совершенно тѣло твое отъ всего, что осталось въ немъ нечистаго и земнаго. Поди, прекрасная Ѳеофанія; будь всегда покорна Богамъ и вѣрна ихъ тайнамъ.,,

На возвратномъ пути я очень призадумалась. Происшедшее со мною казалось мнѣ удивительною смѣсью божественнаго съ человѣческимъ. Сладкія впечатлѣнія, которыя еще остались въ моихъ чувствахъ, соединены были съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Я не сомнѣвалась о Божествѣ своего любовника, но упрекала себя однакожь, что такъ легко исполнила его волю. Матушкѣ не сказала я о своемъ приключеніи ни слова; и какъ раскаяніе передъ притяженіемъ удовольствія скоро умолкло, то продолжала я посѣщать таинственную пе-

щеру. Но любовь такое деревцо, которое покрывшись прекрасными цвѣтами приноситъ напослѣдокъ горькіе плоды. Любовникъ мой примѣтилъ первые успѣхи чудотворной своей силы. Онъ далъ мнѣ знать о моемъ положеніи, и сколько нужно скрывать беременность мою отъ моей матери. „Послѣдуй моимъ совѣтамъ, говорилъ онъ мнѣ, и ты выпутаешься изъ хлопотъ. Мать твоя очень набожна и суевѣрна; въ самую глухую ночь соскочи съ постели, какъ будто чего испужавшись, закричи пронзительнымъ голосомъ и скажи ей, что Паллада явясь на своей колесницѣ, заложенной совами, требовала отъ тебя, чтобъ ты вступила въ число ея жрицъ и отправилась какъ скоро разсвѣтетъ, на берега рѣки Меандра, гдѣ найдешь одного престарѣлаго жреца, которому поручено отвести тебя въ Аѳины, въ Парѳенонъ, храмъ ея. Прибавь въ томъ, что Паллада въ утѣшеніе и награжденіе матери твоей за ея благочестіе, даетъ ей талантъ, которой она найдетъ у себя въ саду въ землѣ подлѣ Богининой статуи. — А кто дастъ

этотЪ талантЪ? гдѢ ты возьмешЪ стараго жреца? — ТалантЪ даритЪ Минерва, а жрецомЪ буду я. Боги одарили меня способностью принимать всѢ образы, какіе хочу." Вы видите, что любовникЪ мой былЪ такой же искусникЪ, такой же хитрѢцЪ, какЪ и посланникЪ Олимпа. Я исполнила по его совѢту. Матушка повѢрила моей сказкѢ, и какЪ скоро начало свѢтать, то она побѢжала за талантомЪ; что касается до меня, то я дерзала вЪ Минервиной щедрости нѢсколько сомнѢваться. Но матушка идучи передо мною, закричала: вотЪ ПалладинЪ подарокЪ! и тотчасЪ бросилась кЪ ногамЪ Богини, клялась ей вЪ вѢчной благодарности. Я послѢдовала ея примѢру, не понимая, какимЪ образомЪ такое чудо могло случиться. Мы провели тотЪ день вЪ пированіи, вЪ молитвѢ, вЪ жертвоприношеніяхЪ; поднесли БогинѢ пироговЪ, меду, масла, сушеныхЪ смоквЪ и увѢнчали кумирЪ ея оливковыми вѢтьвями.

„Но матушка не могла рѢшиться отпустить меня; эта разлука чрез-

мѣрно огорчала ея душу; да и я не поступила бы никогда на такую жертву, ежели бы мое положеніе не требовало того необходимо. Я сообщила Меандру матушкину нерѣшимость; онъ сказалъ мнѣ, что зналъ это прежде; но что сотворитъ чудо, которое заставитъ ее повинуться. „Скажи ей Минервинымъ именемъ, что ежели въ теченіе трехъ дней не исполнитъ она повелѣнія Богини, то солнце за два часа передъ полуднемъ затмится, мракъ на васъ падетъ; и естьли ты тотчасъ не пойдешь на берега мои, то не будешь никогда наслаждаться зрѣніемъ этого свѣтила; вѣчная ночь покроетъ землю.“

„Сколько я ни легковѣрна и проста была, однакожь такое предсказаніе заставило меня усмѣхнуться. Любовникъ мой, примѣтя мое невѣріе, сказалъ мнѣ съ важнымъ видомъ: „Я бы могъ теперь же наказать тебя за твое сомнѣніе, и повелѣть солнцу скрыть свои лучи, но хочу дождаться третьяго дня; узнаешь тогда все мое могущество. Между тѣмъ скажи своей матери о страшномъ

наказанiи, какому она подвергается."
Хотя Меандръ меня и не увърилъ, однакожь я обѣщалась исполнить по его волѣ.

,,Матушка услыша о Палладиныхъ угрозахъ, очень испужалась; но любя меня горячо, не хотѣла со мною разстаться, не дождавшись послѣдняго срока. Наконецъ этотъ день насталъ. Съ самаго утра устремя глаза свои на солнце, примѣчали мы всѣ его перемѣны. За два часа до полудня края свѣтила начали тускнуть, и мало помалу весь кругъ померкъ. Ужасъ нами овладѣлъ. Мы обнялись и стояли недвижимы, прижавшись одна къ другой. Между тѣмъ мракъ отчасу сгущался, и наконецъ не видно стало ничего. Тогда-то мы взрыдали; почитая себя уже погибшими, упали передъ Минервою едва дышущи и просили помилованiя. Потомъ стала я уговаривать матушку, чтобъ она согласилась отпустить меня: Старушка не заставила долго себя просить и пошла провожать меня сама. Мы отправились во тьмѣ. Дорогою, дрожа какъ листъ на деревѣ, она прокли-

нала свое неповиновенie и причитала опровержение всего порядка Натуры одной себѣ. Чѣмъ ближе подходили мы къ рѣкѣ, тѣмъ свѣтлѣе становилось; нечувствительно горизонтъ прочистился и скоро потомъ свѣтило дня возсiяло опять въ полномъ своемъ блескѣ. Радость возродилась у насъ въ душахъ; мы вознесли къ небу теплую молитву благодарности. Что касается до меня, то я была въ чрезвычайномъ недоумѣнiи: любовникъ мой казался мнѣ такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ, а однакожь располагалъ небесными свѣтилами; день и ночь были въ его повелѣнiяхъ.—Любовникъ твой, сказалъ Бiонъ, былъ великой плутъ, но человѣкъ ученой: онъ зналъ, что такого-то дня въ такомъ-то часу надлежало быть солнечному затмѣнiю.—Я узнала это уже послѣ.

„Подходя къ рѣкѣ, увидѣли мы старца, которой сидѣлъ подъ однимъ тополомъ съ книгою въ рукѣ, и казался погруженнымъ въ размышленie. Какъ скоро мы приближились, онъ всталъ и подошелъ къ намъ. Сѣдая

борода покрывала половину лица его; волосы и брови казались побѣлѣвшими отъ времени, онъ шелъ медленнымъ шагомъ, согнувшись и опираясь на палку. Я смотрѣла во всѣ глаза, и не могла его узнать. Машушка спросила его, не жрецъ ли онъ Минервинъ. — Священная сія риза, отвѣчалъ онъ, показываетъ тебѣ мое званіе. Я знаю причину вашего сюда пришествія; Паллада благоволила повѣдать ее вѣрному своему служителю. Твое неразуміе едва не опровергло порядка всего естества; солнце повинуясь Богинѣ, уже скрыло свое лице; но ты поправила свой проступокъ, раскаяніе вступило въ твою душу, и день паки возсіялъ.

„Съ первыхъ словъ, подъ одеждою старца узнала я моего любовника. Матушка пріуча давно разумъ свой къ чудесамъ, ни мало не находила страннымъ, что жрецъ сдѣлался повѣреннымъ великой Богини. Она отвѣчала, что покоряется Богамъ и вручаетъ ему судьбу любезной своей дочери. Потомъ проливая токи слезъ, цѣловала меня со всею горячностію.

Я вмѣстѣ съ нею рыдала. Двадцать разъ готова я была отказаться отъ своего намѣренія; но присутствіе и знаки ложнаго жреца, а особливо мысль о беременности, обуздывали во мнѣ движенія чувствительности.

„Мы прибыли въ Милетъ. Филонъ (пора уже любовнику моему сдѣлаться простымъ смертнымъ) помѣстилъ меня великолѣпно, и нашедъ голосъ мой пріятнымъ, приставилъ ко мнѣ учителей музыки. Онъ очень угодилъ моему вкусу и попалъ на мою склонность; потому что, судя по времени, много я въ этомъ искусствѣ успѣла.

„Шесть мѣсяцовъ спустя, я родила дочь, такую хорошенькую, что она подлинно могла почесться дщерью Божества. Любила я ее съ такою горячностью, что не могла безъ ужаса слышать, когда говорили о кормилицѣ. Однажды лежа въ постелѣ больна, и увидя, что она сосетъ грудь сторонней женщины, я вскочила, схватила ее и побудила выкинуть всосанное молоко.

„Со времени рожденія этого младенца щастіе мое казалось неизмѣннымъ. Я любила Филона, обожала дочь свою, наслаждалась всѣми дарами фортуны; посылала часто вспоможенія матушкѣ; словомъ сказать, не оставалось мнѣ ничего пожелать; но увы! щастіе и нещастіе плаваютъ на одномъ кораблѣ.

„Дочери моей не было еще четырехъ мѣсяцовъ, когда Филонъ намекнулъ мнѣ исдалека, что онъ желалъ бы отдать ее на воспитаніе въ домъ какой нибудь доброй женщины. Такое предложеніе огорчило меня несказанно. Филонъ замолчалъ. Скоро я увидѣла, что онъ къ ребенку своему не только ни мало не имѣетъ любви, но еще съ досадою отъ него отвращается. Это меня терзало. Когдажь не выдержавъ, стала попрекать его нечувствительностію, то онъ съ грубостію отвѣчалъ, что такія дѣти не заслуживаютъ никакого вниманія. „Жестокой, вскричала я! не ужели голосъ природы не внятенъ твоему сердцу? развѣ ты не отецъ ея? — Пустыя слова, моя милая! Предраз-

судокъ, привычка, а особливо самолюбіе: вотъ одни узы, которыя привязываютъ насъ къ дѣтямъ. Отлучи ихъ отъ себя до совершеннаго возраста того самаго времени, какъ родятся, и природа останется нѣма.“ Что было отвѣчать такому варвару? Я залилась горькими слезами, и бросилась цѣловать невинной предметъ его ненависти. Однажды — повѣрите ли, что можно имѣть столько злости?— онъ ласкалъ меня, обнималъ; ребенокъ нашъ былъ подлѣ. „Посмотри, сказала я, какъ она хороша, какъ мила!— Подлинно прекрасна, отвѣчалъ онъ. Такъ и быть! пусть поживетъ еще на свѣтѣ.“ Волосы поднялись у меня дыбомъ. Съ тѣхъ поръ жизнь моя текла въ ужасѣ и печали; ненависть вступила въ мое сердце; но я старалась всячески потушить ее. Филонъ казался мнѣ чудовищемъ; но могла ли я забыть, что онъ отецъ моей дочери!

„Однимъ утромъ вошелъ онъ задумчивъ и пасмуренъ. „Этотъ ребенокъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая на дочь свою, производитъ между нами

холодность, и отвлекаетъ тебя отъ всего. Хочу неотмѣнно отдать ее въ другія руки. Не бойся; она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, и получитъ воспитаніе соотвѣтственное будущему своему состоянію.“ Я молчала и смотрѣла на него пристально.“ Слышишь ли Ѳеофанія? — Слышу. Но безчеловѣчной Филонъ скорѣе вырветъ мое сердце, нежели отниметъ у меня дочь. Теперь ты слышишь ли?„ Онъ вышелъ не сказавъ ни слова, и три дни не былъ дома. Какіе дни! они показались мнѣ вѣками! Безпокойство, ужасъ, одиночество, материнская любовь истерзали, измучили мою душу.

„На третій день, подъ вечеръ, Филонъ возвратился и очень ласково спросилъ меня о моемъ здоровьи. Онъ сказалъ мнѣ, что послалъ нѣсколько денегъ матушкѣ; потомъ позвалъ меня очень дружески въ мой кабинетъ пособить ему снять одну картину, которую хотѣлъ для подновленія послать къ живописцу. Дочь наша спала. Никакое подозрѣніе не приходило мнѣ въ мысль. Я пошла. Онъ приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу, заста-

вилъ меня держать ее, самъ полѣзъ и долго трудился. Между тѣмъ ребенокъ началъ кричать: слышу, что кто-то ходитъ по спальнѣ. Бѣгу туда: Боги! какое зрѣлище! Страшной величины женщина, фурія, уносила дочь мою. Я кинулась, вцѣпилась въ ея волосы, кричала пронзительнымъ голосомъ. Злодѣйка показываетъ мнѣ кинжалъ; ничто меня не устрашаетъ. Ухватила острое желѣзо, стиснула; она хочетъ вырвать его изъ рукъ моихъ; мы боремся. Бѣшенство, изступленіе, видъ моей дочери, даютъ мнѣ невѣроятныя силы; я бросилась бы на тысячу смертей. Кровь течетъ изъ раненной о кинжалъ руки моей, но кровь только что дѣлаетъ меня еще смѣлѣе. Противлюсь, нападаю, реву. Наконецъ Филонъ, конечно боясь, чтобъ крикъ мой не открылъ его злодѣянія, вошелъ. И могъ отецъ быть такимъ чудовищемъ! Онъ велѣлъ отдать мнѣ моего ребенка, и злясь какъ хищной, кровожадной звѣрь, вышелъ изъ дому съ своею сообщницею.

,,Я кличу невольницЪ; никто не отвѣчаетЪ, повсюду уединеніе. Всѣ меня покинули; но предметЪ моей горячности, дочь моя была со мною. Беру ее на руки, прижимаю кЪ сердцу; нещастная улыбается на мои ласки, протягиваетЪ ко мнѣ невинныя свои рученки. Увидя, что она вся вЪ крови, вспомнила я тогда, что мнѣ надобно перевязать свою рану. Между тѣмЪ ночь сгущала тьму и поразила меня ужасомЪ. Я рѣшилась бѣжать и скрыться у какихЪ нибудь честныхЪ и сострадательныхЪ людей. Пошла кЪ дверямЪ; но узелЪ былЪ столь искусно сдѣланЪ, что я не могла его распутать.(*) Такая осторожность удвоила мой страхЪ и навела мнѣ новыя подозрѣнія. Хожу изЪ комнаты вЪ комнату, не помня себя, и одумывая множество разныхЪ намѣреній, которыя всѣ одно другимЪ разрушались. Мѣряю глазами высоту оконЪ

(*) Ключи выдуманы Лакедемонцами. Прежде того двери запирались такими перепутанными узлами, что одинЪ только тотЪ, кто зналЪ тайну, могЪ ихЪ развязать.

отъ земли; боюсь. Былъ у меня маленькой садикъ, обнесенной довольно высокими стѣнами; щасшливая моя звѣзда внушила мнѣ мысль искать спасенія чрезъ эту ограду. Самая темнота предпріятію моему благопріятствовала. Я притащила превеликую лѣстницу, приставила ее къ садовой стѣнѣ, и привязавъ поясомъ своимъ ребенка себѣ за плеча, полѣзла дрожащею ногою. Ахъ! не о себѣ, о дочери своей только я трепетала! Взобравшись на стѣну, сѣла, отдохнула, поласкала ребенка; потомъ стянула поясъ опять, перекинула съ великимъ трудомъ лѣстницу, и помаленьку спустилась внизъ и съ ношею. Тогда первая мысль моя была пасть на колѣни и воздать благодареніе богамъ. Чего горячность нѣжной матери не заставитъ преодолѣть! Оттуда побѣжала я самыми скорыми шагами; шла въ страхѣ и во тьмѣ; каждую минуту, казалось мнѣ, вижу позади себя Филона съ шайкою злодѣевъ. Скоро силы мои ослабѣли; я упала у плетня почти мертва. Тутъ, блѣдна, трепещуща,

подставляла ухо крику птицы, легкому движенію листа. Вдругъ слышу, что идутъ люди; устремляю вниманіе; они уже близко; нѣкогда долго думать: я перекинулась черезъ плетень и бросилась въ ровъ. Хорошо сдѣлала. Два человѣка подошли къ плетню и остановились. Ахъ! какъ сердце мое билось! кровь застыла у меня въ жилахъ; я была бездыханна; пуще всего боялась, чтобъ ребенокъ не началъ кричать. „Куда она дѣвалась? стали они разсуждать между собою. Пойдемъ далѣе; авось либо найдемъ.“ Нѣсколько минутъ спустя, Богъ, покровитель нещастныхъ, послалъ мнѣ Біона. Вотъ спаситель мой! сколько я ему должна! Онъ-то помирилъ меня съ человѣческимъ родомъ, которой я уже начинала ненавидѣть. Его великодушіе и нѣжныя угожденія никогда не измѣнились. Онъ изгладилъ мои страданія. Одного осталось мнѣ желать, чтобъ я могла усладить жизнь его столько же, сколько онъ усладилъ мою.“ Мы спросили, гдѣ дочь ея и мать. Поѣхали на нѣ-

сколько дней въ Амфиссу, отвѣчала она.“

Когда Өеофанія кончила свою повѣсть, то Біонъ вставши, сказалъ: „Ночь раскинула свою завѣсу; сонъ вышедъ изъ мрачнаго своего вертепа, ожидаетъ насъ у изголовья нашихъ постелей. Пойдемъ насладиться его благодѣяніями. Дорогою, чтобъ поразвеселить вашъ духъ и доставить вамъ пріятныя сновидѣнія, разскажу одно маленькое приключеніе, котораго я былъ свидѣтелемъ; она много имѣетъ сходства съ приключеніемъ бога Меандра и Психеи.

„Я путешествовалъ по Троядѣ, въ намѣреніи обозрѣть развалины славнаго Иліона. Въ томъ краю законъ предписываетъ молодымъ дѣвушкамъ ходить за нѣсколько дней до своего замужства купаться въ струяхъ Скамандра, и предлагать въ даръ богу рѣки свое дѣвство. Одна изъ первыхъ красавицъ, Каллироя, послѣдуя набожному обычаю своей земли, за два дни до супружества пришла съ кормилицею на берегъ, и погрузясь въ рѣку, вскричала: „Богъ Скамандрскихъ

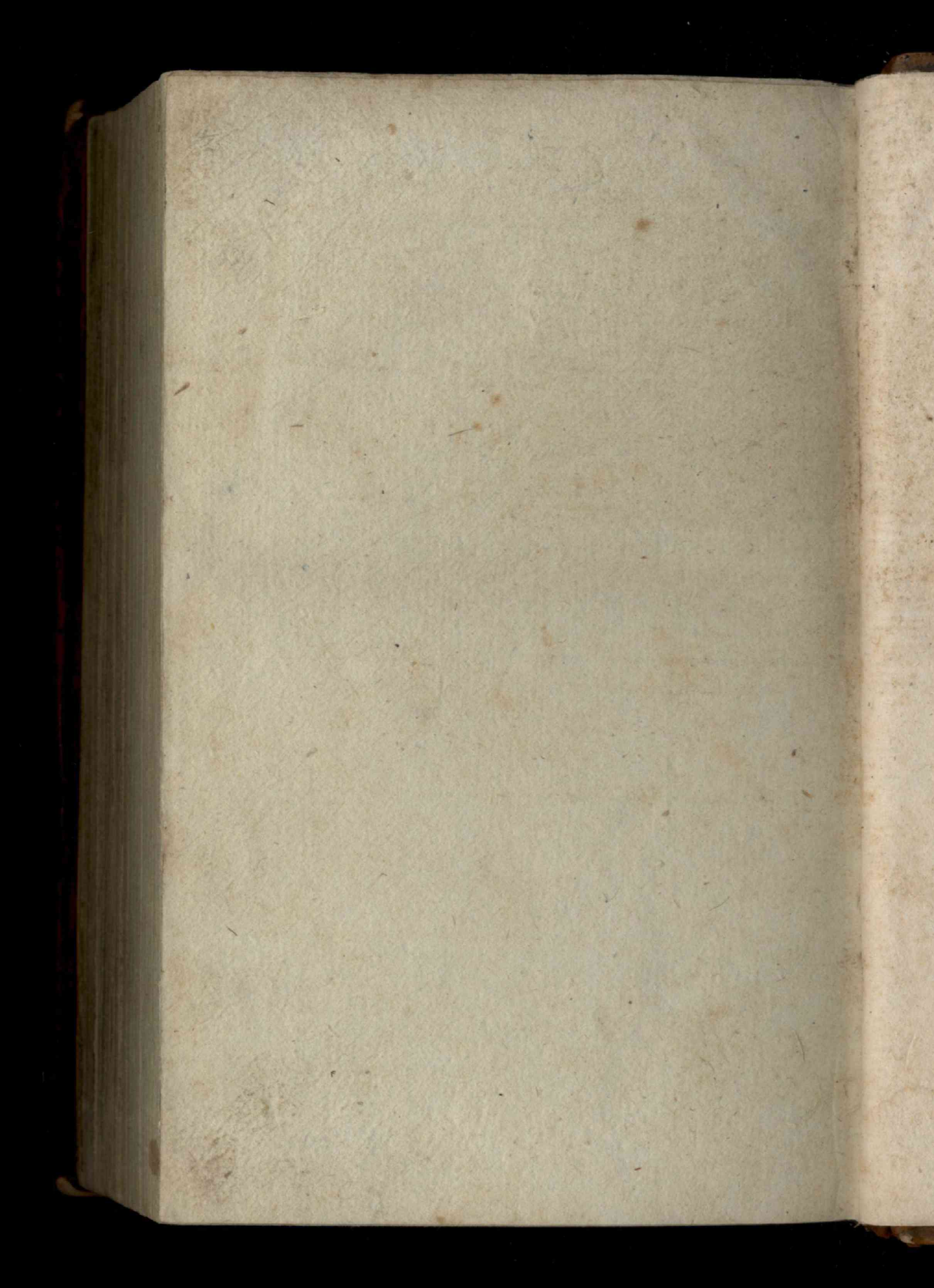
водѣ! приди взять мое дѣвство, есть-ли этотъ даръ тебѣ пріятенъ.—Пріятенъ, отвѣчалъ Богъ, поднявъ изъ камыша покрытую листвіемъ голову свою.“ Онъ тотчасъ взялъ Каллирою подъ руку, и отвелъ къ подошвѣ одного навислаго утеса, которой множество разныхъ деревцовъ обволокали со всѣхъ сторонъ своими вѣтвьми. Красавица вышла оттуда румяна какъ разцвѣтающая роза, и пошла къ кормилицѣ, которая между тѣмъ дожидалась на берегу.

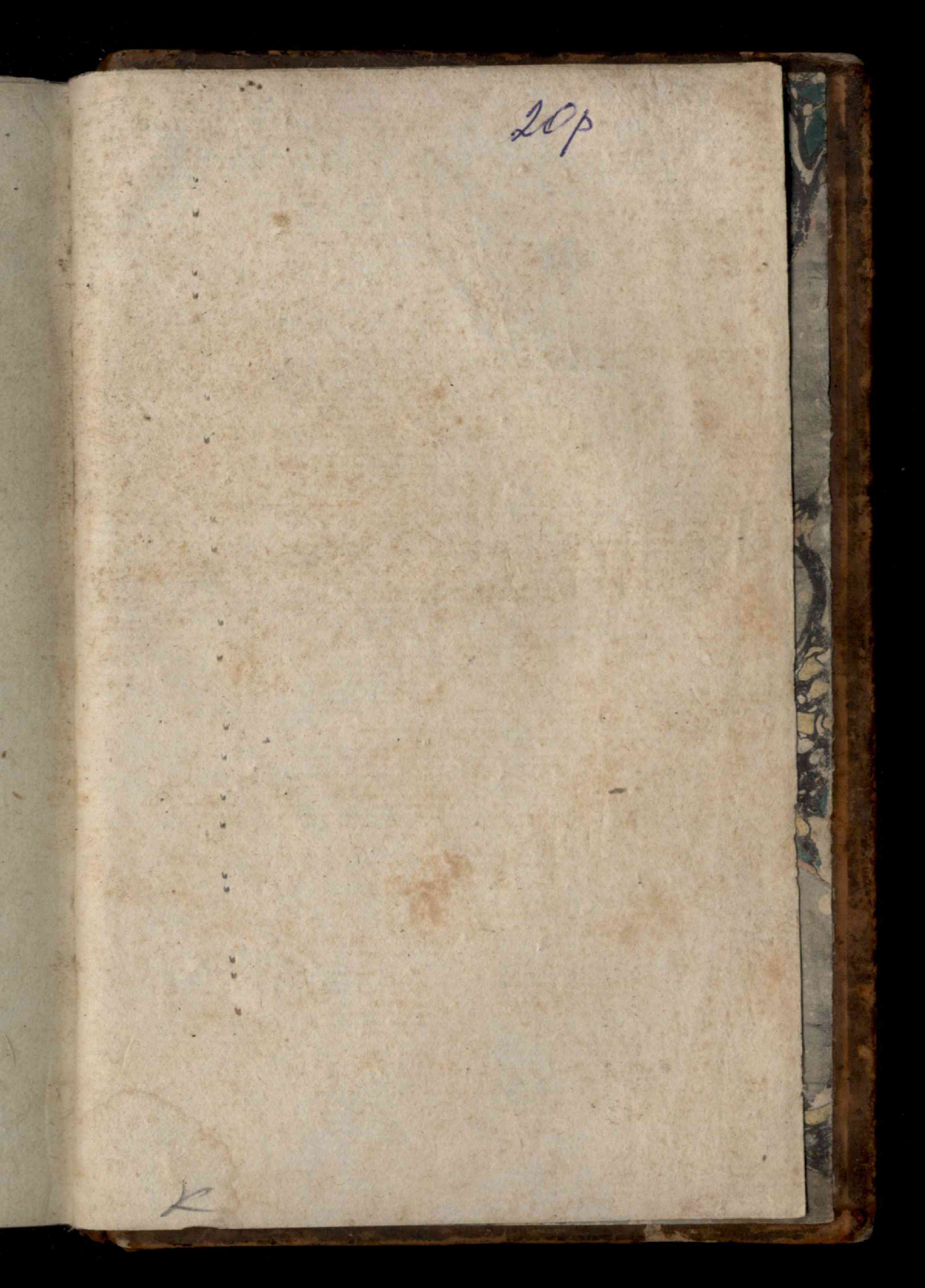
,,Въ день свадьбы новобрачная, во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, но еще болѣе собственными своими прелестями блистая, шествовала за процессіею, которая отправлялась въ честь Афродитѣ. Вдругъ, между толпою молодыхъ людей, узнаетъ она бога Скамандра: ,,Ахъ! милая моя Клеона (такъ называлась кормилица) вотъ богъ Скамандра, которой вчерась былъ моимъ супругомъ!,, Кормилица узнавъ обманъ, кричитъ, жалуется, проситъ, чтобъ обманщикъ былъ задержанъ; но по щастію онъ успѣлъ скрыться.

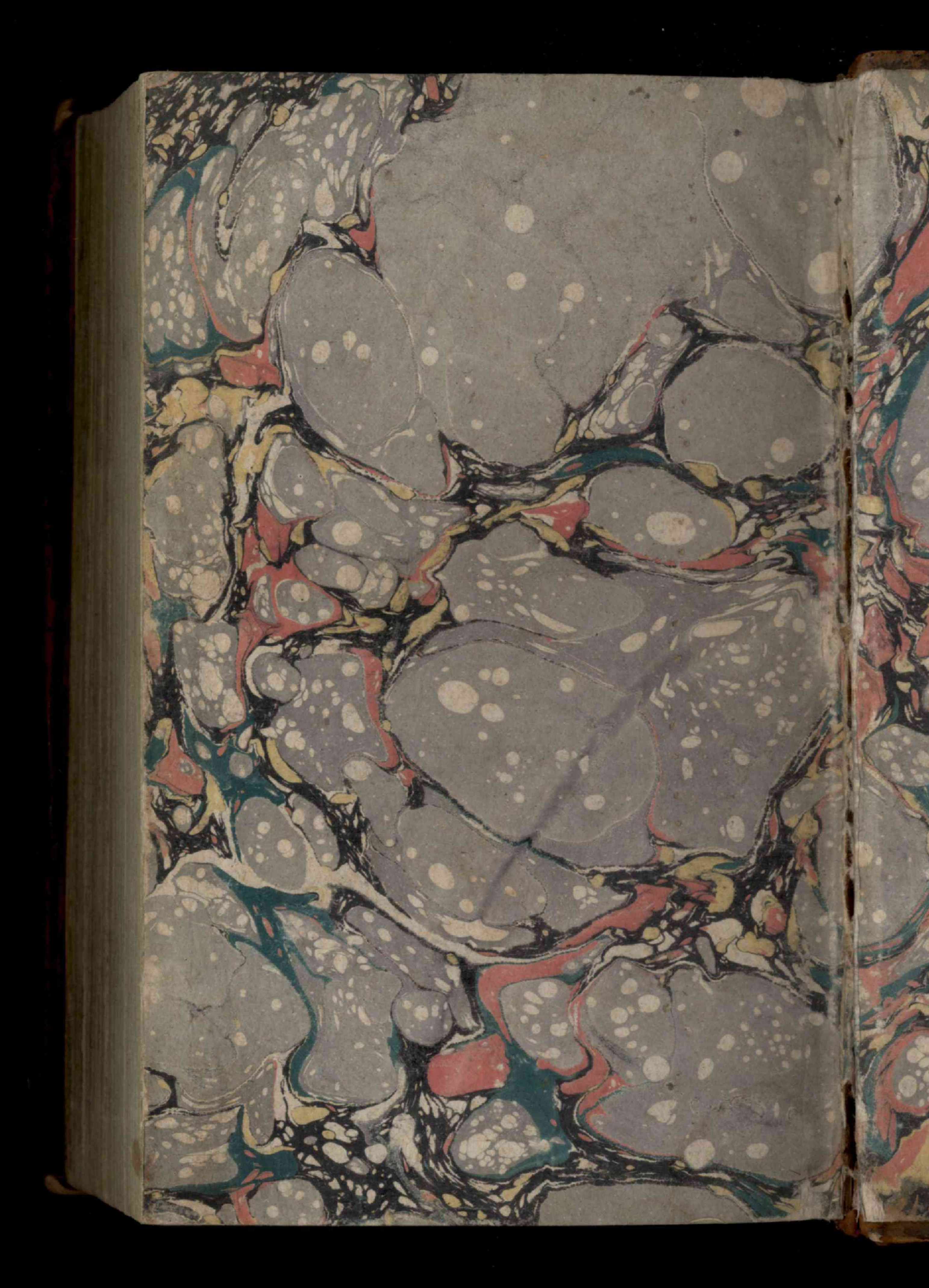
Біонъ пошелъ спать: ,,Пастухъ, говорилъ онъ, прощаясь съ нами, долженъ быть уже на ногахъ, когда утренняя звѣзда еще блистаетъ. Завтра мы обѣдаемъ на островѣ дружбы. Жизнь моя отлетаетъ. Каждой разъ, когда солнце всходитъ, могу я думать, что оно освящаетъ меня въ послѣдніе. Въ мои лѣта надобно подражать селянину: чѣмъ ближе ночь подходитъ, тѣмъ онъ болѣе спѣшитъ своею работою.“

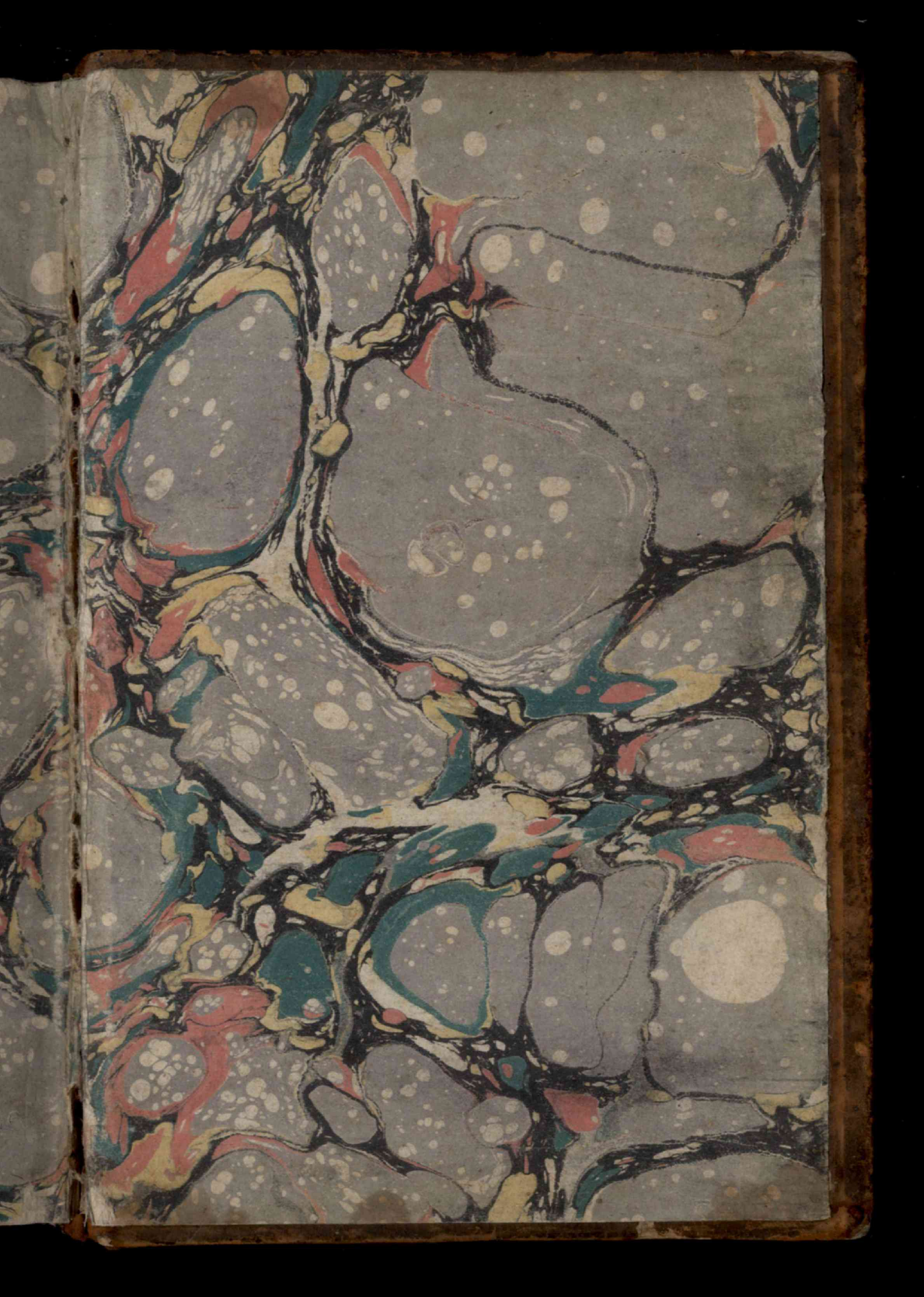
,,Каждой день есть благодѣяніе мнѣ отъ неба. Нынѣ наслаждаюсь тѣмъ, которой мнѣ данъ; молодые люди не больше меня имѣютъ на него права; а завтрешній не принадлежитъ никому.“

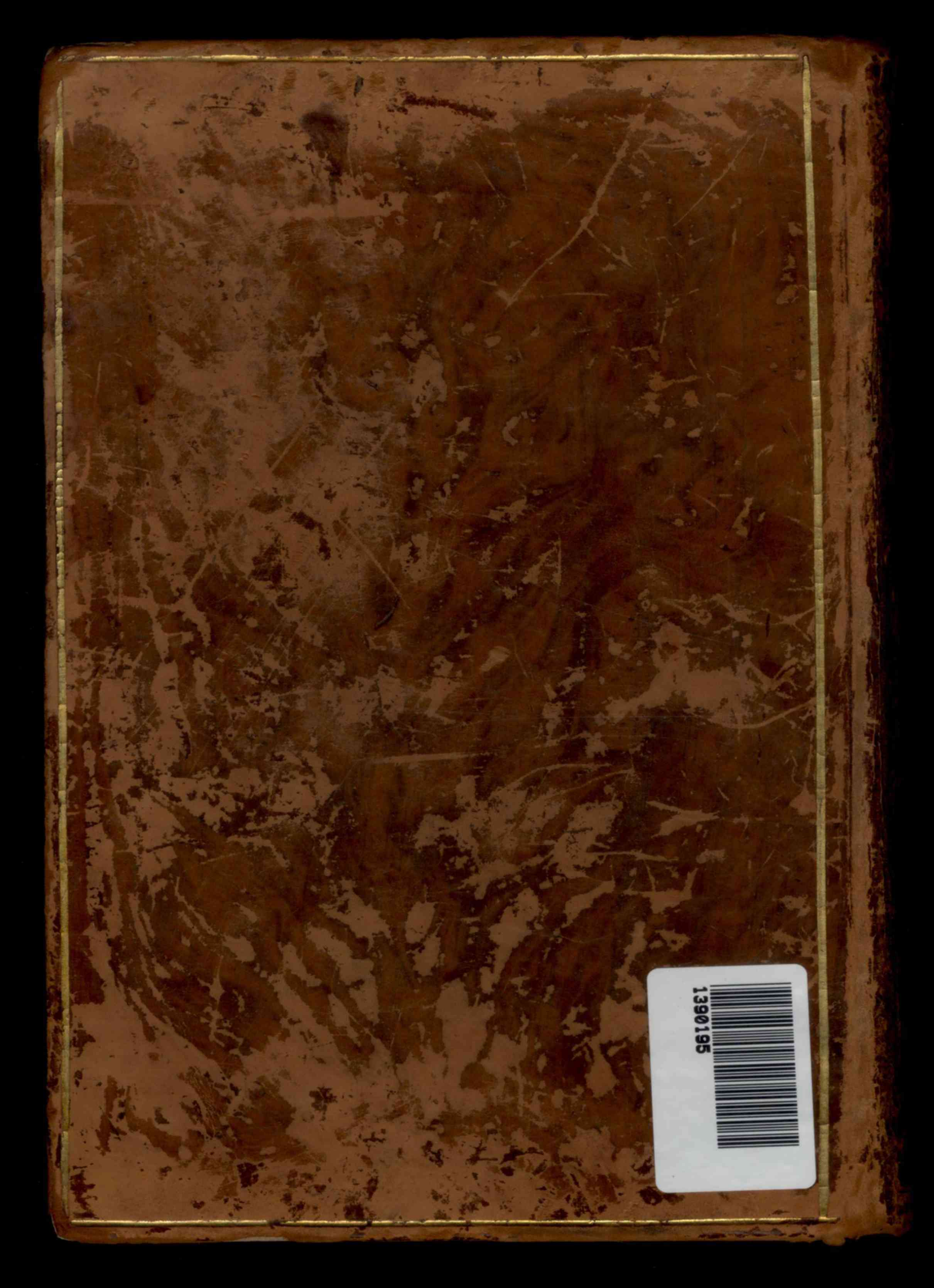
КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

20p

13900195